

Дмитрий Игоревич Апальков
родился в 1991 году. В 2014 г. с отличием окончил исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2018 г. там же защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Внутрипартийная борьба в РКП(б)–ВКП(б), 1920-е – начало 1930-х гг.» (научный руководитель – профессор О.В. Хлевнюк). С 2017 г. – преподаватель кафедры истории России XX-XXI вв. исторического факультета МГУ. С 2019 г. – старший научный редактор издательства «Большая российская энциклопедия».

ОТ «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»
К СТАЛИНСКОЙ ДИКТАТУРЕ

ДМИТРИЙ АПАЛЬКОВ • ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ВКП(Б):

ДМИТРИЙ АПАЛЬКОВ

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В ВКП(Б):

ОТ «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»

К СТАЛИНСКОЙ ДИКТАТУРЕ

Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Д.И. Апальков

Внутрипартийная
борьба в ВКП(б):

от «коллективного руководства»
к сталинской диктатуре

Москва
2022

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Дизайн и обложка – Сергей Щербина

Апальков Д.И.

Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).

ISBN 978-5-91022-508-8

На основе архивных документов, многие из которых впервые введены в научный оборот, в книге исследована борьба в высших эшелонах большевистской партии в 1920-е – начале 1930-х гг. Автор рассматривает внутрипартийную борьбу как процесс разрушения режима «коллективного руководства». Изучены перипетии политической борьбы, факторы эскалации и сдерживания конфликтов внутри большевистского руководства. Книга может быть полезна историкам, политологам, студентам соответствующих направлений, а также широкому кругу читателей, интересующихся советской историей.

ISBN 978-5-91022-508-8

© Апальков Д.И., 2022
© ЦНИ «Актуальная история», 2022
© АИРО-XXI, 2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	
ФЕНОМЕН «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»	20
Глава 2	
«НАСЛЕДНИКИ» ЛЕНИНА	33
2.1. Троцкий: «чужой» среди «своих»	33
2.2. «Семерка» против Троцкого	59
2.3. Распад «семерки»	68
2.4. «Объединенная оппозиция»	85
Глава 3	
РАЗРУШЕНИЕ «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»	111
3.1. Закат нэпа	111
3.2. Разгром «правого уклона»	133
3.3. На заре сталинизма	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
ПОСЛЕСЛОВИЕ	175
БИБЛИОГРАФИЯ	178
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	187

Введение

Результатом политической борьбы в большевистском руководстве в 1920-е – начале 1930-х гг. явилось становление режима личной власти И.В. Сталина. Иными словами, в ходе этой борьбы определялась судьба советской политической системы и вектор социально-экономического развития страны на несколько десятилетий. Этим обусловлен значительный интерес к данной проблематике как в историографии, так и со стороны широкой общественности.

В современном российском обществе по-прежнему активно исследуются и обсуждаются события, связанные с утверждением Сталина у власти, выдвигаются предположения о возможных вариантах развития страны и наличии несталинской альтернативы. Обращение историков к данной тематике является не просто ответом на возросший общественный интерес, но и важной исследовательской задачей, связанной со значительным расширением источниковой базы, появлением в открытом доступе новых архивных документов, что позволяет исследовать малоизученные аспекты внутрипартийной борьбы 1920-х – начала 1930-х гг.

Можно также отметить, что изучение конфликтов в высших эшелонах власти в условиях однопартийной (большевистской) диктатуры представляет интерес и с точки зрения политологии. Предсказанный Ф. Фукуямой «конец истории» так и не наступил. До торжества либеральной демократии в мировом масштабе еще далеко. Напротив, в последнее время во многих странах усиливаются авторитарные тенденции. Поэтому весьма актуальным является изучение истории эволюции авторитарных режимов. В частности, любопытно разобраться в том, каким образом в Советском Союзе после смерти Ленина авторитарный режим олигархического типа постепенно трансформировался в сталинскую диктатуру.

Историографию внутрипартийной борьбы можно условно разделить на три составляющие: советская, западная времен холодной войны и современная (российская и зарубежная).

В конце 1920-х – 1930-е гг. в Советском Союзе появилось большое количество книг и брошюр, которые обслуживали официальную позицию победившей сталинской фракции¹. Значительным событием для партийных историков сталинского периода стал выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». Внутрипартийная борьба в «Кратком курсе» представлена как противостояние ведомой Сталиным партии и оппозиционных групп – «политических мошенников» и «двурушников»². В хрущевский и брежневский периоды, несмотря на некоторые изменения в подходах к советской истории 1920–1930-х гг. и расширение источниковой базы, тема внутрипартийной борьбы оставалась одной из наиболее консервативных областей историографии. Оценки внутрипартийной борьбы оставались в основном прежними³.

Более разнообразной была западная историография. Согласно постулатам «тоталитарной школы», доминировавшей в 1950–1960-е гг., советский политический процесс представлял собой неумолимое движение к сталинской диктатуре, причем это было предопределено ленинской революцией⁴.

¹ Подробнее об этом см.: *Каширин С.В.* Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928–1934 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2004.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 286.

³ См., напр.: *Тетюшев В.И.* Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1961. № 3. С. 3–25; *Рыженко Ф.Д., Угрюмов А.Л.* Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903–1927 гг.). М., 1969; *Ваганов Ф.М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930). М., 1970; *Иванов В.М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма. Л., 1973; *Краснов А.В.* ЦКК–РКИ в борьбе за социализм (1921–1934 гг.). Иркутск, 1973; *Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д.* Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917–1934 гг.). М., 1974; *Дмитренко С.Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976.

⁴ Принципиальные положения тоталитарной концепции были сформулированы в работах политологов Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского (*Arendt H.*

Ряд исследователей, отвергавших представления советологов «тоталитарной школы», считали, что победа Сталина во внутрипартийной борьбе являлась отражением настроений партийной элиты, преданной идее индустриализации и модернизации экономики⁵. Как утверждал британский исследователь А. Ноув, становление сталинизма являлось закономерным процессом постольку, поскольку до 1934 г. политика Сталина, находившаяся «в рамках логических последствий ленинизма», воспринималась большинством членов партии как необходимая и неотложная. Вместе с тем, по мнению этого автора, сталинизм в его конкретных формах, утвердившихся во второй половине 1930-х гг., не был ни неизбежен, ни необходим⁶.

Р.В. Дэниелс, во многом предвосхитивший идеи «ревизионистской школы», внес большой вклад в изучение оппозиционных групп 1920-х гг.⁷ Отвечая на вопрос о причинах их поражения, Дэниелс отметил несколько факторов: их политическая слабость (разобщенность, нерешительность, непоследовательность и тактические промахи); закрепленный Лениным в 1921 г. принцип «единства партии», делавший запретным само существование оппозиции внутри партии; наконец, против оппозиции был сам «ход истории», способствовавший становлению в СССР «бюрократической», «тоталитарной» социальной организации. По мнению американского исследователя, Сталин преуспел во внутри-

The Origins of Totalitarianism. New York, 1951; *Friedrich C.J., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1956). Впоследствии в русле этого подхода были написаны труды историков А.Б. Улама, Л. Шапиро и Р. Пайпса (*Ulam A.B.* The man and his era. New York, 1973; *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1975; *Pipes R.* Russia under the Bolshevik regime. New York, 1993).

⁵ В частности, этой позиции придерживались такие известные исследователи, как Э.Х. Кэпп (*Carr E.H.* The Russian Revolution: From Lenin to Stalin. 1917–1929. London, 1979; *Кэпп Э.Х.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990) и Р. Такер (*Tucker R.C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. New York, 1973; *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990).

⁶ *Nove A.* Was Stalin really necessary? // Encounter. 1962. Vol. XVIII. № 4. P. 86–92.

⁷ *Daniels R.V.* The Conscience of the Revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1960.

партийной борьбе во многом в силу того, что олицетворял этот «ход социальной эволюции»⁸.

Заметное место в западной историографии занимают работы, рассматривающие в качестве альтернативы сталинизму троцкизм⁹ или так называемую «бухаринскую альтернативу»¹⁰, причем обсуждение последней активизировалось в начале 1980-х гг. в связи с рыночными реформами, проводившимися в социалистическом Китае.

Развертывание перестройки в СССР в конце 1980-х гг. привело к усилению общественного и научного внимания к истории внутрипартийной борьбы, деятельности оппозиций и личностям их лидеров. Юридическая реабилитация оппозиционеров и ослабление цензуры способствовали публикации новых источников¹¹, книг и статей, опиравшихся на более широкую документальную базу. Перестроечные споры о дальнейших перспективах развития СССР усиливали общественный интерес к истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг., потенциалу ленинского социализма и нэпа и причинам победы Сталина¹². В общем, в конце

⁸ Ibid. P. 398–407.

⁹ *Deutscher I.* The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921–1929. London, 1959 (*Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М., 2006); *Day R.B.* Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge, 1973; *Broue P.* The Political Struggles in Russia (1921–1929). London, 1987.

¹⁰ *Cohen S.F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938. New York, 1973 (*Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988).

¹¹ Первым серьезным публикатором закрытых ранее архивных документов стал журнал «Известия ЦК КПСС». Так, в 1990 г. в этом журнале были опубликованы письмо Л.Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. и «Заявление 46-ти», а в следующем году – документы, относящиеся к «литературной дискуссии» (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165–175; № 6. С. 189–194; 1991. № 7. С. 158–177; № 8. С. 179–196).

¹² *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. М., 1988; *Старцев В.И.* От «необъятной власти» к единовластию в партии (1922–1929 гг.) // Политическое образование. 1989. № 11. С. 66–75; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. Ч. 1–2. М., 1989; *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; *Зевелев А.И.* Истоки сталинизма. М., 1990; *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 1990. С. 82–129; *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; *Козлов А.И.* Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д, 1991; *Старков Б.А.*

1980-х – начале 1990-х гг. российская историография освобождалась от старых стереотипов, сводившихся к «демонизации» оппозиции и признанию правоты сталинской линии.

Благодаря «архивной революции» 1990-х гг. исследователи получили доступ к огромному массиву документов, что придало мощный импульс изучению внутрипартийной борьбы. Проанализировав архивные материалы, многие авторы пришли к выводу о закономерности победы Сталина во внутрипартийной борьбе на том основании, что в его руках были сосредоточены ключевые административно-бюрократические рычаги¹³.

В современной историографии есть и другие любопытные концепции, объясняющие победу Сталина в борьбе за власть. Так, некоторые исследователи в качестве одной из предпосылок утверждения сталинского единовластия рассматривают патримониальные традиции российской власти¹⁴.

По мнению А.В. Шубина, «сталинская стратегия» в отличие от «троцкистской» и «правой» альтернатив в полной мере отвечала ожиданиям партийных функционеров: обеспечение быстрых темпов индустриального развития и достижение «марксистского идеала однородного общества, полностью управляемого из единого центра экономически и социально»¹⁵.

Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145–177; *Васецкий Н.А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992; *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 72–95.

¹³ См., напр.: *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993; *Девятков С.В.* Единовластие в России. Возникновение и становление (1922–1927 гг.). М., 2000; *Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002; *Rees E.A.* Stalin as Leader 1924–1937: From Oligarch to Dictator // *The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953* / edited by E.A. Rees. New York, 2004. P. 19–58; *Service R.* Stalin: a biography. Cambridge (Mass.), 2005; *Kotkin S.* Stalin. Volume I: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York, 2014.

¹⁴ См., напр.: *Гетти А.* Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016.

¹⁵ *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М., 2004. С. 371.

С.А. Павлюченков представил внутривнутрипартийную борьбу в телеологическом ключе: «государственник» Сталин, одержав победу над «ведомственностью» Троцкого и «клановостью» Зиновьева и сломав «изживший себя» нэп, создал «государственную мобилизационную систему», необходимую для осуществления форсированной индустриализации¹⁶.

Вместе с тем в российской историографии была продолжена традиция противопоставления сталинизму альтернативы Л.Д. Троцкого. По мнению представителей «троцкистского» подхода, Троцкий являлся лучшим выразителем «ленинского наследия», а его поражение во внутривнутрипартийной борьбе было обусловлено бюрократическим «перерождением» партии и нездоровым режимом «верхушечных» блоков¹⁷.

В последние десятилетия был опубликован ряд работ, раскрывающих на основе новых архивных документов важные нюансы отдельных эпизодов внутривнутрипартийной борьбы¹⁸. Стоит также отметить исследования российских авторов, посвященные анализу идейно-теоретических разногласий в большевистском руководстве в 1920-е гг.¹⁹ В работах Т.С. Кондратьевой и Н.С. Симонова исследовано значение исторических аналогий с Великой французской революцией в политическом дискурсе 1920-х гг.²⁰

¹⁶ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. С. 283–460.

¹⁷ См., напр.: *Роговин В.З.* «Троцкизм»: взгляд через годы; *Воейков М.И.* Ленинское наследие: Зиновьев, Сталин, Бухарин или Троцкий? // Альтернативы: теоретический и общественно-политический журнал. 2010. № 1. С. 46–65.

¹⁸ См.: Вводные статьи *В.П. Данилова, А.Ю. Ватлина* и *О.В. Хлевнюка* в многомном издании документов: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 1–5. М., 2000; *Вилкова В.П.* От составителя // РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. С. 5–26; *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; *The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship* / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008.

¹⁹ См., напр.: *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; *Черняков С.Ф.* Внутривнутрипартийная борьба в ВКП(б), 1923–1927 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2000.

²⁰ *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; *Симонов Н.С.* Термидор, брюмер или фрюктидор. Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3–18.

В 1990–2000-е гг. фокус внимания исследователей постепенно перемещался с рассмотрения политической борьбы в большевистских «верхах» на детальное изучение феномена оппозиции 1920-х гг. Написано немало работ, посвященных деятельности оппозиции и составу ее участников, политическим практикам и формированию политической идентичности оппозиционеров²¹. Однако в целом по сравнению с историографическим «бумом» конца 1980-х – начала 2000-х гг. в настоящее время изучение внутрипартийной борьбы переживает период «затишья».

Для полноты картины отметим, что в общем объеме публикаций, затрагивающих так или иначе тему внутрипартийной борьбы 1920-х гг., определенная доля принадлежит книгам, прославляющим Сталина и основанным на разного рода конспирологических версиях²². Появление таких публикаций уральский историк В.М. Кружинов связывает с «ренессансом идей, изложенных в «Кратком курсе»», возникшим во многом в связи с неудачными преобразованиями 1990-х гг.²³

Резюмируя обзор историографии, отметим, что наиболее глубоко изучены доктринальные аспекты внутрипартийной борьбы 1920-х – начала 1930-х гг., программные документы и взгляды

²¹ Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992; Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. – декабрь 1929 г.). Новосибирск, 1997; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Панин Е.Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925–1926 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2002; Анфертьев И.А. Деятельность «Союза марксистов-ленинцев». М.Н. Рютин и борьба за власть в 1928–1932 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2004; Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг.: дис... канд. ист. наук. Киров, 2010; Скоркин К.В. Обречены проиграть. (Власть и оппозиция). М., 2011; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103; Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб., 2017; Halfin I. Intimate Enemies. Demonomizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.

²² См., напр.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003; Писаренко К.А. Тридцатилетняя война в Политбюро. М., 2006.

²³ Кружинов В.М. Указ. соч. С. 24.

лидеров противоборствующих сторон. На основании новых источников уточняется ход основных событий внутрипартийной борьбы, методы борьбы с оппозицией.

В то же время отсутствуют работы, исследующие внутрипартийную борьбу через призму функционирования и постепенного разрушения «коллективного» большевистского руководства – авторитарного режима олигархического типа. Комплексному, всестороннему исследованию внутрипартийной борьбы и ее результатов препятствует слабая изученность таких важных неформальных аспектов политического процесса, как изменения внутриэлитных отношений и баланса сил в высших эшелонах власти, а также факторы, в том числе субъективные и случайные, влиявшие на эти изменения.

Таким образом, цель данной книги состоит в том, чтобы исследовать внутрипартийную борьбу 1920-х – начала 1930-х гг. как процесс разрушения режима «коллективного руководства» большевистской партии. Данный подход учитывает то, какое влияние на ход и результаты внутрипартийной борьбы оказывали особенности политического поведения большевистской элиты.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 по 1932 гг. Выбор нижней хронологической рамки исследования обусловлен тем, что в 1922 г. в связи с тяжелой болезнью В.И. Ленина баланс сил в руководстве большевистской партии претерпел значительные изменения и возникли предпосылки для борьбы за лидерство в партии между «наследниками» Ленина. Выбор верхнего хронологического рубежа связан с тем, что в конце 1932 г. была разоблачена последняя антисталинская группа, имевшая отношение к высшей партийной власти.

Проблемы, находящиеся в центре внимания этой книги, разрабатываются на современном этапе исторической науки в рамках «новой политической истории», отличающейся особым интересом к неформальным аспектам политического процесса. Кроме того, полезной для осмысления рассматриваемой проблемы оказалась концепция Л. Козера, раскрывающая особенности генезиса и развития конфликтов в жестко структурированных (закрытых) группах²⁴.

²⁴ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

Данное исследование стало возможным во многом благодаря большому комплексу новых документов – тематическим папкам фонда Политбюро, которые охватывают историю внутрипартийной борьбы и оппозиционных групп с 1920-х по 1950-е гг. В основном это приложения к постановлениям Политбюро и разного рода дополнительные материалы, на основе которых члены Политбюро обсуждали соответствующие вопросы и принимали по ним решения: заявления, черновые наброски документов, письма, докладные записки, справочная информация и т. п. Следует отметить, что среди этих материалов есть и документы так называемой «семерки», раскрывающие подробности деятельности этого теневого органа власти, существовавшего в 1924–1925 гг. параллельно с Политбюро и предопределявшего его решения. Данные материалы, поступившие в Российский государственный архив социально-политической истории²⁵ из Архива Президента Российской Федерации в 2012 г., все еще слабо введены в научный оборот.

Проблематика внутрипартийной борьбы находит отражение и в другом тематическом корпусе документов – коллекции материалов по истории левой оппозиции 1920-х гг.²⁶ Данная коллекция была создана в 1965 г. в результате поступления в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС двух больших групп документов: личного архива деятеля левой оппозиции И.Я. Врачева и документов из сектора учета руководящих работников ЦК КПСС. Коллекция представляет собой списки участников левой оппозиции и краткие биографические справки на некоторых из них, а также заявления деятелей оппозиции в адрес партийного руководства и распространявшиеся оппозиционерами статьи и листовки.

Немало ценных сведений можно почерпнуть из протоколов заседаний Политбюро. Подписные экземпляры протоколов заседаний Политбюро, оформлявшиеся в виде машинописных брошюр²⁷, содержат минимальное количество информации о деятельности высшей партийной инстанции: это краткие записи в формате «слушали – постановили». Комплекс подлинных протоколов По-

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.

литбюро²⁸ примечателен тем, что в его составе можно найти различные сопутствующие документы, в том числе стенограммы заседаний Политбюро, относящиеся к периоду 1920–1930-х гг.

Стенограммы заседаний Политбюро²⁹ и пленумов ЦК³⁰ являются важнейшим источником, дающим возможность изучать механизмы функционирования «коллективного руководства» и характер взаимоотношений членов высших партийных органов на различных этапах внутрипартийной борьбы.

Стенографирование заседаний Политбюро и пленумов ЦК выступало в качестве своеобразного атрибута «коллективного руководства» – информационного канала, позволяющего лидерам партии доводить свои взгляды до сведения определенного круга партийно-государственных функционеров. После заседаний стенограммы перерабатывались в стенографические отчеты, которые печатались в виде брошюр (помимо стенограмм, брошюры содержали приложения – различные документы, на которых базировалось обсуждение). Стенографические отчеты заседаний высших партийных органов, получившие в партийном обиходе название «красные книжки», были доступны для ознакомления не только членам ЦК и ЦКК, но и членам губкомов, обкомов, крайкомов и соответствующих контрольных комиссий, бюро ЦК ВЛКСМ, партийным членам коллегий наркоматов СССР и РСФСР³¹. В политический лексикон большевистского руководства даже вошел такой речевой оборот, как «говорить для стенограммы»³².

Характеризуя ценность стенограмм Политбюро и пленумов ЦК как исторического источника, добавим, что участники заседаний, увлеченные полемикой, иногда сообщали некоторые важ-

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163.

²⁹ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг.: в 3 т. / Под ред. К.М. Андерсона, А.Ю. Ватлина, П. Грегори, А.К. Сорокина, О.В. Хлевнюка. М., 2007.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. М., 2000.

³¹ См., напр., обратную сторону титульного листа рассылочного экземпляра стенограммы заседаний Политбюро по вопросу «О внутрипартийном положении» 8 и 11 октября 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 700. Л. 1 об.).

³² См.: Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 656, 686, 691; Как ломали нэп. Т. 2. С. 430.

ные подробности неформальных совещаний и встреч. Следует отметить, что, несмотря на информационный потенциал стенограмм как исторического источника, они до сих пор слабо введены в научный оборот. Кроме того, в ходе изучения архивных материалов нами был обнаружен уникальный исторический источник, считавшийся долгие годы потерянным, – стенограммы совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК, состоявшихся 30 января и 9 февраля 1929 г.³³

Источники личного происхождения по истории внутрипартийной борьбы 1920-х – начала 1930-х гг. представлены перепиской большевистского руководства и мемуарной литературой.

Переписка большевистского руководства, наряду со стенограммами Политбюро и пленумов ЦК, является незаменимым источником для изучения неформальных отношений внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы. Многие письма, отложившиеся в личных архивных фондах партийных деятелей³⁴, были опубликованы в сборниках документов³⁵.

Отдельного внимания заслуживает конспективная запись Л.Б. Каменева о его беседе с Н.И. Бухариным и Г.Я. Сокольниковым, состоявшейся 11 июля 1928 г. Эта запись предназначалась Г.Е. Зиновьеву для ознакомления, однако ее копия оказалась у троцкистов и в январе 1929 г. была издана ими в виде листовки³⁶. Данный текст важен для понимания неформальных отношений и расклада сил в Политбюро летом 1928 г.

³³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 179–181.

³⁴ В данном исследовании использованы документы личных фондов членов Политбюро, которые хранятся в РГАСПИ: И.В. Сталина (фонд 558), Л.Д. Троцкого (фонд 325), Г.Е. Зиновьева (фонд 324), Л.Б. Каменева (фонд 323), Н.И. Бухарина (фонд 329), Г.К. Орджоникидзе (фонд 85).

³⁵ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 / Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996; Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов, О.В. Наумов, О.В. Хлевнюк. М., 1995; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001.

³⁶ Данная листовка, содержащая полный текст записи Л.Б. Каменева, была опубликована в приложении к стенографическому отчету совместных заседаний

Иначе обстоит дело с мемуарными свидетельствами в силу значительной субъективности этой категории источников. По понятной причине в мемуарах политических деятелей сомнительные эпизоды их биографии зачастую замалчиваются или преподносятся в ложном свете. Воспоминания Л.Д. Троцкого, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и А.И. Микояна в этом отношении не являются исключением³⁷.

С не меньшим скепсисом следует подходить к мемуарам Б.Г. Бажанова и вдовы Бухарина А.М. Лариной, в которых представлены свидетельства об отдельных эпизодах внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Бажанов – бывший помощник Сталина, бежавший из СССР в январе 1928 г., безусловно, мог знать некие эксклюзивные подробности о происходившей в Политбюро борьбе. Вместе с тем, как нам представляется, его книга³⁸, опубликованная впервые в 1930 г. во Франции, была прежде всего коммерческим проектом, который должен был вызвать большой интерес у западных читателей, поэтому нельзя исключать, что в погоне за сенсациями в ряде случаев Бажанову приходилось домысливать и фантазировать. В этой связи многие приведенные им сведения, не подтвержденные другими источниками, не рассматриваются нами в качестве исторических фактов.

Ларина в своих воспоминаниях уделила внимание некоторым обстоятельствам внутрипартийной борьбы конца 1920-х гг.³⁹, однако необходимо учитывать, что на момент описываемых собы-

Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3–4). Кроме того, запись Каменева была опубликована Ю.Г. Фельштинским, работавшим с документами из архива Л.Д. Троцкого (хранится в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета): *Фельштинский Ю.Г.* Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 182–198; *Он же.* Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. Нью-Йорк, 1991. С. 30–37.

³⁷ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991; *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; *Каганович Л.М.* Памятные записки. М., 1996. *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

³⁸ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.

³⁹ *Ларина (Бухарина) А.М.* Незабываемое. М., 1989. С. 88–101.

тий будущая супруга Бухарина находилась в подростковом возрасте и имела весьма ограниченный доступ к информации из высших политических кругов. Мемуары Лариной были написаны ей несколько десятилетий спустя, поэтому нельзя исключать, что во многих случаях ее подводила память.

Воспоминания А.Г. Авторханова относительно внутривнутрипартийной борьбы конца 1920-х – начала 1930-х гг., изложенные им в книге «Технология власти»⁴⁰, представляются по большей части недостоверными⁴¹. Мемуары других деятелей, далеких от большевистских «верхов»⁴², также не были использованы в данном исследовании в силу его специфики.

Наконец, отметим, что многие важные документы по истории внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг., извлеченные из архивов (письма, заявления, стенограммы выступлений большевистских руководителей), были опубликованы в документальных сборниках⁴³.

Научная новизна и значимость данного исследования заключается как в применении нового ракурса рассмотрения внутривнутрипартийной борьбы 1920-х – начала 1930-х гг., так и в привлечении новых архивных материалов, в том числе тех, которые позволяют изучить неформальную («теневую») сторону внутривнутрипартийной борьбы. Избранный нами подход позволяет углубить понимание процесса генезиса сталинской диктатуры в недрах большевистского руководства.

⁴⁰ Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

⁴¹ См. критический обзор этой книги: *David-Fox M. Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Avtorkhanov's Technology of Power // Slavic Review. Vol. 54. No. 4 (Winter 1995). P. 988–1003.*

⁴² *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991; *Абрамович И.Л.* Воспоминания и взгляды. Кн. 1. Воспоминания. М., 2004; *Павлов И.М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001.

⁴³ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1990; РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П. Вилкова. М., 2004; Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг. Сборник документов / Сост. О.Б. Мозохин. М., 2017.

Глава 1

Феномен «коллективного руководства»

Понятие «коллективное руководство» вошло в обиход большевистских функционеров после отхода В.И. Ленина от политической деятельности и отражало их представления об оптимальном пути политического развития в условиях отсутствия безоговорочного лидера партии. Г.Е. Зиновьев, выступая на XII съезде партии, говорил: «В тот момент, когда мы не слышим компетентного слова Владимира Ильича, мы должны заменить его коллективной волей, коллективной мыслью, коллективной энергией и коллективной настойчивостью. (Аплодисменты.)»¹. В подобном ключе на XIV съезде партии высказался И.В. Сталин: «Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича. (Аплодисменты). Глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, – вот что нам нужно теперь»². В целом идею «коллективного руководства» можно считать имманентной чертой советской политической культуры, ведь не случайно она снова актуализировалась в 1953 г. после смерти Сталина, а затем и в 1964 г. после отстранения от власти Н.С. Хрущева³.

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 53.

² XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 508.

³ См.: *Фельдман Д.М.* Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006. С. 40–46; Выписка из протокола № 164 заседания Президиума ЦК КПСС от 13–14 октября 1964 года. Вопросы, возникшие в Президиуме ЦК, и о мерах по восстановлению ленинских принципов.

Как нам представляется, «коллективное руководство» являлось режимом олигархического типа, основанным на политической субъектности коллегиальных органов высшей власти СССР – Политбюро и Центрального комитета ВКП(б). Иными словами, это модель власти, в рамках которой принципиальные решения обсуждались и принимались группой вождей большевистской партии («наследников» Ленина) – руководителей, обладавших наибольшим политическим весом.

По партийному уставу, Политбюро, образованное как постоянный орган в марте 1919 г., было исполнительной инстанцией Центрального комитета партии. Политбюро избиралось на пленумах ЦК для ведения политической работы в период между пленумами. Однако в действительности Политбюро являлось высшим органом власти в СССР. Именно Политбюро предопределяло все основные направления развития страны и принимало решения по ключевым вопросам (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем)⁴. Политбюро занимало центральное место в системе «коллективного руководства». Наличие определенного баланса сил в Политбюро препятствовало становлению единоличной диктатуры, будучи первоочередным условием сохранения «коллективного руководства».

Ключевыми фигурами «коллективного руководства» были наиболее авторитетные члены Политбюро. По мнению С. Козна, эту узкую группу составляло ««основное ядро ленинцев», пятеро из шести человек, о которых Ленин писал в своем «Завещании»: Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин»⁵. По нашему мнению, к этому списку следует добавить А.И. Рыкова и М.П. Томского, которые занимали важные позиции во власти и являлись самостоятельными политическими фигурами. Рыков после смерти Ленина получил должность председателя Совнаркома СССР. С того времени, как Л.Б. Каменев в январе 1926 г. был переведен

пов коллективного руководства в деятельности ЦК КПСС // Дилетант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/35900700/>

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 3.

⁵ Козн С. Указ. соч. С. 266.

из членов Политбюро в кандидаты, Рыков, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро. Томский с 1918 г. возглавлял ВЦСПС – центральный орган, руководивший деятельностью всех профсоюзных организаций страны. Как заметил сам Томский, такой «насыщенности членами ЦК», как в Президиуме ВЦСПС, не было ни в одном другом внепартийном органе власти⁶.

Второй уровень «руководящего коллектива»⁷ составляли члены Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Внутри ЦК была своя негласная иерархия. С. Коэн выделяет в составе ЦК «неофициальную группу старших членов». По его мнению, она состояла из «двадцати – тридцати влиятельных лиц». Помимо членов и кандидатов в члены Политбюро, в эту когорту входили секретари ЦК и «главы важнейших делегаций в ЦК (представлявших в первую очередь Москву, Ленинград, Сибирь, Северный Кавказ, Урал и Украину)»⁸.

Существование такого костяка ведущих членов ЦК определяло стабильность состава ЦК. Отметим, что 26 из 40 членов ЦК, избранных XII партийным съездом, вошли в состав ЦК по итогам XV партсъезда. Иначе говоря, членами ЦК не стали только те деятели, которые к тому моменту умерли (Ленин, Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе), были исключены из партии за оппозиционную деятельность (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Г.Е. Евдокимов, П.А. Залуцкий, М.М. Лашевич, Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Х.Г. Раковский) или стали членами Президиума ЦКК (Г.К. Орджоникидзе, И.И. Коротков)⁹.

Расширение состава ЦК, его пополнение новыми членами зависело от закулисных договоренностей внутри большевистского руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Ста-

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 33.

⁷ Понятие «руководящий коллектив» заимствовано нами из выступления Г.Е. Зиновьева на июльском пленуме 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 15 об.).

⁸ Коэн С. Указ. соч. С. 392.

⁹ Анализ проведен на основе информации из справочника: Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). Историко-биографический справочник / Авт.-сост. Ю.В. Горячев. М., 2015. С. 13–14, 22–24.

лина Бухарину от 17 апреля 1926 г., в котором он предлагал «подтягивать новых людей к ЦК, к Политбюро и готовить их для ЦК»¹⁰. Фактически составы ЦК формировались не на партийных съездах, а накануне. На заседании сеньорен-конвента («совета старейшин») съезда лидеры делегаций познакомились с заранее сформированным списком членов ЦК нового созыва и утверждали его¹¹. На последнем заседании съезда на основе этого списка проводилось голосование. Кандидатуры, одобренные сеньорен-конвентом съезда, могли получить некоторое количество «черных шаров» (участники голосования имели право вычеркивать фамилии из списка и вписывать другие)¹², но большинство делегатов, как правило, голосовало именно так, как было условлено.

К компетенции ЦКК относилось урегулирование внутрипартийных конфликтов и борьба с оппозиционными группами. Члены ЦКК избирали Президиум ЦКК (21 член и 9 кандидатов), имевший непосредственное отношение к деятельности Политбюро и ЦК. Согласно уставу партии, как минимум трое членов Президиума ЦКК должны были присутствовать с правом совещательного голоса на заседаниях Политбюро. Члены и кандидаты в члены Президиума ЦКК присутствовали на пленумах ЦК с совещательным голосом, на объединенных пленумах ЦК и ЦКК члены ЦКК имели право решающего голоса¹³. Кроме того, члены и кандидаты в члены Президиума ЦКК имели право решающего голоса также на совместных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК. Проведение этих заседаний практиковалось в конце

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 796. Л. 28.

¹¹ См., напр., стенограмму заседания сеньорен-конвента XIV съезда ВКП(б): РГАСПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97.

¹² О.Г. Назаров приводит интересную статистику по выборам на XII съезде, проходившем в апреле 1923 г. Ленин был единственным, кто не получил «черных шаров». По одному «черному шару» (из 386 голосов) получили Калинин и Дзержинский, по два – Сталин, Бухарин, Кубяк, Петровский и Рудзутак. Среди членов ЦК, избранных на этом съезде, в первую десятку антирейтинга, в частности, вошли Троцкий (6-е место по количеству «черных шаров») и Зиновьев (9-е место). См.: Назаров О.Г. Указ. соч. С. 85.

¹³ Устав ВКП(б), утвержденный ЦК ВКП(б) 17 июня 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925–1935. М., 1936. С. 89.

1920-х – начале 1930-х гг. и выполняло функцию высшего партийного суда над членами Политбюро и ЦК¹⁴.

Председатель ЦКК по своему статусу фактически был равен члену Политбюро (при этом членам ЦКК запрещалось быть одновременно членами ЦК и Политбюро¹⁵). Примечательно, что в состав «семерки» – теневого органа власти, оформившегося в августе 1924 г., – наряду с членами Политбюро (за исключением Троцкого) вошел председатель ЦКК В.В. Куйбышев¹⁶. Добавим, что Куйбышев и Орджоникидзе, первый и второй руководители ЦКК, вскоре после освобождения от этой должности избирались членами Политбюро.

Одной из основополагающих норм «коллективного руководства» было неукоснительное соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высших эшелонах власти. По словам Рыкова, сущность «коллективного руководства» заключалась в следующем: «Мы спорим в Политбюро, доказываем друг другу правильность своей точки зрения и вместе все защищаем то, что решили»¹⁷.

Переход конфронтации между членами высшего руководства партии в публичную сферу неизбежно приводил к обострению конфликта. Раскол внутри элиты угрожал монополии большевистской партии на власть. Настроения «единства», преобладавшие в Политбюро и ЦК, можно также объяснить с точки зрения теории социального конфликта: «Тесно сплоченные группы, для которых характерно непрерывное взаимодействие и глубокая личная вовлеченность их членов, имеют тенденцию к подавлению конфликтов... Следовательно, чем теснее отношения в группе, тем острее конфликт. Там, где личность целиком вовлечена в жизнь группы, а конфликты подавляются, конфликт, все-таки вырвавшийся наружу, скорее всего, будет угрожать самим осно-

¹⁴ Подробнее об этом см. в главах 2 и 3.

¹⁵ Устав ВКП(б)... С. 89.

¹⁶ *Зиновьев Г.Е.* История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

¹⁷ Как ломали нэп. Т. 4. С. 316.

вам взаимоотношений»¹⁸. Иными словами, как уже отмечалось в литературе, большинство членов «руководящего коллектива» партии опасались политической борьбы, поскольку «раскол в верхах означал, что непременно нужно было принимать чью-то сторону, втягиваться в борьбу и рисковать в случае поражения»¹⁹.

Закрепление этих представлений в политическом сознании большевистской элиты было связано с последствиями профсоюзной дискуссии, развернувшейся в партии в конце 1920 – начале 1921 г. Т.А. Санду полагает, что набиравшая популярность в ходе дискуссии платформа «рабочей оппозиции» не угрожала «большевистской гегемонии в Советской России», поскольку, по ее мнению, «речь шла не об утрате партийной власти над экономикой... а о возможной перегруппировке сил внутри самой партии: ослабление позиций большевистских хозяйственников, выдвинутых ЦК РКП(б), и усиление влияния большевиков-профессионалистов, сохранявших известную самостоятельность»²⁰.

Однако, по нашему мнению, у Ленина были все основания опасаться того, что практическая реализация идей «рабочей оппозиции» может создать альтернативу диктатуре большевистской партии. Переход управления промышленностью к советским профсоюзам, объединявшим практически всех беспартийных рабочих, мог привести к появлению независимых от большевистского руководства центров власти, ориентирующихся не столько на партийные директивы, сколько на требования беспартийных рабочих. Тем более, как верно заметил С.В. Цакунов, «Ленин прекрасно знал, что в профсоюзах сохранялось сильное влияние меньшевиков и в случае соединения идей «рабочей оппозиции» и меньшевизма в российском рабочем движении могла возникнуть такая сила, которую уже никакими репрессиями не остановишь»²¹.

¹⁸ Козер Л. Указ. соч. С. 180.

¹⁹ Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали нэп. Т. 2. С. 6.

²⁰ Санду Т.А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919–1923 гг.): дис... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 123–124.

²¹ Цакунов С.В. Указ. соч. С. 37.

Кроме того, следует отметить, что атмосфера жарких споров способствовала усилению оппозиционных и анархистских настроений среди матросов Балтийского флота, что стало фактором, стимулировавшим созревание Кронштадтского восстания. В докладе следственной комиссии ВЧК отмечалось, что «одной из основных причин этого движения несомненно являлась страстная полемика в рядах РКП, ослабление внутренней спайки и падение партийной дисциплины в широких кругах членов партии»²². С тех пор в сознании большевистской элиты открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии прочно связывалось с угрозой повторения «кронштадтских событий». Не случайно в критические моменты внутривнутрипартийной борьбы об угрозе «нового Кронштадта» заявляли такие видные члены «руководящего коллектива», как Ф.Э. Дзержинский²³, К.Е. Ворошилов²⁴ и Е.М. Ярославский²⁵.

Принятая X съездом партии (8–16 марта 1921 г.) резолюция «О единстве партии» подводила итоги профсоюзной дискуссии и была направлена на обеспечение «строгой дисциплины внутри партии» и «полное уничтожение всякой фракционности». «Возрождение или допущение фракционности» трактовалось как нарушение дисциплины, наказуемое «всеми мерами партийных взысканий»: от изгнания из высших партийных органов до исключения из партии. При этом под «признаками фракционности» понималось «возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину»²⁶. Иными словами, под запретом было не только создание сплоченных, организованных оппозиционных групп (фракций), но и составление и распространение оппозиционных документов – само появление таких документов квалифи-

²² Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 65–66.

²³ Большевистское руководство. Переписка. С. 309–310.

²⁴ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 363.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 254. Л. 12.

²⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее – КПСС в резолюциях и решениях). Т. 2. С. 334–337.

цировалось как «стремление» создать фракцию и тем самым внести раскол в ряды партии.

Согласно 7-му пункту резолюции «О единстве партии», объединенные пленумы ЦК и ЦКК были уполномочены применять «все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии» в отношении членов партии (в том числе членов Политбюро и ЦК), уличенных в стремлении поколебать «единство партии». Для этого требовалось две трети голосов членов ЦК и ЦКК²⁷.

Таким образом, данная резолюция закрепляла в сознании большевистских функционеров недопустимость оппозиционной деятельности. Соблюдение принципа «единства партии» вступало в противоречие с декларированным (но не соблюдавшимся в действительности) принципом внутривнутрипартийной (или, как тогда говорили, «рабочей»²⁸) демократии.

Следует отметить, что определенные предпосылки для формирования режима «коллективного руководства» сложились еще при Ленине. С одной стороны, большевистская партия возникла и развивалась как вождистская структура. Ленин, будучи главным вождем партии, обладал огромным политическим весом, позволявшим ему добиваться своего по всем принципиальным вопросам. С другой стороны, помимо Ленина были и другие вожди – его ближайшие соратники и единомышленники, которые уступали авторитету главного вождя, но вместе с тем занимали видное положение в структуре власти. С 1919 г. функционировало Политбюро – постоянно действующий коллегиальный орган власти. В период правления Ленина сохранялась возможность споров и дискуссий, хотя после принятия в 1921 г. резолюции «О единстве партии» фактически запрещалось выносить разногласия за пределы узкого круга «руководящего коллектива».

Заметим, что порой победы в спорах с коллегами стоили Ленину серьезных усилий. Одним из таких эпизодов стала полити-

²⁷ Там же. С. 336–337.

²⁸ В партийном лексиконе 1920-х гг. понятия «рабочая демократия» и «внутрипартийная демократия» являются равнозначными, поскольку официально большевистская партия определялась как политическая организация рабочего класса (РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 290).

ческая баталия, развернувшаяся в начале 1918 г. вокруг заключения Брестского мира. По воспоминаниям Г.К. Орджоникидзе, «Владимир Ильич, когда решался вопрос о Брестском мире... весь свой авторитет, всю тяжесть своего огромного авторитета положил на чашу весов»²⁹. Победа в профсоюзной дискуссии 1920–1921 гг. также далась Ленину нелегко. По словам современного историка, в этом противостоянии Ленин проявил себя как «непревзойденный тактик фракционной борьбы»³⁰.

Ленин также встречал значительное сопротивление, когда поднимал вопрос об исключении из партии представителей старой большевистской гвардии. Так, например, накануне Октябрьской революции Ленин, считавший действия Зиновьева и Каменева предательством, требовал исключить их из партии, однако его соратники выступили против этой инициативы³¹. Сталин впоследствии вспоминал об этом эпизоде: «...в Октябрьские дни, в период ошибок Каменева и Зиновьева, Ленин 7 раз предлагал исключить из партии обоих этих товарищей. Кто стоял против этого? Я, Свердлов, кажется, Троцкий и некоторые другие. Мы несколько раз выносили тогда в ЦК решение о том, чтобы т. Ленин не настаивал на своем требовании об исключении»³².

Показателен и другой случай. В начале августа 1921 г. Ленин, реагируя на действия лидера «рабочей оппозиции» А.Г. Шляпникова³³, потребовал не только вывести его из состава ЦК РКП(б), но и исключить из партии. Казалось бы, в той ситуации у Ленина были все основания рассчитывать на полную поддержку членов ЦК и ЦКК, поскольку оппозиционные выступления Шляпникова вполне могли быть расценены как грубое нарушение партийной дисциплины³⁴. Тем не менее, на объединенном пленуме ЦК и

²⁹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 448.

³⁰ Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 47.

³¹ Авторханов А. Происхождение партократии. Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 396–397.

³² Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 673.

³³ Подробнее о деятельности А.Г. Шляпникова и его сторонников после их поражения на X съезде партии см.: Санду Т.А. Указ. соч. С. 128–181.

³⁴ Резолюция X съезда РКП(б) «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» объявила пропаганду идей «рабочей оппозиции» «несовмести-

ЦКК, состоявшемся 9 августа 1921 г., Ленину не удалось добиться желаемого результата: до необходимых двух третей голосов не хватило одного голоса³⁵.

Более того, спустя несколько месяцев Шляпников снова избежал наказания, предусмотренного за оппозиционную деятельность. 26 февраля 1922 г. он и его сторонники обратились в Президиум Исполкома Коминтерна (ИККИ) с заявлением, содержащим резкую критику сложившегося внутрипартийного режима. Специальная комиссия ИККИ, работавшая под контролем Зиновьева и Троцкого, констатировала нарушение группой Шляпникова партийной дисциплины³⁶. Тем не менее, Шляпников остался в рядах партии, хотя и не был переизбран в ЦК по итогам XI партсъезда (27 марта – 2 апреля 1922 г.).

Таким образом, характерная черта большевистской политической культуры, закрепившаяся еще при Ленине, заключалась в проведении более мягкой карательной политики в отношении оппозиционеров, являвшихся заслуженными партийными деятелями (члены Политбюро и ЦК, старые большевики). Во многом это было связано с тем, что жесткие меры против таких фигур неизбежно вызывали волну возмущения как в большевистской партии, так и в зарубежных компартиях. По всей видимости, также сказывалась корпоративная солидарность, основанная на принадлежности к категории старых большевиков, прошедших вместе через царские тюрьмы и ссылки, революцию и гражданскую войну.

Влияние этого феномена на решения членов «руководящего коллектива» партии сохранялось вплоть до начала 1930-х гг. Например, любопытный эпизод произошел в январе 1929 г., когда решалась судьба Троцкого. Поведение Троцкого, продолжавшего придерживаться оппозиционных взглядов и переписываться с соратниками (несмотря на исключение из партии и пребывание в ссылке в Алма-Ате), ставило перед высшим руководством партии

мой с принадлежностью к Российской коммунистической партии» (КПСС в резолюциях и решениях. Т. 2. С. 339).

³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 526–527.

³⁶ Санду Т.А. Указ. соч. С. 169–171.

вопрос относительно применения в отношении него новых репрессивных мер. Однако в Политбюро не было единодушия по данному вопросу.

Об этом споре Рыков рассказывал на апрельском пленуме 1929 г.: «Голосовали против высылки Троцкого я, т. Томский, т. Куйбышев... Я доказывал, что боюсь, во-первых, того, что Троцкого убьют, так как он был организатором Красной армии. В период гражданской войны нами было расстреляно большое количество белых контрреволюционеров, и личную ответственность за это молва возлагала в значительной степени на Троцкого. Многие родственники и друзья этих расстрелянных живут за границей... Второе мое соображение против высылки заключалось в том, что за границей Троцкий может развить легче, чем здесь, свою контрреволюционную антисоветскую работу»³⁷.

Следует отметить, что Рыков, выражая несогласие с высылкой Троцкого из страны, на первое место поставил заботу о его безопасности. Как нам кажется, этот пример хорошо иллюстрирует, что в конце 1920-х гг. в большевистском руководстве в некоторой степени еще сохранялось чувство корпоративной солидарности.

Закономерным итогом борьбы за власть в Политбюро стало разрушение режима «коллективного руководства», сопровождавшееся усилением позиций Сталина. В течение нескольких лет он проделал путь от лидера «коллективного руководства» (своего рода «*primus inter pares*») к единоличной власти.

В ряде работ справедливо отмечается, что главным политическим ресурсом Сталина был механизм «секретарской власти», благодаря которому он продвигал своих сторонников на разные этажи власти, вплоть до их вхождения в состав ЦК³⁸. Действительно, будучи генеральным секретарем ЦК (с 3 апреля 1922 г.), Сталин возглавлял партийный аппарат, руководил организационно-кадровой работой партии. Поэтому в его руках находились серьезные рычаги влияния на карьеры многочисленных партийных и советских работников. Не случайно уже в августе 1922 г.

³⁷ Как ломали нэп. Т. 4. С. 316.

³⁸ См., напр.: *Такер Р.* Указ. соч. С. 272–273; *Назаров О.Г.* Указ. соч. С. 184, 187.

А.М. Назаретян в письме Г.К. Орджоникидзе отметил, что для обозначения «лиц, находящихся в распоряжении Цека и не имеющих еще назначения» появилось выражение «ходить под Сталиным»³⁹. В конце 1922 г. это обстоятельство вызывало серьезное беспокойство у Ленина: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...»⁴⁰.

В общем, Сталин постепенно обрастал клиентелой. Многие «сталинцы» делали успешную карьеру, некоторые из них пополняли ряды членов ЦК. Опираясь на административные рычаги, Сталин неоднократно дискредитировал своих оппонентов, путем аппаратных интриг снимал их сторонников с занимаемых должностей. Кроме того, благодаря должности генсека он обладал неограниченным доступом к полному объему секретных сведений (в отличие, например, от Бухарина, которому в июле 1928 г. пришлось целых два дня добиваться от ОГПУ получения информации о положении в деревне⁴¹).

Вместе с тем, как показывает наше исследование, Сталину, несмотря на его огромный аппаратный вес, в ряде эпизодов борьбы за власть для победы над оппонентами приходилось прикладывать значительные усилия. Дело в том, что вплоть до конца 1920-х гг. он не имел гарантированной поддержки большинства членов «руководящего коллектива».

* * *

«Коллективное руководство» представляло собой режим олигархического типа, основанный на политической субъектности коллегиальных органов высшей власти СССР – Политбюро и Центрального комитета ВКП(б).

Императивом «коллективного руководства» было неукоснительное соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высших эшелонах власти. В сознании большевистской

³⁹ Большевистское руководство. Переписка. С. 263.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

⁴¹ Как ломали нэп. Т. 2. С. 382.

элиты открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии было недопустимым.

В то же время характерная черта большевистской политической культуры заключалась в том, что к оппозиционерам, являвшимся заслуженными партийными деятелями, применялась относительно мягкая карательная политика.

В целом в 1920-е гг. в развитии советской политической системы столкнулись две противоречивые тенденции. С одной стороны, режим «коллективного руководства» считался оптимальным в среде большевистской элиты. С другой стороны, «коллективное руководство» постепенно разрушалось по причине борьбы за власть в Политбюро и усиления позиций Сталина.

Глава 2

«Наследники» Ленина

2.1. Троцкий: «чужой» среди «своих»

Ключевым фактором, определявшим баланс сил в большевистском руководстве, был авторитет безоговорочного лидера партии В.И. Ленина. Поэтому неудивительно, что его болезнь (25 мая 1922 г. он перенес инсульт) спровоцировала обострение противоречий в высших эшелонах власти.

Летом 1922 г., когда впервые встал вопрос о политических наследниках Ленина, оформилась «тройка» – негласный политический союз членов Политбюро И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Каждый из участников этого «триумvirата» имел притязания на лидирующие позиции в партии после ухода Ленина. Сталин с 3 апреля 1922 г. занимал пост генерального секретаря ЦК. Зиновьев являлся председателем Исполкома Коминтерна и возглавлял Петроградский совет. Каменев был председателем Моссовета, 14 сентября 1922 г. он также был утвержден в качестве заместителя председателя Совнаркома и Совета труда обороны.

Основные усилия «триумvirов» были направлены против Л.Д. Троцкого и его сторонников. Выбор Троцкого в качестве политического противника был обусловлен несколькими соображениями. Прежде всего, следует отметить, что Троцкий обладал качествами, позволявшими претендовать на роль главного политического наследника Ленина: харизматичный лидер, второй человек в Русской революции, обладавший незаурядными интеллектуальными, ораторскими и публицистическими способностями. Будучи председателем Реввоенсовета Республики, Троцкий имел большую популярность и влияние в Красной армии.

Наряду с этим в историографии отмечается и тот факт, что Троцкого, вступившего в большевистскую партию лишь накануне Октябрьской революции, многие ветераны партии считали чужаком¹. В этом отношении показательно, что М.И. Калинин в выступлении на июльско-августовском пленуме 1927 г. противопоставил Троцкому Зиновьева и Каменева, назвав их «людьми чистой большевистской крови»².

Недоверие к Троцкому со стороны старой партийной гвардии еще более усиливалось в связи с их привычкой проводить исторические аналогии. Влияние Троцкого в Красной армии порождало опасения по поводу возможности повторения сценария Великой французской революции, закончившейся установлением военной диктатуры Наполеона Бонапарта³. Так, Виктор Серж описал в своих воспоминаниях, каким «критически мыслящие коммунисты» видели образ Троцкого: «...не такой свойский, как Ленин, что-то авторитарное в манере держаться... его политические решения текущих проблем казались мне собственными характеру поистине диктаторскому. Разве не он создал Трудовые армии? Не он предложил поставить промышленность на военные рельсы, чтобы вывести ее из невероятной разрухи?». Более того, по мнению Сержа, «если бы Троцкий захотел», то смог бы заручиться поддержкой «армии и даже ГПУ» и осуществить «переворот против Политбюро Зиновьева–Каменева–Сталина»⁴.

Биограф Троцкого И. Дойчер справедливо заметил, что «ни на одном из этапов борьбы Троцкий не сделал ни малейшей попытки обратиться за помощью к армии»⁵. Однако это не отменяет самой возможности (хотя бы и маловероятной) такого развития событий в тот период. Это впоследствии признавал и сам Троцкий: «Нет никакого сомнения, что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и проч. не составляло бы в те дни никакого труда, и даже не потребовало бы про-

¹ Дойчер И. Указ. соч. С. 48.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 31.

³ Дойчер И. Указ. соч. С. 110–111.

⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. С. 169–170, 284.

⁵ Дойчер И. Указ. соч. С. 178.

лития крови...»⁶. Конечно, в некоторой степени эта фраза являлась проявлением бахвальства со стороны Троцкого. Тем не менее, наверняка в первой половине 1920-х гг. подобное развитие событий допускали «триумвиры» и их сторонники. Во всяком случае, думается, что не случайно первое решительное действие «тройки» в отношении Троцкого выражало ее стремление установить контроль над ситуацией в военном ведомстве⁷.

2 октября 1922 г. Ленин вернулся в Москву и приступил к своим прежним обязанностям. Однако, как потом вспоминала Н.К. Крупская, по возвращении в Кремль Ленина обеспокоили «нравы, водворившиеся в наших верхах»⁸. «Триумвиры» стремились к тому, чтобы, не вступая с Лениным в открытый конфликт, по возможности отстранить его от принятия решений по наиболее важным вопросам. Они старались затягивать заседания Политбюро, поэтому нередко решения принимались уже после того, как Ленин по состоянию здоровья вынужден был покинуть заседания⁹.

Реагируя на эти маневры «тройки», Ленин 8 декабря 1922 г. продиктовал предстоящему пленуму ЦК предложение, касающееся изменений в регламенте работы Политбюро. Ленин настаивал на том, что Политбюро должно заседать по четвергам «с 11-ти и никак не позже 2-х». При этом для того, чтобы снять с обсуждения дополнительные вопросы, внесенные в день заседания, было достаточно протеста хотя бы одного из членов Политбюро¹⁰.

Следует отметить, что Ленину была выгодна равновесная ситуация в Политбюро, поэтому он видел в Троцком фигуру, которую можно было противопоставить влиянию «тройки». В этой

⁶ *Троцкий Л.* Почему Сталин победил оппозицию? // Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/VO/VO-01.shtml>

⁷ См. резолюцию «О составе РВСР», принятую на сентябрьском пленуме ЦК 1923 г. (РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 147–148).

⁸ РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 272.

⁹ *Наумов В.П.* 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 37.

¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 327.

связи неудивительно, что Ленин с большим раздражением воспринимал намерение «триумвиров» добиться политической изоляции Троцкого. В июле 1922 г. Ленин, находящийся в то время на лечении в подмосковных Горках, адресовал Каменеву записку: ««Выкидывает Ц[ентральный] к[омитет] или готов выкинуть здоровую пушку за борт», – Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого – ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать – верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»¹¹.

11 сентября 1922 г. Ленин обратился в Политбюро с предложением в качестве двух дополнительных заместителей председателя Совнаркома и СТО (помимо А.И. Рыкова и А.Д. Цюрупы) назначить Троцкого и Каменева. Думается, данное предложение Ленина было обусловлено стремлением приблизить к себе Троцкого, не обостряя при этом отношений с «тройкой». 14 сентября Политбюро, рассмотрев предложение Ленина, констатировало «категорический отказ т. Троцкого», подтвердив при этом назначение Каменева¹².

Выступая на октябрьском пленуме 1923 г., Троцкий следующим образом объяснил принятое им решение: «Дело в том, товарищи, что есть в моей работе один личный момент, который, не играя никакой роли в моей личной жизни, так сказать в быту, имеет большое политическое значение. Это – мое еврейское происхождение»¹³. Данное заявление похоже на отговорку, ведь Троцкий, несмотря на свое «еврейское происхождение», долгое время стоял во главе Красной армии. Более убедительной нам представляется версия, выдвинутая И. Дойчером: «Почему Троцкий отказался? Возможно, его гордость была задета назначением, формально ставившим его на один уровень с другими вице-премьерами, которые были не более чем подчиненными Ленина»¹⁴.

Как бы то ни было, нежелание Троцкого становиться заместителем Ленина не помешало их политическому сближению, на-

¹¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 2000. С. 544.

¹² Там же. С. 548–549.

¹³ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 258.

¹⁴ Дойчер И. Указ. соч. С. 53.

правленному против «тройки». Осенью 1922 г. Троцкий поддержал Ленина по вопросу о государственной монополии внешней торговли. Ленин выступал против попыток «тройки» и ряда других членов ЦК добиться частичной отмены государственной внешнеторговой монополии. 6 октября 1922 г. на пленуме ЦК в отсутствие Ленина было принято решение, которое предусматривало отмену госмонополии по отдельным категориям товаров или применительно к отдельным границам. Ленин активно протестовал, добившись повторного рассмотрения этого вопроса на ближайшем пленуме¹⁵. По состоянию здоровья Ленин вынужден был пропустить декабрьский пленум 1922 г. В письме от 13 декабря 1922 г. он попросил Троцкого выступить с защитой их общей точки зрения на предстоящем пленуме ЦК¹⁶. После того как 18 декабря 1922 г. пленум ЦК отменил постановление пленума от 6 октября, Ленин направил Троцкому записку, в которой просил его «не останавливаться и продолжать наступление» по данному вопросу¹⁷.

Блок Ленина и Троцкого в дальнейшем вполне мог лишить «тройку» ведущей роли в высших эшелонах власти, однако этому помешало резкое ухудшение здоровья Ленина. В ночь с 22 на 23 декабря 1922 г. с Лениным случился новый инсульт, приведший к параличу правой стороны тела. Начался новый этап его политической деятельности, посвященный работе над так называемым «политическим завещанием», которое представляло собой восемь статей и писем, продиктованных им с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. Среди них как опубликованные, так и неопубликованные при его жизни работы. К числу последних относится «Письмо к съезду»¹⁸.

К диктовке «Письма к съезду» Ленин приступил 23 декабря 1922 г. В первой части письма он обратился к предстоящему съезду партии с предложением провести реформу. По его мне-

¹⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 578–579.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 324.

¹⁷ Там же. С. 327–328.

¹⁸ «Письмо к съезду» было впервые опубликовано в 1927 г. в бюллетене XV съезда ВКП(б), следующая публикация этого документа состоялась спустя почти 30 лет – в 1956 г. в журнале «Коммунист».

нию, «устойчивость партии выиграла бы в тысячу раз» благодаря расширению числа членов ЦК до 50–100 человек за счет представителей рабочего класса¹⁹. 24 декабря Ленин продолжил диктовку. Как следует из этой части документа, главную угрозу раскола партии он видел в противостоянии Сталина и Троцкого. Далее Ленин выразил опасения по поводу «необъятной власти», которую Сталин приобрел в качестве генсека. Троцкий был назван «самым способным человеком в настоящем ЦК»²⁰, но вместе с тем Ленин упрекнул его в излишней «самоуверенности» и «чрезмерном увлечении чисто административной стороной дела», сделав отсылку к дискуссии о профсоюзах²¹. Продолжая перечень кратких характеристик, Ленин припомнил Зиновьеву и Каменеву проявленную ими нерешительность накануне Октябрьской революции, хотя и о подчеркнул, что их не стоит винить за этот эпизод. Называя Н.И. Бухарина «любимцем всей партии», Ленин в то же время осудил его теоретические воззрения как «схоластические» и не вполне марксистские. На следующий день, 25 декабря, Ленин продиктовал свои мысли по поводу личности Г.Л. Пятакова, обличив его как «увлекающегося администраторством»²². 4 января 1923 г. Ленин сделал важное добавление, заявив, что Сталин «слишком груб», и этот недостаток «нетерпим в должности генсека». На этом основании он рекомендовал снять Сталина с этой должности²³.

Как видно из анализа «Письма к съезду», Ленин не находил в своем окружении кандидатов, в полной мере достойных возглавить партию и государство. Таким образом, в этом документе Ленин фактически отстаивал идею «коллективного руководства», а также резонно указывал на риски при ее реализации (личные отношения между членами ЦК, Сталин на посту генсека).

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–344.

²⁰ Там же. С. 344–345.

²¹ Во время профсоюзной дискуссии (конец 1920 – начало 1921 г.) Троцкий требовал осуществить огосударствление профсоюзов, т. е. полностью подчинить профсоюзы партийно-государственному руководству.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

²³ Там же. С. 346.

До осени 1923 г. политическая борьба между «тройкой» и Троцким носила скрытый характер и представляла собой противостояние в рамках Политбюро по ряду вопросов. Так, большие споры велись вокруг распределения обязанностей между членами Политбюро. Сталин в это время выдвигал проект о назначении Троцкого заместителем председателя Совнаркома, предлагая отдать под его «специальную заботу» ВСНХ. Троцкий выступил против этого предложения, изложив свою позицию в заявлении, адресованном Политбюро 15 января 1923 г.: «Под специальной заботой ВСНХ должно находиться у председателя ВСНХ. Роль специального «попечителя» только раздваивает ответственность и вносит неопределенность и путаницу в ту область, где важнее и ценнее всего определенность и ясность»²⁴.

15 февраля 1923 г. Троцкий выступил против предложения Зиновьева о введении принципа ведомственного разделения функций между членами Политбюро²⁵. Отвергнутое в феврале предложение Зиновьева было принято 14 июня 1923 г. На Троцкого была возложена подготовка для заседаний Политбюро материалов по вопросам, связанным с деятельностью Наркомата внешней торговли СССР и Главного концессионного комитета, а также борьбой с меньшевиками и эсерами²⁶. В этой связи 15 июня 1923 г. Троцкий направил заявление в ЦК и ЦКК, в котором выразил свое несогласие с принятым решением, отметив нецелесообразность произведенного разделения труда²⁷.

Накануне XII съезда РКП(б) противостояние развернулось вокруг поправок к тезисам докладов Сталина и Троцкого. 5 марта 1923 г. Ленин обратился к Троцкому с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела²⁸ на ЦК партии», которое «находится

²⁴ Архив Троцкого. Т. 1. С. 11.

²⁵ Там же. С. 25.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 360. Л. 12.

²⁷ Архив Троцкого. Т. 1. С. 79–80.

²⁸ Развивавшийся в 1922 г. конфликт между руководством РКП(б) в лице Сталина и Орджоникидзе и грузинскими коммунистами. Лидеры КП(б) Грузии были недовольны включением Грузии в состав Закавказской Федерации, а также грубостью Орджоникидзе, занимавшего пост первого секретаря Закавказского крайкома РКП(б).

под «преследованием» Сталина и Дзержинского». Вместе с этой запиской Ленина, переданной по телефону, Троцкий получил ленинскую статью «К вопросу о национальностях или об автономизации»²⁹. Уже на следующий день Троцкий добился от Сталина внесения существенных поправок к тезисам его доклада по национальному вопросу. Сталин вынужден был принять положение о необходимости перенести тяжесть критики на «великодержавный» уклон, а не противоположный ему «национальный» уклон. Кроме того, в конце марта 1923 г. Троцкий пытался (правда, безуспешно) добиться от Политбюро принятия решений, направленных на критику Сталина в связи с «грузинским инцидентом»³⁰.

«Тройка», в свою очередь, ответила своими поправками к докладу Троцкого о промышленности. 22 марта 1923 г. Политбюро по предложению Каменева поручило Троцкому внести в свои тезисы по промышленности две поправки. В первой речь шла о значении сельского хозяйства для перспектив промышленного развития страны. Вторая касалась взаимоотношений между партийными и хозяйственными органами³¹. 29 марта члены и кандидаты в члены Политбюро написали письмо пленуму ЦК, в котором прозвучала критика в адрес Троцкого в связи с его нежеланием вносить поправки. Троцкий был обвинен в «недооценке роли крестьянства». Второй пункт обвинений состоял в том, что он «подаёт палец тем, кто добивается ликвидации руководящей роли партии»³². 31 марта пленум ЦК подтвердил решение Политбюро о внесении поправок в тезисы Троцкого³³.

4 апреля Сталин отправил находившемуся в Харькове Троцкому телеграмму, в которой уличил его в невыполнении решения о поправке по крестьянскому вопросу и заявил, что на следующий день поднимет этот вопрос в Политбюро³⁴. В конечном счете Троцкому оставалось только смириться с тем, что в принятую на

²⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 147–148.

³⁰ Резник А. Указ. соч. С. 23, 274–275.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 342. Л. 4–5, 7–9; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 810–815.

³² Двенадцатый съезд РКП(б). С. 816–820.

³³ Там же. С. 814.

³⁴ Там же. С. 820.

ХII съезде резолюцию «О промышленности» его тезисы вошли в угодной «тройке» редакции³⁵.

Несмотря на имевшиеся противоречия, стороны предпочли не атаковать друг друга на ХII съезде партии (17–25 апреля 1923 г.). «Тройка» не высказывала обвинений в адрес Троцкого по поводу «недооценки крестьянства». Троцкий не использовал против Сталина компромат по «грузинскому инциденту».

Вместе с тем уже летом 1923 г. обострились противоречия внутри самой «тройки». Группа членов ЦК во главе с Зиновьевым и Бухариным выражала беспокойство по поводу усиления позиций Сталина. Исследователь В.П. Вилкова отмечает, что Зиновьев и Бухарин были возмущены кадровыми перестановками, предпринятыми Секретариатом ЦК в отношении подвластных им учреждений – Петроградского комитета партии и газеты «Правда»³⁶. 30 июля 1923 г. Зиновьев, находившийся на отдыхе в Кисловодске, писал Каменеву: «Во всех платформах говорят о «тройке», считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав»³⁷. Данное высказывание, а также состоявшееся примерно в эти же дни так называемое «пещерное совещание» опровергают встречающееся в литературе мнение³⁸, что на первом этапе внутрипартийной борьбы Зиновьев и Каменев якобы недооценивали Сталина.

В конце июля 1923 г. в одной из пещер под Кисловодском состоялось неофициальное совещание, в котором приняли участие Зиновьев, Бухарин, К.Е. Ворошилов, Г.Е. Евдокимов, М.М. Лашевич, М.В. Фрунзе и Г.К. Орджоникидзе. На этом тайном собрании обсуждался предложенный Бухариным план изменения состава Секретариата ЦК. Предполагалось, что для противовеса Сталину в Секретариат должен быть введен Троцкий. В качестве своеобразного буфера между двумя вождями рассматри-

³⁵ См.: Там же. С. 675–688.

³⁶ Вилкова В.П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 16–17.

³⁷ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 129. Зиновьев имел в виду характеристику Сталина, данную Лениным в «Письме к съезду».

³⁸ См., напр.: Назаров О.Г. Указ. соч. С. 186.

вались кандидатуры Зиновьева, Каменева и Бухарина. Ворошилов был единственным, кто выступил против всяческих изменений³⁹.

Впоследствии Бухарин так объяснял мотивы, которыми он руководствовался во время «пещерного совещания»: «Я лично исходил из желания объединить в верхушке ЦК наиболее крупных работников ЦК, а именно Сталина, Троцкого и Зиновьева. Я полагал, что перед партией вырисовывается опасность атомизации руководства, и всеми силами стремился обеспечить мир внутри партии путем увязки разных оттенков в руководстве»⁴⁰. Таким образом, предполагалось, что реализация этого плана позволит сбалансировать расстановку сил в руководстве партии посредством некоторого ослабления позиций Сталина и сглаживания противоречий между Троцким и другими членами Политбюро.

Ввести Сталина и Каменева в курс дела должен был отъезжавший в Москву Орджоникидзе⁴¹. Данное предложение предсказуемо вызвало у Сталина сильное раздражение, которое он продемонстрировал в письмах от 3 и 7 августа 1923 г. В первом письме Сталин обвинил Зиновьева и Бухарина в том, что они «бесятся с жиру» на отдыхе и ставят под угрозу возможность их дальнейшей «дружной работы»⁴². Аналогичным по тону было его второе письмо: «Вы пишете: «не примите и не истолкуйте разговор с Серго в другую сторону»⁴³. Скажу прямо, что я истолковал именно «в другую сторону». Одно из двух: либо дело идет о смене секретаря теперь же, либо хотят поставить над секретарем специального политкома. Вместо ясной постановки вопроса вы оба ходите вокруг да около вопроса, стараясь обходным путем добиться цели и рассчитывая, видимо, на глупость людей... Я за смену секретаря, но я против того, чтобы был учинен институт

³⁹ XIV съезд ВКП(б). С. 455–456; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 75.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 53 об.

⁴¹ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 125.

⁴² Там же. С. 135–136.

⁴³ Сталин неверно процитировал фрагмент письма Зиновьева от 31 июля 1923 г.: «Вашего мнения по поводу разговора с Серго жду с нетерпением. Не примите и не истолкуйте это в *дурную* (курсив мой – Д.А.) сторону» (Там же. С. 132).

политкома (политкомов и так немало: Оргбюро, Политбюро, Пленум)»⁴⁴.

Сталина поддержали находившиеся в Москве Я.Э. Рудзутак и В.В. Куйбышев⁴⁵. Каменев колебался: в разговоре с Орджоникидзе он выразил мнение, что Зиновьев и Бухарин «преувеличивают», но в то же время написал Зиновьеву письмо, в котором выразил ему и Бухарину поддержку⁴⁶.

Впрочем, предложение Зиновьева и Бухарина вскоре потеряло актуальность в связи с тем, что к концу августа 1923 г. все внимание большевистского руководства сосредоточилось вокруг вопроса о революционной ситуации в Германии. 11 июля 1923 г. ЦК компартии Германии наметил курс на ускоренную подготовку к возможным решающим боям. Сталин сначала проявлял сдержанность в оценке возможностей германских коммунистов⁴⁷. Зиновьев и Бухарин, напротив, сразу же поддержали решительный настрой руководства КПГ⁴⁸. 31 июля Зиновьев писал Сталину: «Близко время громадных событий в Герм[ании]. Близко время, когда нам придется принимать решения всемирно – исторической важности»⁴⁹. 9 августа по предложению Сталина Политбюро приняло решение обратиться к Зиновьеву, Троцкому и Бухарину с телеграммой следующего содержания: «Политбюро считает необходимым общее обсуждение международного положения в связи с событиями в Германии. Находите ли возможным приехать на пару дней для обсуждения с тем, что после обсуждения снова вернетесь в отпуск. Если согласны, сообщите, когда приедете, для того, чтобы назначить специальное заседание с вызовом немецких товарищей»⁵⁰. Все трое, конечно, согласились прервать отпуск и приехали к заседанию Политбюро, назначенному на 21 августа⁵¹.

⁴⁴ Там же. С. 137–138.

⁴⁵ Там же. С. 135.

⁴⁶ Там же. С. 135, 142.

⁴⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 156, 163.

⁴⁸ Там же. С. 155–158.

⁴⁹ Там же. С. 159.

⁵⁰ Там же. С. 164.

⁵¹ Там же. С. 165.

22 августа Политбюро приняло постановление по германскому вопросу: «На основании имеющихся в ЦК материалов, в частности, на основании писем товарищей, руководящих германской компартией, ЦК считает, что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть». Для решения конкретных задач, связанных с подготовкой германской революции, была создана специальная комиссия в составе Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека и Чичерина⁵².

В свете этих грандиозных ожиданий вопрос о реорганизации Секретариата ЦК, обсуждение которого обещало быть длительным и напряженным, был вытеснен из повестки дня. Как справедливо отмечает О.В. Хлевнюк, Сталину удалось «погасить наступательный пыл Зиновьева и Бухарина», переключив их внимание на «более горячую германскую проблему»⁵³.

В конце августа или начале сентября 1923 г. была достигнута договоренность о введении Троцкого, Зиновьева и Бухарина в Оргбюро ЦК⁵⁴. Однако в действительности этот компромисс имел лишь символическое значение. Дело в том, что к тому моменту Оргбюро уже превратилось в формальный орган, деятельность которого в основном сводилась к подтверждению кадровых решений Секретариата ЦК⁵⁵. Поэтому неудивительно, что новоиспеченные члены Оргбюро не участвовали в его работе⁵⁶.

Тем не менее, описанные выше события, свидетельствует о том, что в большевистском руководстве существовало беспокойство относительно возросшего влияния Сталина. В этой связи рассматривались различные варианты перегруппировки сил в руководстве партии. Обсуждение этих вариантов было вытеснено из актуальной повестки сначала германским вопросом, а затем и обострением конфликта между «тройкой» и Троцким.

Новой вспышке внутрипартийной борьбы предшествовали события, происходившие на сентябрьском пленуме ЦК (23–25 сен-

⁵² Там же. С. 167.

⁵³ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 116.

⁵⁴ XIV съезд ВКП(б). С. 456.

⁵⁵ Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 181.

⁵⁶ XIV съезд ВКП(б). С. 456.

тября 1923 г.), который в виду усиленной подготовки к революции в Германии рассматривался как экстренный⁵⁷. На пленуме по предложению Куйбышева был поднят вопрос о расширении Реввоенсовета. Предлагалось пополнить Реввоенсовет группой так называемых «военных цекистов» (Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Лашевич, Пятаков) и командующим Московским военным округом Н.И. Мураловым. Троцкий выступил с протестом против этого предложения и со скандалом покинул пленум⁵⁸. В тот же день уже без участия Троцкого пленум принял постановление «О составе РВСР», объявлявшее о введении в состав Реввоенсовета новых членов. «Советское оформление этого решения» откладывалось «до начала мобилизации» с оговоркой, что «один или двое из этих последних шести товарищей» уже в ближайшее время должны быть введены в Реввоенсовет «по определению Политбюро»⁵⁹. Кроме того, Реввоенсовету предлагалось создать под руководством Троцкого исполнительный орган из нескольких членов, включая Сталина⁶⁰.

Рассматривая суть резолюции «О составе РВСР», следует учитывать, что в расчетах большевистского руководства Красной армии отводилась одна из ведущих ролей (если не решающая) в грядущей революции в Германии. Это, в свою очередь, неизбежно привело бы к усилению влияния Троцкого. Судя по всему, данная перспектива и стала причиной очередного наступления «тройки» на позиции Троцкого.

Троцкий, недовольный вмешательством «тройки» в дела своей «вотчины» – Реввоенсовета, перешел в открытое наступление. Его письмо членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. стало своего рода оппозиционным манифестом. В письме содержалась критика «неправильного и нездорового внутрипартийного режима»⁶¹. Возможность выхода из начавшегося осенью 1923 г. экономического кризиса Троцкий связывал с преодолением таких негатив-

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 377. Л. 18.

⁵⁸ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 205–206.

⁵⁹ 27 октября 1923 г. решением Политбюро в состав Реввоенсовета были введены Ворошилов и Лашевич (Там же. С. 149).

⁶⁰ Там же. С. 147–148.

⁶¹ Там же. С. 155.

ных явлений, как укоренившаяся практика назначения Секретариатом ЦК секретарей губкомов и отсутствие в партии свободных дискуссий: «Подрывая хозяйственное развитие, этот внутрипартийный режим являлся и является непосредственной причиной возрастающего недовольства одних, апатии и пассивности других, фактического устранения от работы третьих... Вот почему этот режим не может держаться долго. Он должен быть изменен»⁶². Инцидент, произошедший на сентябрьском пленуме, Троцкий трактовал как «подготовительный шаг к заранее намеченной цели»⁶³, под которой, очевидно, имелось в виду его отстранение от управления военным ведомством. В конце письма он призывал «руководящую группу» осознать «последствия искусственно поддерживаемого ею режима» и «содействовать переводу партийной жизни на более здоровые рельсы»⁶⁴.

Заметим, что Троцкий, отстаивая ценности внутрипартийной демократии и выступая против бюрократизации партии, фактически повторил демократическую риторику «рабочей оппозиции», разгромленной ранее при его непосредственном участии. Неудивительно, что такая метаморфоза не вызывала доверия даже у некоторых из тех, кто в конце 1923 г. сочувствовал оппозиции: «...вся прошлая деятельность т. Троцкого ясно показывает, что он сторонник бюрократических антидемократических методов в такой же мере, как и тт. Сталин, Зиновьев и пр.... Теперь, по видимому, т. Троцкий стоит за «демократизм», но, по моему мнению, доверять ему особенно в этом вопросе нельзя»⁶⁵.

Письмо Троцкого от 8 октября стало достоянием московских партийных кругов почти сразу же после своего появления. Об этом, в частности, свидетельствует письмо старого большевика Р.П. Рейна, адресованное ЦК 13 октября 1923 г.: «Отзвуки происшествия на пленуме ЦК и отзвуки письма тов. Троцкого в ЦК и

⁶² Там же. С. 163.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 164.

⁶⁵ *Пестковский С.* По поводу письма т. Сталина (см. «Правда» от 15 декабря с.г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 73. По решению редакции «Правды» заметка Пестковского не была опубликована.

прочее стали достоянием масс и растолковываются на разные лады...»⁶⁶.

По существу, Троцкий спровоцировал ситуацию, которая шла вразрез с принятыми в «руководящем коллективе» представлениями о «единстве» как о безусловном благе для партии. 15 октября 1923 г. Президиум ЦКК принял резолюцию, которая в резкой форме осуждала выступление Троцкого, квалифицировав его как «попытку организации фракции». В резолюции подчеркивалось, что «выступления, подобные выступлению тов. Троцкого, грозят сорвать единство и могут стать губительными для революции... Поэтому Президиум ЦКК считает необходимым во что бы то ни стало избежать широкой партийной дискуссии»⁶⁷.

Существенное обострение внутривнутриполитической обстановки вызвало «Заявление 46-ти», поступившее в Политбюро 15 октября 1923 г. Этот документ подписали 46 видных представителей старой партийной гвардии. Среди подписантов были как сторонники Троцкого, так и представители группы «демократического централизма»⁶⁸. По словам А.В. Резника, «каналы сбора подписей находились в подвижных границах состава ответственных членов партии, чьи отношения были построены на личном доверии и недавних политических союзах»⁶⁹.

Данное заявление содержало выразительное описание недостатков внутривнутрипартийного режима. «Под внешней формой официального единства, – говорилось в этом документе, – мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий... мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян»,

⁶⁶ РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 173.

⁶⁷ Там же. С. 178–180.

⁶⁸ Оппозиционная группа «демократического централизма» возникла в РКП(б) в 1919 г. Децисты выступали против сосредоточения власти в руках высшего партийного руководства и требовали демократизации внутривнутрипартийной жизни (Гусев А.В. Децисты – «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. М., 2014. С. 54).

⁶⁹ Резник А. Указ. соч. С. 137.

на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую общественной жизни»⁷⁰. В заявлении подчеркивалась необходимость устранения «режима фракционной диктатуры в партии» и установления вместо него «режима товарищеского единства внутрипартийной демократии». Для этого в качестве «первого и неотложного шага» предлагалось созвать совещание членов ЦК с участием авторитетных большевиков, имеющих взгляды на положение в партии и в стране, отличающиеся от взглядов большинства ЦК⁷¹.

19 октября 1923 г. в адрес ЦК и ЦКК был направлен «Ответ» восьми членов и кандидатов в члены Политбюро. Как утверждает В.П. Вилкова, автором этого документа был Сталин, поскольку стиль изложения и приводимая аргументация практически совпадают с его выступлением на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК⁷². В «Ответе» подчеркивалось, что Троцкий в своем письме от 8 октября, «нападая первый на ЦК партии, выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК, в качестве инициатора, дающего лозунг наступления на ЦК в трудный момент международного положения»⁷³. Поток обвинений в адрес Троцкого напрямую связывался с «Заявлением 46-ти». На этом основании делался вывод о том, что «тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии»⁷⁴.

25–27 октября 1923 г. состоялся экстренный объединенный пленум ЦК и ЦКК. 26 октября Троцкий и Сталин обратились к пленуму со своими заключительными речами. Троцкий заявил о существовании «тройки» в Политбюро и о том, что ЦКК стала орудием Секретариата ЦК во внутрипартийной борьбе⁷⁵. Сталин фактически повторил оценки, данные ранее в «Ответе» членов и кандидатов в члены Политбюро. Он заявил, что «суть вопроса» в том, что Троцкий, «выступая через головы членов ЦК, создает

⁷⁰ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 181–182.

⁷¹ Там же. С. 183.

⁷² Вилкова В.П. Примечания // Там же. С. 214.

⁷³ Там же. С. 197.

⁷⁴ Там же. С. 212.

⁷⁵ Там же. С. 247–248.

обстановку фракционной борьбы, делает шаг чрезвычайно опасный»⁷⁶.

О характере происходившей на октябрьском пленуме полемики свидетельствует адресованное Г.Е. Зиновьеву письмо Н.К. Крупской. Будучи сторонницей «тройки», Крупская, тем не менее, упрекнула «триумвиров» в грубости по отношению к Троцкому: «Во всем этом безобразии... приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие... Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов»⁷⁷.

Принятое на октябрьском пленуме постановление одобрило «политическую линию и практическую работу Политбюро, Оргбюро и Секретариата». В постановлении утверждалось: «Путь, избранный тов. Троцким, послужил сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти)... шаг фракционно-раскольнической политики, принявшей такой характер хотя бы и помимо воли подписавших это заявление»⁷⁸.

Известия о борьбе в высших эшелонах власти постепенно становились достоянием общественности. Лозунги демократизации внутрипартийной жизни находили определенный отклик среди рядовых членов партии. Реагируя на сложившуюся ситуацию, «тройка» решает инициировать общепартийную дискуссию. По всей видимости, замысел состоял в том, чтобы организовать управляемую сверху дискуссию, выпустить пар недовольства и представить «руководящее ядро» партии в роли защитника внутрипартийной демократии.

Начало общепартийной дискуссии было положено 7 ноября 1923 г. публикацией в «Правде» статьи Г.Е. Зиновьева «Новые задачи партии». В этой статье говорилось о «чрезмерном штиле» во внутрипартийной жизни и необходимости перемен. «Без излишне громких слов о святости принципов рабочей демократии, –

⁷⁶ Там же. С. 252.

⁷⁷ Там же. С. 272.

⁷⁸ Там же. С. 266.

провозглашал Зиновьев, – необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле – усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам»⁷⁹.

Опубликовав статью Зиновьева, редакция «Правды» предложила развернуть на своих страницах дискуссию по затронутым в статье вопросам⁸⁰. Данное предложение вызвало значительный отклик. Только за одну неделю в редакцию газеты поступило более 100 статей и писем, причем количество поступающих материалов с каждым днем увеличивалось⁸¹. По словам одного из лидеров оппозиции Т.В. Сапронова, большинство авторов не относилось «ни к партийным верхам, ни к профессиональным литераторам»⁸². Анализ ноябрьских материалов «Правды» позволяет сделать вывод о том, что в значительном большинстве дискуссионных статей констатировался нездоровый характер сложившегося внутрипартийного режима. Отмечались такие проблемы внутрипартийной жизни, как отсутствие демократизма в партии, бюрократизм и оторванность партийного аппарата от рядовых членов партии⁸³. Более того, некоторые авторы не согласились уже с самим названием зиновьевской статьи. Подчеркивалось, что Зиновьевым были подняты отнюдь не новые вопросы, поскольку задача демократизации внутрипартийного режима была поставлена еще X съездом партии⁸⁴.

29 ноября Зиновьев написал Сталину и Молотову письмо, в котором поделился своими впечатлениями от посещения собрания в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова: «Прочитавши записки свердловцев... вижу, что дело хуже, чем я думал. Университет взбаламучен. Ряд элементов злобных и зло-

⁷⁹ Правда. 1923. 7 ноября.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Правда. 1923. 27 ноября.

⁸² Правда. 1923. 8 декабря.

⁸³ См., напр., заметки А. Камень (Правда. 1923. 11 ноября, 13 ноября), Ф. Ксенофонтова (Правда. 1923. 17 ноября), Ф. Климова (Правда. 1923. 18 ноября), М. Чарного (Правда. 1923. 22 ноября) и Е. Преображенского (Правда. 1923. 28 ноября).

⁸⁴ См., напр.: Камень А. На повороте // Правда. 1923. 13 ноября.

стных. Куча сплетен и легенд. Большое озлобление против Цека (против меня особая кампания, как водится). Группа Преобр[аженского]⁸⁵, видимо, организовалась и действует по всей Москве. Свердловцы могут наделать больших бед в Московской организации. Нужны серьезнейшие меры в отношении Моск[овской] орг[анизац]ии. Иначе будет поздно. Нужно 10 перво-классн[ых] работников нашего направления. Иначе Москва ускользнет из наших рук. Это срочно»⁸⁶.

Нарастание оппозиционных настроений вынудило «тройку» пойти на временный компромисс с оппозицией. 29 ноября Политбюро создало комиссию, призванную выработать проект резолюции о внутрипартийном положении. Для окончательной редакции подготовленного проекта резолюции 3 декабря была создана подкомиссия в составе Сталина, Каменева и Троцкого⁸⁷. Троцкий в это время был болен, поэтому заседания подкомиссии проходили у него дома⁸⁸. 5 декабря 1923 г. текст резолюции «О партстроительстве» был единогласно утвержден на совместном заседании Политбюро и Президиума ЦКК. 7 декабря 1923 г. резолюция «О партстроительстве» была опубликована в «Правде».

В тексте резолюции указывалось на необходимость «действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии». В качестве этих принципов были выделены «свобода открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свобода дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». При этом подчеркивалось, что «рабочая демократия... вовсе не предполагает свободу фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом»⁸⁹.

⁸⁵ Е.А. Преображенский – соратник Троцкого, был первым подписавшимся под «Заявлением 46-ти» и наиболее вероятным автором этого документа (*Резник А.* Указ. соч. С. 133).

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 91.

⁸⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 170.

⁸⁸ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 474.

⁸⁹ Правда. 1923. 7 декабря; РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 288.

В историографии неоднократно отмечался формальный характер резолюции «О партстроительстве»⁹⁰. Действительно, этот документ не содержал принципиальных положений, гарантирующих переход к демократизации политической жизни. Не случайно 5 декабря, в день утверждения резолюции «О партстроительстве», Троцкий написал документ, в котором изложил разногласия, возникшие в «Подкомиссии трех» при подготовке резолюции: «...т. Троцким выражалось опасение того, что консерватизм партийного аппарата, привычка к бюрократическим методам управления партией станут как серьезнейшее препятствие на пути осуществления нового курса... Именно в этих целях своевременного воздействия на персонал партийного аппарата т. Троцкий настаивал на более решительных, категорических и отчетливых формулировках различных частей документа»⁹¹.

Неудивительно, что после появления резолюции от 5 декабря 1923 г., этого формально примиряющего документа, дискуссия о внутривнутрипартийной демократии продолжала обостряться. Некоторые партийные ячейки выдвигали весьма радикальные требования. Так, ячейка Московской горной академии призвала не только переизбрать партийные комитеты «снизу доверху, а не сверху вниз», но и пересмотреть решения партийной чистки 1921 г. Члены ячейки завода «Метрон» требовали предоставить всем партийцам право посещать заседания любого партийного комитета, а также положить конец практике составления «секретных характеристик» на членов партии⁹².

Широко практиковалось распространение оппозиционных документов по каналам личной коммуникации. Так, А.М. Шабион, ответственный секретарь объединенной ячейки московских книжно-журнальных издательств, 13 декабря 1923 г. написал Молотову докладную записку: «Среди рядовых членов партии распространено “письмо тов. Троцкого” Центральному Комитету о несогласии с политикой ЦК и стремлении последнего отстра-

⁹⁰ *Вилкова В.П.* От составителя // РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 22; С. 207; *Олех Г.Л.* Указ. соч. С. 137; *Карр Э.Х.* Указ. соч. С. 74.

⁹¹ РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 286.

⁹² *Пирани С.* Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 319.

нить т. Троцкого от его работы в РВСР как человека “опасного” и “вредного”. Вчера вечером после заседания в ячейке ВЛХИ⁹³ мне об этом в письме рассказывал один из студентов, который добавил, что это “письмо” он получил от тов., близко стоящего к ЦК»⁹⁴. По всей видимости, в адрес руководства партии поступило немало подобных сообщений. В постановлении Политбюро от 8 декабря 1923 г. констатировалось: «В ЦК поступает все больше сведений о том, что известное письмо тов. Троцкого и письмо 46-ти, отклоненное пленумами ЦК и ЦКК, как акты фракционности, получают все большее распространение (например, на Украине – в армии, согласно заявления представителя ЦКК, в Москве – в Свердловском Университете, согласно заявления тов. Лядова⁹⁵, эти письма ходят широко по рукам и т. д.)»⁹⁶.

Троцкий, заболев в конце октября 1923 г., не участвовал в собраниях партийных организаций. По собственному признанию, он «прохворал дискуссию 1923 г. против «троцкизма»»⁹⁷. Тем не менее, в связи с оживлением партийных масс Троцкий принимает решение через «Правду» обратиться непосредственно к партийным организациям. 8 декабря 1923 г. он направил для публикации в «Правде» письмо к партийным совещаниям под заголовком «Новый курс»⁹⁸.

В данной статье, опубликованной 11 декабря, Троцкий утверждал, что «новый курс» партийного строительства должен заключаться в том, чтобы передвинуть «центр тяжести... в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии». По словам Троцкого, существовала опасность «перерождения «старой гвардии»», отчужденной от молодого поколения в

⁹³ Высший литературно-художественный институт.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 20-6.

⁹⁵ М.Н. Лядов – ректор Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова (1923–1929 гг.).

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 182.

⁹⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 473.

⁹⁸ В январе 1924 г., накануне открытия XIII партконференции (16–18 января 1924 г.), была опубликована одноименная брошюра, в которую вошли работы Троцкого, написанные в декабре 1923 – январе 1924 гг. (см.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 164–203).

условиях аппаратного бюрократизма. В качестве необходимой меры на пути к демократизации партии он предлагал «обновление партийного аппарата... с целью замены оказавшихся и бюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива»⁹⁹.

8 декабря 1923 г., еще до опубликования статьи «Новый курс», Зиновьев во время заседания Политбюро адресовал Сталину, Каменеву, Рыкову и Томскому записку, в которой призвал своих коллег срочно усилить борьбу с оппозицией: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы немедленно не создадим своей настоящей архисплоченной фракции – все пропадет. Я предлагаю этот вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, – может быть, у Сталина за городом или у меня». Предложение Зиновьева было единогласно поддержано¹⁰⁰. Учитывая вышеизложенное, неудивительно, что статья Троцкого «Новый курс» спровоцировала резкое обострение внутрипартийной борьбы и начало кампании персональной дискредитации Троцкого.

13 декабря «Правда» вышла с передовой статьей «Наша партия и оппортунизм», написанной Бухариным, в которой Троцкий был обвинен в выдумывании «аргументов против политической линии партии»¹⁰¹. В тот же день Троцкий обратился с письмом в Политбюро и Президиум ЦКК, в котором расценил эти обвинения как проявление стремлений сорвать «единогласие» по вопросу о партстроительстве¹⁰². В свою очередь, Бухарин ответил, что воспринял статью Троцкого как «объявление войны» и действовал «на свой страх и риск»¹⁰³.

14 декабря восемь членов и кандидатов в члены Политбюро направили письмо членам и кандидатам в члены ЦК и ЦКК. Против Троцкого было выдвинуто сразу несколько обвинений: «1) в натравливании одной части партии против другой, 2) в на-

⁹⁹ Правда. 1923. 11 декабря.

¹⁰⁰ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 295–296.

¹⁰¹ Правда. 1923. 13 декабря.

¹⁰² РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 306.

¹⁰³ Там же. С. 307.

травливания партийной молодежи против основного ядра партии и 3) в дискредитировании центрального руководящего ядра партии»¹⁰⁴.

15 декабря в «Правде» публикуется статья Сталина «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого». Сталин заявил о «беспорядочном отступлении оппозиции», не имевшей реальной поддержки в партийных организациях. По его словам, Троцкий не имел оснований причислять себя к «старой гвардии» и рассуждать об опасности ее «перерождения»¹⁰⁵. Зиновьев, разъясняя «ошибки» Троцкого на одном из партийных собраний, представил его взгляды как чуждые большевистской партии: «Меня спрашивают в одной из записок: в чем ошибка тов. Троцкого, неужели действительно он хочет зла партии? Смешно говорить об этом: понятно тов. Троцкий, как и мы все, хочет добра партии, заслуги тов. Троцкого нам всем слишком хорошо известны. А ошибка объясняется тем, что он не знает нашей партии»¹⁰⁶.

Несколько лет спустя Бухарин рассказывал, что в тот период Зиновьев даже ставил вопрос о необходимости арестовать Троцкого¹⁰⁷. Отметим, что данное свидетельство согласуется с тем фактом, что в конце 1923 – начале 1924 г. в Москве распространялся слух о скором аресте Троцкого¹⁰⁸. Принимая это обстоятельство во внимание, согласимся с мнением А.В. Гусева: во время дискуссии Троцкий не принимал личного участия на партсобраниях не только по причине болезни, но также «из-за нежелания идти на публичный разрыв с большинством членов Политбюро»¹⁰⁹.

В середине декабря 1923 г. дискуссия вступила в решающую стадию. Партийные организации разных уровней были поставлены перед выбором: поддержать линию ЦК по вопросу о партстроительстве или занять сторону оппозиции. Результаты дискус-

¹⁰⁴ Там же. С. 310.

¹⁰⁵ Правда. 1923. 15 декабря.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46. Л. 58.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 329. Л. 71.

¹⁰⁸ Резник А. Указ. соч. С. 110, 306.

¹⁰⁹ Гусев А.В. «Децисты» – пролетарская оппозиция сталинизму. С. 55.

сии в парторганизациях публиковались в течение целого месяца, с середины декабря 1923 до середины января 1924 г. Линию ЦК поддержали 46 пленумов губкомов и райкомов (только 1 пленум высказался против ЦК, 1 пленум занял нейтральную позицию)¹¹⁰. Значительное большинство провинциальных партийных ячеек также поддержали линию ЦК (277 ячеек за ЦК; 27 против ЦК; 30 заняли нейтральную позицию)¹¹¹. Наибольшей поддержки оппозиция предсказуемо добилась в Москве. На стороне оппозиции оказалось большинство вузовских ячеек Москвы (13 за ЦК; 30 против ЦК; 4 заняли нейтральную позицию). Оппозиционерам даже удалось возглавить (правда, ненадолго) Хамовнический райком партии (единственный райком, на пленуме которого большинство делегатов проголосовали в поддержку оппозиции)¹¹². Однако все остальные столичные райкомы поддержали линию ЦК. Большинство московских партячеек также продемонстрировали лояльность высшему руководству партии (204 за ЦК; 78 против ЦК; 24 заняли нейтральную позицию)¹¹³.

14–15 января 1924 г. состоялся пленум ЦК, который должен был обсудить вопросы, выносимые на предстоящую XIII партконференцию. Главное обвинение в адрес оппозиции было в полной мере выражено в выступлении Бухарина: «Оппозиция видит одну опасность. Она видит опасность бюрократизма нашего аппарата, а об остальных опасностях не заботится. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. В этом заключается их так называемый меньшевизм, как определенный уклон»¹¹⁴. Рассуждая о дальнейших шагах, Бухарин заявил: «Рабочих, которые выражают здоровую тенденцию, изолировать от оппозиционных вождей. Что касается группировок, вождей, то надо одну часть из них ассимилировать (тех, которые способны на это), другую часть – дисциплинировать»¹¹⁵.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 52.

¹¹¹ Там же. Л. 53.

¹¹² Подробнее о случае Хамовнического района Москвы см.: Резник А. Указ. соч. С. 241–255.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 62.

¹¹⁴ РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 399–400.

¹¹⁵ Там же. С. 400.

Итоги дискуссии подвела XIII партконференция, состоявшаяся 16–18 января 1924 г. Она приняла развернутую резолюцию под названием «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии». Данная резолюция нанесла серьезный удар по авторитету Троцкого. Его взгляды Троцкого характеризовались как «попытка ревизии большевизма», «прямой отход от ленинизма» и «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»¹¹⁶. Образ Троцкого как триумфатора революции и гражданской войны замещался ярлыком «политического еретика».

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что составление и распространение Троцким и его сторонниками оппозиционных документов в последние месяцы 1923 г. нарушало один из основополагающих принципов «коллективного руководства». Демократическая риторика Троцкого и «группы 46-ти» воспринималась руководящим большинством партии как угроза диктатуре большевистской партии, основанной на полном контроле над партийно-государственным аппаратом. Поражение левой оппозиции в дискуссии 1923–1924 гг. было обусловлено не только административным ресурсом, который был задействован руководящим большинством. Старая партийная гвардия из соображений «единства» в основном приняла сторону большинства ЦК.

Показательно, что нарком просвещения А.В. Луначарский, находившийся с Троцким в хороших личных отношениях, писал ему по завершении дискуссии: «Вы знаете, что я ездил в поездку, направленную против оппозиции. Я совершенно не сочувствую оппозиции не в том смысле, конечно, чтобы я был сторонником затянувшейся гипертрофии централизма, в этом отношении в партии, кажется, нет двух мнений, но я до чрезвычайности боюсь партийного раскола... Раскол партии – это, к сожалению, самая большая опасность, которая нам только грозит в ближайший период времени. Простите меня за откровенность, но я считаю, что каковы бы ни были малоизвестные мне предпосылки Ваших последних публичных выступлений, эти (пропущено слово – *Д.А.*) сами по себе были правильно оценены общественным мнением как опасные именно с вышеуказанной точки зрения»¹¹⁷.

¹¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 156.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 523. Л. 1.

В общем, борьба за внутрипартийную демократию в рамках большевистской диктатуры была обречена на поражение. Некоторые исследователи полагают, что левой оппозиции следовало выступить против однопартийной системы¹¹⁸. Думается, что попытка создания второй партии незамедлительно привела бы к обвинениям в «контрреволюционной деятельности» и репрессиям.

Вместе с тем победа в дискуссии 1923–1924 гг. стоила фракции большинства значительных усилий и привела к окончательному укоренению в сознании большевистской элиты представлений о недопустимости публичных дискуссий. Левая оппозиция, хотя и не добилась своих целей, расшевелила партийную массу, чем заставила понервничать правящую верхушку. Бухарин в письме Зиновьеву изложил свои впечатления от баталий с оппозицией: «Очень боюсь, что Вы увлечетесь победой, тем, что удалось «свалить сверхчеловека», тащащего на неправильные рельсы и т. д. В особенности может затуманить мысль то обстоятельство, что удалась штука, которая не удавалась даже Ильичу. Прошу Вас не переоценивать ни размеров, ни характера, ни прочности победы. Мы сражались по существу только в Москве. Мы имели в руках весь аппарат. Мы имели печать и т. д. Наконец, мы имели – что очень важно – в своих руках идею единства и преемственности партийной традиции, персонально воплощенную. И все же оппозиция в Москве оказалась довольно значительной, чтобы не сказать больше»¹¹⁹. В этой связи неудивительно, что данная дискуссия стала последней перед длительным перерывом относительно свободной политической дискуссией в СССР. В следующий раз подобное оживление партийной жизни произойдет только в конце 1980-х гг.

¹¹⁸ Daniels R.V. Op. cit. P. 230; Олех Г.Л. Указ. соч. С. 182–183; Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. С. 303.

¹¹⁹ Цит. по: Якушев С.В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 61–62.

2.2. «Семерка» против Троцкого

После дискуссии 1923–1924 гг. отношения между Сталиным и Зиновьевым вновь обострились. Подоплеку создавшейся конфликтной ситуации Томский впоследствии описывал следующим образом: «Приблизительно, как будто, весной 1924 г. было первое собрание. Мы получили приглашение... я был там, Рудзутак, Ворошилов, покойный Фрунзе, Дзержинский, Каменев не был, был Зиновьев. Приглашал Сталин заехать к нему в праздник на дачу. Суть разговора сводилась к тому, что Сталин довольно резко поставил вопрос... о методах работы т. Зиновьева, которые грозили столкновениями. К чему это сводилось? Насколько мне память не изменяет, это сводилось к двум вопросам: первое – об отношении к комсомолу и второе – о назначении т. Зиновьевым Сталина, вопреки постановлению Политбюро, представителем РКП в Исполком Коминтерна. Тов. Сталин изложил нам следующее, что несмотря на то, что Политбюро ввело его в кандидаты ИККИ, т. Зиновьев превратил его в члены ИККИ. Он говорил: он очень тронут этим, но считает, что т. Зиновьев не имеет права по-своему назначать человека туда или сюда. Кроме того, т. Зиновьев в личной беседе с представителями комсомола надавал им обещаний о назначениях, рассказал им, куда кого введут и т. д.»¹²⁰.

Другой удар по амбициям Сталина был связан с оглашением ленинского «Письма к съезду» делегатам XIII съезда партии (23–31 мая 1924 г.). Значение последних диктовок Ленина о необходимости смещения Сталина с должности генсека было полностью нейтрализовано во многом благодаря тому, что их обсуждение проходило не на пленарном заседании съезда, а по делегациям при активном участии Зиновьева и Каменева¹²¹. На заседании Политбюро 18 марта 1926 г. Зиновьев выразил сожаление по этому поводу: «...в завещании он (Ленин – Д.А.) сказал, что надо обдумать меры, чтобы заменить Сталина на посту генерального

¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 21 об.

¹²¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. XXI–XXII.

секретаря... И на XIII съезде в товарищеских беседах, в делегациях мы боролись против этого мнения. Очень может быть, что мы совершили ошибку как раз там, где надо было сделать иначе»¹²². Как отмечает О.В. Хлевнюк, Сталин, находившийся в тот момент в уязвимом положении, вполне мог посчитать действия своих коллег по Политбюро унижительным для себя проявлением «снисхождения»¹²³.

Сталин, в свою очередь, совершил острый выпад в сторону Зиновьева и Каменева, инкриминировав им идеологические просчеты: «Недавно читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, тов. Каменева¹²⁴), где черным по белому сказано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение «России нэпмановской» в Россию социалистическую. Причем, что еще хуже, этот странный лозунг приписывается не кому иному, как самому Ленину. Ни больше, ни меньше!... Еще один пример. Нередко говорят, что у нас «диктатура партии». Я, говорит, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется даже в резолюции XII съезда¹²⁵, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не класса. Но это же чепуха, товарищи»¹²⁶. Иначе говоря, Каменеву ставилась в вину оговорка о «нэпмановской» (а не нэповской) России, Зиновьеву – тезис о «диктатуре партии» (а не пролетариата).

Для разрешения нарастающих внутри «тройки» противоречий были осуществлены серьезные перемены в высших эшелонах власти. Во время августовского пленума ЦК (16–20 августа 1924 г.) группа членов ЦК и ЦКК устроила тайное совещание, на котором объявила себя «руководящим коллективом» и избрала

¹²² Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.

¹²³ Хлевнюк О.В. Сталин. С. 119.

¹²⁴ Имеется в виду доклад Каменева на собрании активных работников Московской организации (Правда. 1924. 11 июня).

¹²⁵ Имеется в виду резолюция XII съезда партии, принятая на основе доклада Зиновьева о деятельности ЦК (Двенадцатый съезд РКП(б). С. 671–674).

¹²⁶ Доклад Сталина об итогах XIII съезда РКП(б) на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК // Правда. 1924. 20 июня.

исполнительный орган – «семерку» в составе всех членов Политбюро, кроме Троцкого (Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский) и председателя ЦКК Куйбышева. Кандидатами в этот внеуставный, теневой орган власти были избраны Молотов, Держинский, Калинин, Фрунзе и Угланов.

Негласный устав «семерки» требовал «соблюдения строжайшей дисциплины внутри создавшейся фракции». Согласно этим правилам, «семерка была подотчетна только пленуму фракции, который собирался одновременно с пленумом ЦК. Все возникающие разногласия между членами семерки ни в коем случае не должны были переноситься на обсуждение партии, а должны были разрешаться или пленумом фракции, или же самой семеркой». Члены «семерки» собирались каждую неделю по вторникам, чтобы предварительно обсудить и принять решения по вопросам, выносимым на четверговые заседания Политбюро, «причем важнейшие вопросы иногда вовсе не ставились на обсуждение Политбюро и проходили без его санкции»¹²⁷. Принимаемые решения протоколировались, благодаря чему в архиве Политбюро отложились материалы делопроизводства «семерки», раскрывающие подробности ее деятельности.

В литературе обычно отмечается, что «семерка» являлась союзом, враждебным Троцкому¹²⁸. Принимая эту особенность «семерки» во внимание, следует отметить, что ее главное предназначение заключалось в том, чтобы консолидировать большинство членов Политбюро и обеспечить преодоление конфликтов между ними. По словам Зиновьева, «семерка была создана в первую очередь для того, чтобы приглушить нарастающие разногласия в руководящей группе»¹²⁹.

Троцкий был изолирован от реального процесса принятия решений в Политбюро, поскольку воспринимался «руководящей

¹²⁷ *Зиновьев Г.Е.* История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 3–5; *Надточеев В.* «Триумвират» или «семерка»? Из истории внутрипартийной борьбы в 1924–1925 годах // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 68–70.

¹²⁸ *Роговин В.З.* «Троцкизм»: взгляд через годы. С. 164–170; *Назаров О.Г.* Указ. соч. С. 102–103.

¹²⁹ *Зиновьев Г.Е.* История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 4.

группой» в качестве угрозы внутреннему единству. На июльском пленуме 1926 г. Томский рассказывал, что накануне создания «семерки» в Политбюро и ЦК существовали опасения по поводу того, что Троцкий сможет воспользоваться противоречиями внутри «тройки» и «засунуть клин» в отношения «триумвиров»¹³⁰. Заметим также, что помимо Троцкого и его сторонников из числа членов ЦК (Г.Л. Пятаков, Х.Г. Раковский) в состав «фракционного пленума» не входили и некоторые другие «цекисты»¹³¹, которым, судя по всему, члены «семерки» не вполне доверяли.

По мнению О.Г. Назарова, Сталин выиграл от создания «семерки», поскольку она «связывала прежде всего Каменева и Зиновьева»¹³². Однако, как показывает наше исследование, образование «семерки» само по себе не меняло расклад сил в Политбюро, а действия Зиновьева и Каменева (как и других оппонентов Сталина) сдерживались «доктриной единства», действовавшей как до, так и после непродолжительного периода существования «семерки».

Примечательно, что одно из первых решений «семерки» привело к помещению в «Правде» специальной редакционной статьи, в которой неуместными признавались упомянутые выше критические стрелы Сталина в адрес Зиновьева, имевшего неосторожность на XII партсъезде провозгласить тезис о «диктатуре партии» вместо «диктатуры пролетариата»¹³³. В упомянутой редакционной статье данное противоречие снималось с помощью незатейливой формулировки: «Диктатура партии есть функция диктатуры пролетариата»¹³⁴.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 21 об.

¹³¹ Так, на заседания «фракционного пленума» в октябре 1925 г. помимо Троцкого и его сторонников не были приглашены: члены ЦК Л.Б. Красин, А.Д. Цюрупа; кандидаты в члены ЦК А.Р. Рахимбаев, И.Т. Смилга, С.И. Сырцов, А.Ф. Толоконцев, Я.С. Цейтлин; член Президиума ЦКК А.С. Киселев, кандидат в члены Президиума ЦКК В.И. Иванов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 57. Л. 40–43).

¹³² Назаров О.Г. Указ. соч. С. 111.

¹³³ Зиновьев Г.Е. История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

¹³⁴ Правда. 1924. 23 августа.

Сталин, хотя его имя в статье не упоминалось, был крайне раздражен, ведь искушенные в политических интригах советские бюрократы вполне могли истолковать это как ослабление его позиций. По этому поводу он даже направил членам «семерки» записку, в которой обещал написать статью с новой порцией критики в адрес Зиновьева: «Видимо, авторы статьи... хотят спасти фразу “диктатура партии”. Это неправильно. В своей статье постараюсь обосновать эти свои замечания»¹³⁵. Тем не менее, эта статья так и не увидела свет (скорее всего, она даже не была написана), поскольку ее выход означал бы начало новой дискуссии, которой члены «семерки» всячески пытались избежать.

27 августа 1924 г. сервильный поэт Демьян Бедный в письме Сталину выразил мнение, что спор о «диктатуре» по существу являлся бессмысленным: «Мужика мы на словах, но объемом, и он хорошо знает, чья диктатура, и ему, собственно, не так важно, кто диктатурит, а важно, как его убаюкивают»¹³⁶. Характер и содержание ответного письма Сталина были таковы, что Бедный отреагировал самоуничижительным по тону письмом, в котором высказал полную солидарность со своим покровителем: «...Вы огрели меня трактатом. Я оказался в лестной и приятной для меня роли оселка, на котором Вы оттачиваете свой кинжал... На беду, это вопрос, при своей широте, крайне острый»¹³⁷. Таким образом, Сталин довольно болезненно воспринимал эту ситуацию.

Тем временем Троцкий решает взять реванш за поражение в дискуссии 1923–1924 гг. с помощью истории Октября. 13 мая 1924 г. он поделился своими размышлениями в письме неким двум членам партии – Володарскому и Бронин-Кац: «Почему целый ряд видных товарищей выступал против захвата власти в Октябре 1917 г., ведь не вследствие же личной трусости, надо думать? Тогда почему же? Объяснение только одно: предшествующая работа не подготовила их к Октябрю. Они не поняли условий революции, они недооценивали силы пролетариата, они переоценивали силы других классов и готовы были потому упус-

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 156.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 9 об.

¹³⁷ Там же. Л. 30, 31.

тить исключительную революционную ситуацию»¹³⁸. В октябре 1924 г. увидела свет статья Троцкого «Уроки Октября», являвшаяся предисловием к третьему тому его собрания сочинений. В этой статье он довольно большое внимание уделил позиции Каменева и Зиновьева накануне Октябрьской революции, упрекнув их в «социал-демократическом, меньшевистском отношении к революции»¹³⁹.

По всей видимости, уверенности Троцкому в тот период придавал наметившийся весной 1924 г. разлад в отношениях между Сталиным и Зиновьевым (в тот период он еще не знал о «семерке»). Кстати, после выхода «Уроков октября» в партийных кругах даже циркулировал слух о сближении Сталина и Троцкого¹⁴⁰.

Выпад Троцкого против Зиновьева и Каменева привел в действие защитные механизмы «семерки», выразившиеся в виде масштабной кампании по разоблачению Троцкого и его взглядов (официально она называлась «литературной дискуссией»). Эта кампания велась как на страницах печатных изданий, так и на партийных собраниях. Троцкий впоследствии писал, что в это время «пресса и ораторы ничем другим не занимались, кроме разоблачения троцкизма»¹⁴¹.

24 октября 1924 г. Зиновьев и Каменев направили «семерке» написанный ими проект резолюции для предстоящего октябрьского пленума ЦК (25–27 октября 1924 г.), в котором «Уроки Октября» квалифицировались как «сознательное извращение истории партии»¹⁴². Тем не менее, на пленуме этот вопрос не рассматривался. По всей видимости, «семерка» считала, что подобная реакция со стороны пленума ЦК без предварительной дискуссии будет выглядеть поспешной.

Датой начала «литературной дискуссии» можно считать 2 ноября 1924 г., когда в «Правде» была опубликована статья Бухарина под названием «Как не нужно писать историю Октября». Бухарин

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 522. Л. 94–95.

¹³⁹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 277.

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 70, 74.

¹⁴¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 488.

¹⁴² Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 159.

назвал статью Троцкого «кривым зеркалом партии», которое искажает «действительную партийную историю»¹⁴³. Вслед за этим на страницах «Правды» появилось множество статей, разоблачающих Троцкого и «троцкизм». Их содержание сводилось к тому, что «Уроки Октября» – это фальсификация истории революции, «ревизия ленинизма», попытка привести большевистскую партию к «троцкизму», логически вытекающему из «меньшевистского» прошлого Троцкого¹⁴⁴.

Важное значение для развития «литературной дискуссии» имела резолюция Московского комитета партии, принятая по докладу Каменева и опубликованная в «Правде» 19 ноября 1924 г. В этой резолюции «Уроки Октября» были названы «грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции», «попыткой подменить ленинизм троцкизмом»¹⁴⁵. В ноябрьских и декабрьских номерах «Правды» было опубликовано множество резолюций различных парткомов, разделяющих позицию Московского комитета.

В ноябре 1924 г. Троцкий написал статью «Наши разногласия», в которой подробно ответил на выдвинутые обвинения¹⁴⁶. Однако публиковать ее он не стал. В декабре 1924 г. на встрече с группой московских рабочих Троцкий объяснил свое молчание тем, что «не хочет новой дискуссии». Более того, он признался, что если бы знал, какую кампанию «раздуют и разведут» по поводу статьи «Уроки Октября», то «никогда бы ее и не выпустил»¹⁴⁷. В общем, Троцкий, опасаясь усиления кампании против него, не предпринимал ответных действий.

Итоги «литературной дискуссии» подвел объединенный пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся 17–20 января 1925 г. Январский пленум 1925 г. оценил «совокупность выступлений т. Троцкого против партии» как «попытку подменить ленинизм троцкизмом» и объявил «дискуссию» законченной, потребовав, однако, «про-

¹⁴³ Правда. 1924. 2 ноября.

¹⁴⁴ См., напр., статьи Сталина, Зиновьева и Каменева (Правда. 1924. 26 ноября, 30 ноября).

¹⁴⁵ Правда. 1924. 19 ноября.

¹⁴⁶ См.: Архив Троцкого. Т. 1. С. 110–142.

¹⁴⁷ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 176.

должить и развить работу партии по разъяснению снизу доверху антибольшевистского характера троцкизма». Пленум также принял решение о снятии Троцкого с должности председателя Реввоенсовета СССР и оставлении его в составе Политбюро с предупреждением, что в случае «новой попытки... нарушения или неисполнения партийных решений» он будет исключен из Политбюро¹⁴⁸. 26 января 1925 г. Президиум ЦИК СССР постановил освободить Троцкого от обязанностей наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета и утвердить на эти посты М.В. Фрунзе¹⁴⁹.

Таким образом, в январе 1925 г. Троцкий лишился реальных рычагов власти, сохранив лишь формальное членство в Политбюро. Январский пленум 1925 г. также закрепил главный результат политической дискредитации Троцкого во время «литературной дискуссии»: внедрение в идеологическую сферу понятия «троцкизм», противопоставлявшегося догматам большевистской партии.

21 мая 1925 г. Политбюро назначило Троцкого председателем Главного концессионного комитета при Совнаркоме СССР, начальником электротехнического управления и председателем научно-технического отдела ВСНХ СССР¹⁵⁰. Впоследствии Троцкий писал, что данное решение было обусловлено «специфическими соображениями: изолировать меня от партии, завалить текущей работой, поставить под особый контроль»¹⁵¹. Британский историк И. Дойчер считал эти назначения актом «политического унижения» Троцкого¹⁵².

На репутации Троцкого также сказалось «дело Истмена», начавшееся с того, что в мае 1925 г. увидела свет книга американского коммуниста, журналиста М. Истмена «После смерти Ленина»¹⁵³. Истмен прожил в Советском Союзе почти два года, знал русский язык и был женат на Е.В. Крыленко – сестре замнаркома

¹⁴⁸ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 323–324, 330.

¹⁴⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 180.

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 504. Л. 8.

¹⁵¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 492.

¹⁵² Дойчер И. Указ. соч. С. 230.

¹⁵³ Eastman M. Since Lenin died. New York, 1925.

юстиции РСФСР Н.В. Крыленко. Благодаря этому ему удалось собрать большой материал о внутривнутрипартийной борьбе в последние месяцы жизни Ленина и после его смерти. Будучи сторонником Троцкого, Истмен писал о нем как о герое Русской революции, ставшем жертвой политических интриг¹⁵⁴.

Почти сразу после выхода книги Истмена руководители нескольких западных компартий обратились к Троцкому с просьбой выразить свое мнение по этому поводу. 17 июня 1925 г. Сталин направил членам и кандидатам в члены Политбюро письмо, в котором заявил, что книга Истмена «является клеветнической», написана с целью дискредитации партийного руководства и «уже принесла громадную пользу мировой контрреволюции». По его словам, «некоторый минимум обязанностей члена партии... требует того, чтобы тов. Троцкий выступил в печати недвусмысленно против грубых искажений всем известных фактов, искажений, допущенных в книге Истмена»¹⁵⁵. 18 июня Политбюро приняло предложение Сталина о выступлении Троцкого с опровержением в печати¹⁵⁶.

В общем, Троцкий оказался перед непростым выбором: подтвердить или опровергнуть приведенные Истменом сведения. В сентябрьском номере журнала «Большевик» было опубликовано его заявление: «Ни один честный рабочий не поверит картине, даваемой Истменом. Она заключает в себе свое внутреннее опровержение. Каковы намерения Истмена – все равно. Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу контрреволюционным орудием»¹⁵⁷.

История с «делом Истмена» нанесла серьезный удар по репутации Троцкого. Признав Истмена клеветником, он фактически отказывался от многих собственных обвинений в адрес партийного руководства. Впоследствии Истмен дал следующую оценку

¹⁵⁴ См.: Швецов В.В. Лев Троцкий и Макс Истмен: история одной политической дружбы // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 146–152.

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 507. Л. 12–13.

¹⁵⁶ Там же. Л. 1.

¹⁵⁷ Большевик. 1925. № 16. С. 70.

поступку Троцкого: «Политический лидер не должен был делать того, что сделал Троцкий... Он сделал бы лучше, оставшись на почве фактов и позволив Сталину исключить его, если бы тот смог, из партии»¹⁵⁸. По воспоминаниям Н.В. Валентинова, в партийной среде поступок Троцкого был расценен так, как будто он «на брюхе подполз к партии»¹⁵⁹.

2.3. Распад «семерки»

В декабре 1925 г. на XIV съезде партии Сталин, рассказывая об истории возникновения нового раскола в Политбюро, назвал «началом нашей размолвки» момент, когда решался вопрос о том, «как быть с тов. Троцким»: «Мы, т. е. большинство ЦК... имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении (Троцкого из партии – Д.А.). Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения тов. Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство ЦК и ограничились снятием тов. Троцкого с поста наркомвоена»¹⁶⁰.

Документальные сведения дают более полную картину событий. Вопрос о мере наказания, которую следовало применить к Троцкому, действительно вызвал серьезные разногласия. Резолюции местных партийных организаций показали, что к началу 1925 г. были сформулированы три основные точки зрения: 1) исключить Троцкого из партии; 2) снять с работы в Реввоенсовете и вывести из состава Политбюро; 3) снять с работы в Реввоенсовете и условно оставить в Политбюро¹⁶¹.

Накануне январского пленума 1925 г. Зиновьев отстаивал второй вариант – убрать Троцкого с поста председателя Реввоенсовета

¹⁵⁸ Цит. по: *Швецов В.В.* Указ. соч. С. 153.

¹⁵⁹ *Валентинов Н.В.* Указ. соч. С. 294.

¹⁶⁰ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 502.

¹⁶¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 322.

и вывести из состава Политбюро. 4 января он сообщил Сталину: «Я набросал в Питере проект резолюции о Троцком. Думаю, что он мог бы лечь в основу обсуждения Пленума (если, конечно, Троцкий не преподнесет новых фактов). Прошу еще до вторника раздать ее членам и кандидатам 7 (фракционной “семерки” – Д.А.), а может быть, (решим во вторник) разослать ее всем нашим членам ЦК». В подготовленном Зиновьевым проекте резолюции было предложено: «Признать невозможной при нынешнем, созданном т. Троцким, положении вещей работу т. Троцкого на таких постах, как пост Предреввоенсовета и член Политбюро»¹⁶².

Однако остальные члены «семерки» (за исключением Каменева, который, как обычно, поддержал своего друга Зиновьева) придерживались более умеренной позиции. 5 января Сталин и Бухарин направили в Политбюро поправки к проекту Зиновьева: «Пункт второй резолютивной части должен быть изменен в том смысле, что т. Троцкий освобождается только от поста Предреввоенсовета и остается членом Политбюро»¹⁶³.

Столь жесткая позиция Зиновьева по вопросу о наказании Троцкого вызвала неодобрительную реакцию в «руководящем коллективе», поскольку это противоречило партийным устоям 1920-х гг., предполагавшим относительно мягкие меры наказания для оппозиционеров из числа заслуженных руководителей партии. Полтора года спустя, на июльском пленуме 1926 г., Орджоникидзе по этому поводу сказал следующее: «Пусть тт. Зиновьев и Каменев скажут, не устраивали ли мы им невероятных боев по поводу того, чтобы Троцкого не вышибать из Политбюро, зная, что это у вас первый шаг к тому, чтобы тов. Троцкого вышибить из партии. Нас не пугало то, что тов. Троцкого не будет в Политбюро. Не это нас пугало. Нас пугало то, что это есть план Зиновьева, чтобы вышибить тов. Троцкого сегодня из Политбюро, завтра из ЦК, послезавтра – из партии. Мы этого боялись и с грубой прямоотой не раз ставили тов. Зиновьеву этот вопрос»¹⁶⁴. По поводу упорного желания Зиновьева как можно скорее покончить

¹⁶² Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 180.

¹⁶³ Там же. С. 179.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 31.

с Троцким Бухарин оставил ироничную запись: «Если на клетке Отелло увидишь “Тригорий”, верь глазам своим»¹⁶⁵.

Тем не менее, во избежание конфликта было выработано компромиссное решение – реализовать вариант плавного выведения Троцкого из партийного руководства, а именно: не избрать его в состав ЦК на ближайшем партийном съезде. По свидетельству Зиновьева, «в январе 1925 г. перед вынесением решения относительно т. Троцкого предварительным совещанием цекистов-ленинцев было принято решение... не выбирать Троцкого в ЦК на будущем, т. е. XIV съезде... Решение не выбирать Троцкого в ЦК было принято большинством, при двух воздержавшихся, за были все остальные (человек 45)»¹⁶⁶. Согласно резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК (17–20 января 1925 г.), вопрос об оставлении Троцкого в ЦК должен был рассматриваться на ближайшем съезде партии¹⁶⁷.

Несмотря на достигнутую договоренность по вопросу о Троцком, вскоре конфронтация между Зиновьевым и Сталиным возобновилась. Политические амбиции обоих вождей вновь дали о себе знать. Роль детонатора сыграли притеснения в отношении сторонников Зиновьева и Каменева. Секретарь Рогожско-Симоновского райкома Москвы С.С. Захаров в ходе выступления на XIII Московской губернской партконференции (24–28 января 1925 г.) заявил, что в отношении Троцкого «ЦК проявил маленькое соглашательство, которое придется XIV съезду исправлять и не вводить тов. Троцкого в состав ЦК до тех пор, пока его не перестанет хвалить заграничная печать и не перестанет распространять его сочинения»¹⁶⁸. Сталин немедленно отреагировал и в своем выступлении подверг Захарова резкой критике. Захаров, по его собственному признанию, быстро «понял свою ошибку», после чего подал заявление об отставке, которое было удовлетворено 30 января на заседании бюро райкома¹⁶⁹. В марте 1925 г. за

¹⁶⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 182.

¹⁶⁶ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.

¹⁶⁷ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 330.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 40. Л. 77.

¹⁶⁹ Там же. Л. 75, 79.

тот же самый «проступок» был снят с должности секретарь ЦК ВЛКСМ Л.Я. Файвилович. Согласно черновой записи Зиновьева, «эти два факта являются несомненным началом» нового этапа внутривластной борьбы¹⁷⁰.

10 февраля 1925 г. на совещании «семерки» Зиновьев и Каменев выступили с протестом против наказания в отношении Захарова. В итоге «семерка» постановила, что решение о снятии Захарова сразу же после Московской губпартконференции было «тактической ошибкой», однако оставила наказание в силе. Зиновьев проголосовал против этого решения, а Каменев и вовсе демонстративно покинул совещание перед голосованием¹⁷¹.

Письмо украинской парторганизации в адрес ЦК РКП(б) свидетельствует о том, что уже в феврале 1925 г. в политических кругах имело место противостояние между «сталинцами» и «зиновьевцами»¹⁷². Преимущество в подковерных аппаратных играх было на стороне Сталина, поэтому генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины Э.И. Квириг, который, судя по всему, склонялся на сторону Зиновьева, в апреле 1925 г. был вынужден просить об отставке. Его место занял «сталинец» Л.М. Каганович¹⁷³.

В этих условиях Сталин и Бухарин создают коалицию, которую С. Коэн охарактеризовал как «временный взаимовыгодный союз»¹⁷⁴. Между ними наметилось четкое разделение функций. Сталин, возглавлявший систему секретарской иерархии, контролировал основные рычаги партийно-организационной работы. Бухарин занимался разработкой и формулированием экономической политики и идеологии. В его руках находилось руководство центральными изданиями партии. Помимо того, что Бухарин был главным редактором газеты «Правда», в апреле 1924 г. он также возглавил редакцию нового, выходившего раз в две недели журнала ЦК партии «Большевик»¹⁷⁵.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

¹⁷¹ Там же. Ф. 17. Оп. 171. Д. 40. Л. 69–70.

¹⁷² Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 188.

¹⁷³ *Борисенко Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 164–165.

¹⁷⁴ *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 255.

¹⁷⁵ Там же. С. 255–257.

Бухаринская теория «врастания нэпа в социализм» опиралась на представление о кооперации как средстве перехода к социализму. Бухарин утверждал, что «стимулированием личной инициативы крестьян, ремесленников, рабочих и даже буржуазии... мы заставляем их объективно служить государственной социалистической индустрии и экономике в целом». При этом позиция Бухарина по отношению к кулаку выражалась в словах: «Мы помогаем ему, но он помогает нам»¹⁷⁶. Теоретические взгляды Бухарина стали основой решений, принятых на XIV партконференции (27–29 апреля 1925 г.). «Я считаю... – говорил Бухарин, – что мы идем на развитие нэпа в деревне, которого до сих пор почти не было»¹⁷⁷. В качестве основных элементов политики «деревенского нэпа» были определены следующие меры: значительное снижение общего размера сельскохозяйственного налога, вложение дополнительных государственных средств в систему сельхозкредита, расширение возможностей для найма рабочей силы и земельной аренды¹⁷⁸.

Осенью 1925 г. по причине просчетов в планировании экономического развития разразился второй кризис нэпа, заключавшийся в «товарном голоде» и срыве плана хлебозаготовок¹⁷⁹. Данный кризис стимулировал новый виток внутривнутрипартийной борьбы. Зиновьев и Каменев бросили вызов сталинско-бухаринской группе, что в конечном счете привело к распаду «семерки».

Будучи председателем Ленсовета, Зиновьев фактически руководил Ленинградской партийной организацией и превратил ее в свою «вотчину». Данное обстоятельство обусловило тот факт, что центром «новой оппозиции» стал Ленинград (отсюда другое ее название – «ленинградская оппозиция»). Важным мобилизующим фактором для «новой оппозиции» стали политические амбиции ленинградских руководителей. В этом отношении примечательно письмо комсомольского работника Ф.Г. Леонова

¹⁷⁶ Там же. С. 217–218.

¹⁷⁷ Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М. – Л., 1925. С. 182.

¹⁷⁸ Там же. С. 288, 295, 302.

¹⁷⁹ Подробнее см.: *Голанд Ю.М.* Указ. соч. С. 13–22.

Н.А. Угланову¹⁸⁰ от 3 октября 1925 г., в котором он сообщает подробности своей беседы с секретарем Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) П.А. Залуцким. В беседе с Леоновым Залуцкий следующим образом охарактеризовал настроения партийных руководителей Ленинграда: «Ленинградская организация изолируется от партии. На нас нажимают, притесняют по всем линиям, и по партийной, и по хозяйственной, и по комсомольской. С Ленинградом не считаются, превращают его в провинцию»¹⁸¹.

Платформа «новой оппозиции» была изложена в Секретной докладной записке от 1 октября 1925 г., подписанной Зиновьевым, Каменевым, Крупской, Сокольниковым и направленной членам «руководящего коллектива». В этом документе, который в дальнейшем именовался «Платформой 4-х», политика ЦК в деревне была названа «политической ошибкой», направленной «в сторону забвения классовой борьбы, в сторону оппортунизма»¹⁸². Резкой критике также подверглась сталинская теория «построения социализма в одной стране». Утверждалось, что «полная победа социалистической революции возможна только как победа международной революции»¹⁸³.

Во время октябрьского пленума ЦК (3–10 октября 1925 г.) в течение нескольких дней на неофициальном, «фракционном пленуме» между недавними союзниками происходил жесткий обмен мнениями. В ночь с 5 на 6 октября Дзержинский написал Сталину и Орджоникидзе письмо, в котором назвал выступление Зиновьева и Каменева «новым Кронштадтом внутри нашей партии». По его словам, если не противопоставить опасности Термидора единство партии, то «ленинцы, как пауки, будут пожирать себя»¹⁸⁴. На следующий день письмо Дзержинского было зачитано на заседании «фракционного пленума», спровоцировав демонстративный

¹⁸⁰ На тот момент Угланов одновременно занимал должности секретаря ЦК и первого секретаря Московского комитета ВКП(б).

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 36.

¹⁸² Там же. Л. 20.

¹⁸³ Там же. Л. 27.

¹⁸⁴ Большевицкое руководство. Переписка. С. 309–310.

уход оппозиционеров¹⁸⁵. Для того, чтобы сгладить конфликт, по предложению Сталина «фракционный пленум» принял постановление: «1. Фракция считает письмо т. Дзержинского неправильным по содержанию и недопустимым по тону; 2. Фракция считает, что тов. Сталин поступил неправильно, не представив предварительно письмо т. Дзержинского в семерку; 3. Фракция образует Президиум из трех со включением в него представителя от ушедших товарищей»¹⁸⁶.

В итоге участники «фракционного пленума» договорились о следующем: «Признать недопустимой открытую дискуссию между лидерами фракции, а равно и полемику в печати против них, обязав семерку следить за тем, чтобы было безусловно обеспечено единство линии ленинцев в подготовительной работе к XIV съезду путем предварительного согласования важнейших выступлений»¹⁸⁷. Таким образом, в начале октября 1925 г. конфликтующие стороны взяли на себя обязательство не провоцировать публичную дискуссию в период подготовки к XIV съезду партии. Чтобы не обострять конфликт, Каменев и Зиновьев вынуждены были согласовывать в «семерке» тексты своих докладов, подлежавших публикации¹⁸⁸.

Достигнутые договоренности позволили на некоторое время сбить накал страстей, избегая открытого конфликта. Однако в преддверии съезда оппоненты продолжали вести скрытую борьбу. 2 ноября 1925 г. заседание Политбюро началось с упреков Сталина в адрес Каменева. Речь шла о том, что Совет труда и обороны, который возглавлял Каменев, принял решение о пересмотре плана хлебозаготовок и хлебного экспорта до рассмотрения вопроса в Политбюро¹⁸⁹. Каменев, в свою очередь, заявил о политической подоплеке выдвигаемых против него обвинений и попросил принять его отставку с должности председателя

¹⁸⁵ Зиновьев Г.Е. История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 16.

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 56. Л. 63.

¹⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 57. Л. 1.

¹⁸⁸ В архиве Политбюро отложились правленные гранки доклада Каменева и замечания Бухарина к выступлению Зиновьева: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 57. Л. 18–45; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 130. Л. 106–109.

¹⁸⁹ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 369–370.

СТО¹⁹⁰. В итоге его просьба об отставке была отклонена, решение СТО по вопросу о хлебозаготовках и хлебном экспорте было признано предварительным и передано для пересмотра в Политбюро¹⁹¹. При этом соответствующий фрагмент стенограммы, который мог быть воспринят как свидетельство «травли» Каменева в Политбюро, не вошел в стенографический отчет.

10 декабря 1925 г. на заседании Политбюро стенографировался вопрос «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса». Обсуждение данного вопроса приобрело важное значение в силу того, что «новая оппозиция» на основе хлебофуражного баланса Центрального статистического управления, составленного в июле 1925 г., заявляла о кулацкой опасности (дескать, кулаки саботировали выполнение плана хлебозаготовок) и отстаивала необходимость свертывания политики «деревенского нэпа». В середине октября была создана специальная комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции под руководством экономиста Я.А. Яковлева. По итогам работы комиссия пришла к выводу о серьезных методологических просчетах ЦСУ, «затемняющих социально-экономическое значение средних слоев крестьянства»¹⁹².

Тактика сталинско-бухаринской группы на заседании Политбюро 10 декабря 1925 г. заключалась в том, чтобы на основе результатов работы комиссии НК РКИ разоблачить тезисы «новой оппозиции», объявив данные ЦСУ недостоверными и политически ангажированными. Несмотря на возражения председателя ЦСУ П.И. Попова¹⁹³, Каменев, представлявший интересы оппозиции на этом заседании, вынужден был признать методологические просчеты, допущенные ЦСУ при составлении хлебофуражного баланса. Вместе с тем он выступил решительно против придания «делу о работе ЦСУ» политического характера и встал на защиту Попова от обвинения в намеренном игнорировании роли середняка при составлении баланса¹⁹⁴. Каменев, безусловно, понимал, что такая постановка вопроса давала сталинско-буха-

¹⁹⁰ Там же. С. 376.

¹⁹¹ Там же. С. 378.

¹⁹² Там же. С. 475.

¹⁹³ См.: Там же. С. 432–440.

¹⁹⁴ Там же. С. 455.

ринской группе возможность отнести Попова в лагерь оппозиционеров и тем самым критиковать взгляды «новой оппозиции», избегая громких политических обвинений в адрес ее лидеров.

Встретив решительные возражения Каменева, сталинско-бухаринская группа не стала выносить на итоговое голосование положения, политизирующие отстранение Попова от занимаемой должности¹⁹⁵. Вместе с тем уже после заседания Сталин согласовал добавление в текст постановления Политбюро приписки, содержащей строгое предостережение работникам ЦСУ о том, что «всякая попытка подгонять цифры под предвзятое мнение будет рассматриваться как уголовное преступление»¹⁹⁶. Иными словами, в данном добавлении фактически утверждалось, что допущенные при составлении баланса ЦСУ ошибки были обусловлены предвзятостью Попова. Таким образом, контроль над принятием решений в Политбюро позволил сталинско-бухаринской группе придать «делу статистиков» политический характер. Этот эпизод показывает, что Сталин и Бухарин накануне XIV партсъезда руководствовались стремлением защитить свои позиции, не допуская при этом прямых обвинений в адрес Зиновьева и Каменева.

Другим проявлением скрытой внутривнутрипартийной борьбы накануне XIV съезда было противостояние двух крупнейших парт-организаций – московской и ленинградской. 5 декабря 1925 г. Московская губернская партконференция приняла резолюцию, в которой руководители ленинградской парторганизации осуждались за отрицание возможности победы социализма в одной стране. Их взгляды были квалифицированы как «ликвидаторство», «пораженчество» и «аксельродовщина». В ответной декларации Ленинградской губпартконференции было сказано: «Те оптимисты, которые в противоположность «пессимисту Ленину» доказывают, будто у нас уже кругом социализм, оказывают плохую услугу делу подлинного строительства социализма»¹⁹⁷. Троцкий, следивший за перипетиями политической борьбы, в своих дневниковых записях охарактеризовал этот эпизод сле-

¹⁹⁵ Там же. С. 473–474.

¹⁹⁶ Там же. С. 474, 484.

¹⁹⁷ Назаров О.Г. Указ. соч. С. 124.

дующим образом: «Достаточно только продумать значение того факта, что в Ленинграде была принята единогласно или почти единогласно резолюция, направленная против ЦК, в то время как московской организацией единогласно, без единого воздержавшегося, принята резолюция, направленная против Ленинграда»¹⁹⁸.

В данном конфликте большинство членов Политбюро и ЦК были на стороне Сталина и Бухарина, поскольку лидеры оппозиции Зиновьев и Каменев, как и Троцкий двумя годами ранее, воспринимались в «руководящем коллективе» как угроза раскола, которую необходимо было так или иначе нейтрализовать. К тому же, как было отмечено выше, после споров о наказании Троцкого за Зиновьевым закрепились репутация беспощадного «Отелло», способного в случае успеха в политической борьбе «задушить» любого несогласного с ним члена ЦК.

Вместе с тем в 1920-е гг. в ЦК преобладали миролюбивые настроения, поэтому за несколько дней до съезда в «семерке» состоялась последняя попытка примирения враждующих сторон. Вечером 14 декабря 1925 г. по предложению Сталина для обсуждения вопроса о поведении членов Политбюро на предстоящем съезде состоялось совещание «семерки», на котором присутствовали члены и кандидаты в члены Политбюро Сталин, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Рудзутак, Молотов, Калинин, Дзержинский, а также председатель ЦКК Куйбышев. Зиновьеву и Каменеву предлагалось «разоружиться», т. е. прекратить оппозиционную деятельность и признать правильность сталинско-бухаринского курса (соответственно, они не должны были возражать против утверждения об ошибках ленинградской парторганизации). Взамен они получили бы гарантию, что члены Политбюро не будут атаковать друг друга на съезде, а Троцкий, согласно принятой ранее договоренности, не будет избран в новый состав ЦК¹⁹⁹. Лидеры «новой оппозиции» отказались принимать эти условия, выбрав путь продолжения борьбы. «Семерка» окончательно распалась.

¹⁹⁸ Архив Троцкого. Т. 1. С. 153.

¹⁹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 61. Л. 141–150; Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.

На XIV съезде партии (18–31 декабря 1925 г.) Сталин, который впервые выступал с политическим отчетом ЦК, заявил, что партия «должна сосредоточить огонь» на уклоне, состоящем в переоценке кулацкой опасности, «в раздувании роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне»²⁰⁰. Зиновьев, выступавший с содокладом по отчету ЦК, заявил, что категорически не согласен с тезисом о возможности «окончательно построить и закрепить социалистический строй в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской»²⁰¹. По словам Зиновьева, другой источник разногласий заключался в том, что «некоторые товарищи» пытались «объявить нэп социализмом», тем самым идеализируя нэп и капиталистические отношения²⁰².

Вслед за выступлением Зиновьева стороны вступили в прения. Первым после него выступил Бухарин, который обвинил Зиновьева и Каменева в «неверии в силы рабочего класса» и напомнил об их поведении накануне Октябрьской революции²⁰³. По словам Бухарина, Зиновьеву и Каменеву следовало признать свою ошибку, которая заключалась в проявлении «величайшей нелояльности» к ЦК²⁰⁴. Крупская критиковала Бухарина за «неправильное понимание нэпа»²⁰⁵, уделив особое внимание его лозунгу «Обогащайтесь!», обращенному «к тому слою, с которым мы боролись во время революции»²⁰⁶. Каменев обвинил Сталина в продвижении «неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин»²⁰⁷. Несмотря на остроту полемики, в целом XIV съезд прошел под полным контролем сталинско-бухаринской группы. Резолюция по докладу Сталина была принята подавляющим большинством голосов (559 голосов за резолюцию и только 65 против)²⁰⁸.

²⁰⁰ XIV съезд ВКП(б). С. 47–48.

²⁰¹ Там же. С. 98.

²⁰² Там же. С. 101.

²⁰³ Там же. С. 136–137.

²⁰⁴ Там же. С. 152.

²⁰⁵ Там же. С. 161.

²⁰⁶ Там же. С. 160.

²⁰⁷ Там же. С. 254.

²⁰⁸ Там же. С. 524.

1 января 1926 г. состоялся пленум ЦК, на котором избранные на XIV съезде члены ЦК сформировали новый состав Политбюро. Политбюро пополнили три новых члена – сторонники Сталина Молотов, Ворошилов и Калинин. Зиновьев и Троцкий остались членами Политбюро, однако Каменев был переведен из членов в кандидаты, что предсказуемо вызвало протест со стороны Зиновьева и Каменева. Зиновьев в знак солидарности с Каменевым даже предложил вычеркнуть его фамилию из предложенного для голосования списка членов Политбюро²⁰⁹. Дзержинский в своем выступлении на пленуме откровенно поведал о соображениях, которыми руководствовалась фракция большинства в данном случае: «...если действительно создать Политбюро таким образом, чтобы в него вошли и Зиновьев, и Каменев, то не будет этой работоспособности в достаточной степени для проведения линии, намеченной съездом. Поэтому я считаю совершенно достаточным, если в нем будет Зиновьев... чтобы вы не могли говорить, что тут какие-нибудь политические гонения против вас и т. д.»²¹⁰. Вдобавок к этому 11 января 1926 г. Политбюро приняло постановление, лишившее Каменева поста председателя СТО (эту должность занял Рыков как председатель Совнаркома)²¹¹.

Вскоре после XIV съезда был осуществлен организационный разгром «ленинградской оппозиции». 4 января 1926 г. члены Политбюро решают развернуть в Ленинграде широкую кампанию по разъяснению итогов съезда. Для этого в Северную столицу была командирована специальная группа членов Политбюро и ЦК в следующем составе: М.И. Калинин, М.П. Томский, В.М. Молотов, А.А. Андреев, Г.И. Петровский, С.М. Киров, К.Е. Ворошилов, Я.Э. Рудзутак и В.В. Шмидт. 7 января Политбюро принимает решение о назначении Кирова на должность первого секретаря Ленинградского губкома²¹². На этом посту он сменил близкого соратника Зиновьева Г.Е. Евдокимова.

Интересным источником, позволяющим оценить политическую обстановку в Ленинграде в январе 1926 г., является доклад

²⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 209. Л. 3.

²¹⁰ Там же. Л. 5.

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 538. Л. 3.

²¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 537. Л. 6.

Ворошилова, направленный членам Политбюро 28 января. Ворошилов отметил, что «антипартийные уклоны в верхушке организации» были подкреплены поддержкой ленинградских комсомольцев. По его словам, на собраниях ленинградских партячек комсомольцы «вели себя недопустимо, сплошь и рядом устраивая членам ЦК дикие обструкции»²¹³. Одним из наиболее скандальных событий стало собрание на заводе «Красный Треугольник», состоявшееся 15 января 1926 г. Киров в письме Орджоникидзе следующим образом описывал произошедшее: «Вчера были на Треугольнике, коллектив 2200 человек. Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов Партии. Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя! Говорю, не преувеличивая»²¹⁴.

В результате проведения данной кампании к концу января 1926 г. в поддержку линии ЦК выступили почти все ленинградские партячки, а также комсомольская организация Ленинграда²¹⁵. Для закрепления итогов Политбюро 27 января 1926 г. принимает решение о созыве XXIII чрезвычайной губернской партконференции, районных и уездных конференций²¹⁶.

Другим методом борьбы против ленинградских оппозиционеров было применение партийных взысканий и кадровых перемещений. 5–8 января 1926 г. проходили заседания следственной комиссии ЦКК по «делу о группировке в верхушке ленинградской организации». На основании заключений этой следственной комиссии 14 января 1926 г. было принято постановление Секретариата ЦКК, в соответствии с которым несколько руководящих работников ленинградской парторганизации получили строгий выговор и были отозваны в распоряжение ЦК²¹⁷. По данным Орграспредотдела ЦК, всего за период с 1 января по 15 апреля

²¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 64. Л. 158.

²¹⁴ Большевицкое руководство. Переписка. С. 318.

²¹⁵ Правда. 1926. 30 января.

²¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 544. Л. 8.

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 74. Л. 3–8.

1926 г. в распоряжение ЦК из Ленинграда были отозваны 130 руководящих работников (из них 101 человек с партийной и комсомольской работы)²¹⁸.

Завершающим актом организационного разгрома «ленинградской оппозиции» стало снятие Зиновьева с поста председателя Ленсовета, утвержденное на заседании Политбюро 18 марта 1926 г. Замена Зиновьева Н.П. Комаровым на этом посту было оформлено как утверждение принятого ранее постановления Ленинградского губкома²¹⁹.

Лидеры оппозиции решили использовать данное заседание для разоблачения методов политической борьбы со стороны фракции большинства, поэтому Евдокимов настоял на том, чтобы заседание стенографировалось. Рефреном выступлений оппозиционеров стало утверждение о недопустимости применения «организационных выводов из послесъездовской дискуссии»²²⁰. Зиновьев подчеркивал, что оргвыводы в отношении ленинградской организации, инициированные фракцией большинства после партсъезда, противоречат нормам внутрипартийной демократии²²¹.

Вместе с тем на предшествующих этапах внутрипартийной борьбы он и сам боролся с оппозиционными группами, пытавшимися отстаивать нормы внутрипартийной демократии. Зиновьев, осознавая зыбкость позиций, с которых ему приходилось говорить о внутрипартийной демократии, вынужден был сделать в свое оправдание оговорку, впрочем, весьма расплывчатую и противоречивую. По его словам, «ленинградская оппозиция» сформировалась именно тогда, когда созрели предпосылки для демократизации внутрипартийной жизни: «Мы все грешили против внутрипартийной демократии, и нам оправданием было то, что хозяйственное, общеполитическое и международное положение долго заставляли нас держать военную дисциплину в партии, заставляли иногда нас перебарщивать... Вы должны понять, что наступили новые времена, что настал момент, когда мы даем...

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 66. Л. 77.

²¹⁹ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 692.

²²⁰ Там же. С. 657.

²²¹ Там же. С. 662.

больше демократизма советам и союзам... и стало быть, нельзя не изменить режим по отношению к нашей собственной партии»²²².

Сталин, называя демократизм Зиновьева и Каменева «смехотворным», припомнил, что накануне январского пленума 1925 г. при обсуждении меры наказания в отношении Троцкого они занимали более радикальную позицию, чем большинство ЦК²²³. Он также заявил, что та «легкость», с которой удалось «изолировать» оппозицию в Ленинграде объясняется тем, что «съездовская кампания совпала с тем напором демократизма в партийных низах Ленинграда, который накопился исподволь и наконец прорвался в форме перевыборов бюро коллективов»²²⁴. Член ЦК, ленинградец И.П. Жуков, выступавший на стороне фракции большинства, сравнил Зиновьева с «феодальным князем», превратившим ленинградскую организацию в «феодальную вотчину», в которой ни один партиец «не имел права сказать ни одного слова против оппозиции»²²⁵.

В конце заседания Сталин обратился к «доктрине единства», игравшей традиционно важную роль в полемическом арсенале фракции большинства. В рамках этой доктрины деятельность оппозиции и свободные политические дискуссии трактовались фракцией большинства как подрыв «единства» партии. Суть данной позиции в лапидарной форме была сформулирована Сталиным в конце заседания: «Если хотят превратить партию в дискуссионный клуб, то мы не можем на это пойти, ибо наша партия есть боевая партия революционной борьбы, а не кружок дискуссионный»²²⁶. Вообще, тезис, гласивший, что «партия – это не дискуссионный клуб»²²⁷, был одним из любимых штампов Сталина

²²² Там же. С. 662–663, 672.

²²³ Там же. С. 673.

²²⁴ Там же. С. 674.

²²⁵ Там же. С. 675.

²²⁶ Там же. С. 689–690.

²²⁷ Данная формулировка является отсылкой к тексту резолюции «О строительстве» от 5 декабря 1923 г. Полная версия этой фразы гласит: «Партия... не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 28).

в полемике с оппозиционерами. Сталин неоднократно повторил данную формулировку как в ходе данного заседания²²⁸, так и на заседании Политбюро 8 сентября 1927 г.²²⁹

Риторика Каменева на этом заседании строилась во многом на отсылках к ленинским принципам. В условиях активного формирования культа Ленина в СССР такого рода риторика являлась органичной частью политической культуры большевизма. Однако утверждение Каменева о том, что Ленин не применял организационных мер против несогласных и избегал «теории дискредитирования»²³⁰, было нетрудно опровергнуть. Справедливым представляется замечание Сталина о том, что Ленин «иногда действовал много круче и решительнее». В качестве примера Сталин привел общеизвестный факт: разногласия Зиновьева и Каменева с Лениным накануне Октябрьского переворота едва не привели к их исключению из партии²³¹. Данный пример, напомиравший о прошлых «ошибках» Зиновьева и Каменева, также служил цели их дискредитации. Кроме того, в зале заседания вскользь прозвучала фамилия А.Г. Шляпникова²³², которая также напоминала о нетерпимости Ленина по отношению к оппонентам²³³.

Отдельного внимания заслуживает попытка Каменева использовать ленинское «Письмо к съезду» для компрометации Сталина: «Когда я на съезде сказал фразу о том, что Сталин не может объединить вокруг своего имени большевистского штаба²³⁴, и когда съезд шумно протестовал против этого и устроил Сталину овацию, я бы мог перерезать эту овацию, если бы сказал, что я ведь только повторяю слова Ильича и ничего больше»²³⁵.

Отвечая на данную реплику Каменева, Сталин проявил себя мастером софистического опровержения. В сталинской интер-

²²⁸ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 673, 682, 689.

²²⁹ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 569, 596.

²³⁰ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 669.

²³¹ Там же. С. 673.

²³² Там же.

²³³ См. главу 1.

²³⁴ Имеется в виду выступление Каменева на XIV съезде партии (XIV съезд ВКП(б). С. 275)

²³⁵ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 686.

претации смысл «Письма к съезду» был значительно искажен. При подготовке стенографического отчета Сталин вырезал из своей речи фразу, намекавшую о главных опасениях Ленина насчет него: «Я не гожусь и могу злоупотребить властью»²³⁶. Вместо этого Сталиным был сделан акцент на грубости как «свойстве не из хороших», не помешавшем, однако, пленуму ЦК дважды отклонить его просьбу об отставке²³⁷. Тем самым Сталин выступил еще и в образе «благородного политика», подчеркнув, что не держится за свою должность. Кроме того, упомянув о ленинских указаниях на «небольшевизм» Троцкого и «октябрьские ошибки» Зиновьева и Каменева («которые не были случайностью»), Сталин заявил, что является «единственным, об ошибках которого не упоминается в письме ни единым словом»²³⁸. Отметим, что с данным утверждением Сталина трудно поспорить, однако верно и другое замечание: Сталин был также единственным из упомянутых в «письме» большевистских вождей, которого Ленин рекомендовал снять с должности.

Несмотря на то, что сталинско-зиновьевская «семерка» распалась, просуществовав менее полутора лет, она наложила заметный отпечаток на политическую практику высшего партийного руководства. «Семеркой» во второй половине 1920-х гг. именовались эпизодически проводившиеся закрытые, конфиденциальные совещания членов Политбюро с участием председателя ЦКК Орджоникидзе²³⁹. Интересно, что с 1950 по октябрь 1952 г. существовала другая «семерка» – неформальная руководящая группа членов Политбюро, ставшая прообразом «коллективного руководства», возрожденного после смерти Сталина²⁴⁰.

²³⁶ Там же. С. 688, 712.

²³⁷ Там же. С. 688.

²³⁸ Там же.

²³⁹ См., напр., сообщения Молотова Сталину относительно происходивших летом 1927 г. споров в «семерке» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 36–60).

²⁴⁰ Подробнее см.: *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 123–133.

2.4. «Объединенная оппозиция»

«Объединенная оппозиция», лидерами которой являлись Троцкий, Зиновьев и Каменев, складывалась постепенно, в ходе тайных политических маневров. Препятствием на пути к ее формированию было недоверие между троцкистами и представителями «новой оппозиции», возникшее вследствие внутривнутрипартийной борьбы предшествующих лет.

Троцкий не принимал участия в полемике, которая велась между «новой оппозицией» и большинством партийного руководства на XIV съезде партии в декабре 1925 г. В то время он полагал, что лидеры «новой оппозиции» Зиновьев и Каменев – такие же «аппаратчики», как и Сталин, и их противостояние представляет собой лишь «глухую аппаратную борьбу». По его словам, «новая оппозиция» являлась «бюрократически-демагогическим приспособлением аппаратной верхушки к тревоге передовой части рабочего класса за общий ход нашего развития»²⁴¹.

После XIV съезда Троцкий контактировал со Сталиным и Бухариным, которые выражали готовность к налаживанию отношений с троцкистами²⁴². По всей видимости, тем самым они пытались предотвратить создание блока троцкистской и зиновьевской оппозиции. 9 января 1926 г. в личном письме Бухарину Троцкий выразил надежду на возрождение «коллективной работы в Политбюро»²⁴³.

На заседании Политбюро 18 марта 1926 г. Троцкий все еще занимал нейтральную позицию, критикуя как бывшее руководство Ленинграда (прежде всего Зиновьева), так и в целом «отрицательные черты нашего партийного режима»²⁴⁴. На следующий день Троцкий предложил Бухарину встретиться, чтобы еще раз «переговорить о создавшемся положении»²⁴⁵.

²⁴¹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 154.

²⁴² Большевицкое руководство. Переписка. С. 325.

²⁴³ Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 188.

²⁴⁴ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 677

²⁴⁵ Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. С. 190.

Нейтралитет Троцкого Бухарин и Сталин считали «попыткой разыгрывать роль третьей силы»²⁴⁶. После того как Троцкий окончательно убедился, что фракция большинства не намерена рассматривать его в качестве полноправного партнера, он сделал выбор в пользу союза с «новой оппозицией». В свою очередь, Зиновьев и Каменев нуждались в альянсе с таким ярким политиком, как Троцкий.

Сближение Троцкого и лидеров «новой оппозиции» впервые обнаружилось на пленуме ЦК, проходившем с 6 по 9 апреля 1926 г. В прениях по докладу Рыкова, посвященному хозяйственной политике, Троцкий раскритиковал недооценку фракцией большинства задачи более быстрого развития промышленности: «Политика должна быть согласована с хозяйственной целью. Только таким путем, не убаюкивая себя, понимая опасность отставания, а тем более смертельную опасность черепашого шага, можно необходимый темп обеспечить. Фаталистический оптимизм недопустим»²⁴⁷. Каменев и Зиновьев заявили о своей солидарности с Троцким²⁴⁸.

Окончательное оформление «объединенной оппозиции» было связано с совместным выступлением Зиновьева, Каменева и Троцкого на заседании Политбюро 3 июня 1926 г. по вопросу об итогах всеобщей стачки в Великобритании. Общенациональная стачка началась 4 мая 1926 г. Остановились заводы и транспорт, Великобритания оказалась на грани экономического коллапса. 7 мая 1926 г. на заседании Президиума Исполкома Коминтерна Зиновьев изложил согласованную в Политбюро точку зрения, подчеркнув, что развитие стачки может поставить перед английским рабочим классом вопрос о завоевании власти. Однако силы правительства и забастовщиков оказались неравными. Правительство объявило чрезвычайное положение, привлекло значительные силы армии и полиции. После недельной борьбы по решению Генерального совета тред-юнионов английские рабочие прекратили забастовку. Вопреки воле профсоюзного руководства,

²⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 796. Л. 28, 40.

²⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 220. Л. 19.

²⁴⁸ Там же. Л. 29, 96–97.

стачку продолжали лишь горняки, поскольку от ее результатов напрямую зависел исход их давнего противостояния с владельцами шахт²⁴⁹.

Итоги всеобщей стачки в Великобритании стали катализатором политической борьбы в Политбюро. Лидеры «объединенной оппозиции» (члены Политбюро Зиновьев и Троцкий, кандидат в члены Политбюро Каменев) получили возможность выступить с критикой большинства Политбюро по важному внешнеполитическому вопросу. Главный удар они планировали нанести по Англо-русскому комитету профсоюзного единства (АРК). Этот орган, в который на паритетных началах вошли представители Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и Генерального совета Британского конгресса трудюнионов, должен был стать инструментом политики единого рабочего фронта в Европе²⁵⁰.

26 мая 1926 г. Зиновьев разослал членам Политбюро свой проект тезисов об «Уроках английской забастовки», в котором выдвинул требование выхода из АРК. Зиновьев заявил, что «вожди Генсовета, подло предавшие дело английского пролетариата, не призваны и не могут вести дело международного пролетариата»²⁵¹. Логика внутрипартийной борьбы заставила фракцию большинства выступить в защиту АРК. 1 июня 1926 г. Бухарин и Молотов написали об этом Сталину, который в тот момент находился в отпуске на Кавказе: «Зиновьев обливает грязью проводившуюся до сих пор коминтерновскую политику... Троцкий также за демонстративный разрыв с Генсоветом. Считаем это отзовистской глупостью, с которой ЦК должен беспощадно бороться»²⁵².

Заседание Политбюро по вопросу «Об уроках английской всеобщей стачки» состоялось 3 июня 1926 г. Зиновьев настаивал на том, что стачка носила политический характер и могла привести к установлению в Великобритании власти рабочего класса, если бы не капитуляция Генсовета. По его словам, еще задолго до

²⁴⁹ *Ватлин А.Ю.* Указ. соч. М., 2009. С. 165, 167.

²⁵⁰ Там же. С. 163.

²⁵¹ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 860.

²⁵² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 158–159.

стачки он предупреждал о неправильности курса Политбюро на сотрудничество с лейбористами и «мнимо-левыми вождями тред-юнионов»²⁵³. По существу, Зиновьев обвинял большинство Политбюро в неспособности разработать правильную внешнеполитическую линию. Фракция большинства, не отказываясь от критики в адрес «предателей» из Генсовета, выступила за сохранение АРК, призванного поддерживать «братскую связь между рабочим классом Великобритании и рабочим классом СССР»²⁵⁴.

По итогам заседания было принято постановление, отклонившее проект тезисов Зиновьева. В основу тезисов Политбюро «Об уроках английской стачки» был положен проект, предложенный Бухариным, Молотовым и Томским. Кроме того, Зиновьеву было отказано в просьбе отстаивать свою точку зрения перед Исполкомом Коминтерна²⁵⁵. Вместе с тем благодаря рассылке стенограммы этого заседания Политбюро лидеры «объединенной оппозиции» фактически представили партийному активу свою точку зрения по данному вопросу.

Таким образом, стенографические отчеты заседаний Политбюро давали лидерам «объединенной оппозиции» легальную возможность выражения своей политической платформы и критики оппонентов. Стенографирование заседаний Политбюро выполняло функцию «защитного клапана»²⁵⁶, который канализировал взаимную дискредитацию сторон, препятствуя переходу внутрипартийной борьбы в фазу открытого противостояния.

Новое столкновение между фракцией большинства и «объединенной оппозицией» произошло на заседании Политбюро 14 июня 1926 г., на котором обсуждался вопрос о работе Московского комитета партии. Как и в случае с заседанием 3 июня 1926 г., данное заседание стенографировалось. Следует отметить, что острота происходившей на этом заседании дискуссии была обусловлена тем, что деятельность МК имела важное значение в контексте

²⁵³ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 745.

²⁵⁴ Там же. С. 877.

²⁵⁵ Там же. С. 827.

²⁵⁶ Подробнее об особых институтах, играющих роль «защитных клапанов» во внутригрупповых конфликтах, см.: *Козер Л.* Указ. соч. С. 62–70.

внутрипартийной борьбы. В частности, об этом свидетельствуют слова, сказанные докладчиком заседания, первым секретарем МК и МГК ВКП(б) Н.А. Углановым: «В Москве мы имеем основной политический центр – Коминтерн, ЦК, здесь наиболее быстро бьет политическая мысль, здесь критика на промахи выявляется более резко»²⁵⁷. В своем выступлении Угланов откровенно заявил, что руководство МК проводит курс на то, чтобы сделать московскую парторганизацию «стальной твердыней» в борьбе с оппозиционерами: «Мы работаем над укреплением единства нашей партии и боремся против фракций и группировок и ненужных дискуссий»²⁵⁸.

По существу, в прениях по докладу Угланова оппоненты вернулись к вопросам, поднимавшимся в 1923 г. во время дискуссии о внутрипартийной демократии. Троцкий вновь выступил с критикой сложившегося внутрипартийного режима: «У нас никогда не было такого положения, чтобы один член партии так боялся другого, как сейчас... Партийцы молчат, ибо считают, что в случае критики их возьмут сейчас же на заметку... когда все голосования всегда проходят единогласно на 100 %, разве это не является архитревожным признаком? Не может быть, чтобы в партии, которая включает в себя миллион членов разного социального происхождения, разного стажа, разных условий жизни, не было бы по тем или другим вопросам согласных или несогласных»²⁵⁹. Зиновьев в своем выступлении охарактеризовал их совместную с Троцким деятельность как наступление против «самодержавия Сталина»²⁶⁰.

В репликах Молотова, Дзержинского и Бухарина доказывалось, что сила партии состоит в ее монолитном единстве, способности противостоять «раскольничьей» деятельности фракционных группировок²⁶¹. Как и следовало ожидать, была принята резолюция, одобрявшая деятельность МК в различных областях,

²⁵⁷ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 89.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же. С. 89–90.

²⁶⁰ Там же. С. 105.

²⁶¹ Там же. С. 100–104, 109–110, 110–113.

в том числе и в области внутрипартийной работы: «Московская организация в основном правильно и систематически ведет борьбу за единство партии против фракционности и группировок, расшатывающих это единство, и выполняет в этом отношении исключительно важную роль в деле идейного преодоления антиленинских уклонов в партии»²⁶².

Вместе с тем, вопреки ожиданиям оппозиции, стенографический отчет данного заседания Политбюро так и не был опубликован²⁶³. По всей видимости, решение о засекречивании данной стенограммы было реакцией фракции большинства на переход оппозиционеров к запрещенной фракционной деятельности.

15 июня 1926 г. находившийся на отдыхе Сталин писал Молотову: «А я думаю, что в скором времени партия набьет морду и Троцкому и Грише с Каменевым и сделает из них отщепенцев, вроде Шляпникова»²⁶⁴. Ожидания Сталина были связаны с так называемым «делом Лашевича».

6 июня 1926 г. в дачной местности в Подмоскowie собралось около 70 коммунистов Краснопресненского района Москвы. Организаторами этого собрания являлись бывшие работники райкома партии, примыкавшие к оппозиции – Г.Я. Беленький, И.С. Чернышев, Б.Г. Шапиро. Главным событием собрания стал доклад о внутрипартийном положении, прочитанный соратником Зиновьева М.М. Лашевичем. Уже на следующий день один из участников мероприятия рассказал о нем секретарю Краснопресненского райкома М.Н. Рютину. В свою очередь, Рютин передал дело в ЦКК. 12 июня 1926 г. Президиум ЦКК на основании материалов следственной комиссии принял постановление, квалифицировавшее собрание как подпольное и фракционное. В отношении семи участников собрания были применены партийные взыскания. Лашевичу объявили строгий выговор с предупреждением. Более того, Президиум ЦКК принял решение обратиться к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Лашевича из состава ЦК, снять его с поста зампреда Реввоенсовета

²⁶² Там же. С. 121.

²⁶³ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 16.

²⁶⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 71.

СССР и лишить права занимать ответственные партийные должности в течение двух лет²⁶⁵.

Вышеизложенные события имели значительные политические последствия. В письме соратникам от 25 июня 1926 г. Сталин предложил возложить на Зиновьева политическую ответственность за «дело Лашевича»: «Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии»²⁶⁶. На этом основании в отношении Зиновьева предусматривалось конкретное политическое наказание: «Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола»²⁶⁷. Кроме того, в письме подчеркивалось, что вопрос об исключении Троцкого из Политбюро не стоит, поскольку его не следует связывать с «политикой раскола», проводимой Зиновьевым. При этом Сталин отметил, что в данном случае была сделана ставка на то, чтобы вывести Троцкого из оппозиции и сделать его вновь «лояльным»²⁶⁸.

Анализ июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК (14–23 июля 1926 г.) показывает, что большинство ЦК действовало по сценарию, предложенному Сталиным и одобренному остальными членами «семерки». Этот план сводился к тому, чтобы «дело Лашевича» трансформировать в «дело Зиновьева». Рассмотрение пленумом «дела Лашевича» началось 21 июля. Докладчиком по данному вопросу выступил председатель ЦКК В.В. Куйбышев: «Все эти обстоятельства заставляют нас признать политически ответственным за эту фракционную борьбу и тов. Зиновьева. Было бы пустым формализмом, недостойным большевистского ЦК и ЦКК, если бы мы, имея перед собой это опасное явление, ограничились бы тем, что покарали бы стрелочника. Для всех нас очевидно и ясно, что дело тут идет о том, что эта фракционная борьба руководилась отсюда из центра и что Политбюро ЦК, членом

²⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 83. Л. 172 об. – 178 об.

²⁶⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 72.

²⁶⁷ Там же. С. 73.

²⁶⁸ Там же. С. 73–74.

которого являлся тов. Зиновьев, было тем местом, из которого руководилось это вредное для партии дело»²⁶⁹.

Такой поворот событий был неожиданным для Зиновьева, уверенного в том, что фракция большинства не станет применять в отношении него наказание в виде исключения из Политбюро. В фонде Зиновьева сохранилась черновая запись, сделанная им приблизительно в середине июня 1926 г.: «Мученики – ответ на вопрос, почему не создать устойчив[ивый] П[олит]б[юро]. Устранить из П[олит]б[юро] З[иновьева] и Т[роцкого] не мог[ут]»²⁷⁰.

Несмотря на протест оппозиции²⁷¹, июльский пленум принял резолюцию, в которой утверждалось, что «оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию все-союзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов»²⁷². Зиновьев был исключен из состава Политбюро за «фактическое руководство фракционной борьбой оппозиции». Лашевич был исключен из состава ЦК, снят с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишен права вести ответственную партийную работу в течение двух лет²⁷³. Следует отметить, что данное решение стало первым случаем применения 7-го пункта резолюции X съезда «О единстве партии».

Осенью 1926 г. лидеры «объединенной оппозиции» перешли в открытое наступление, обратившись к массе рядовых членов партии с целью организовать политическую кампанию против политики ЦК партии. Для этого оппозиционеры выступали на собраниях партийных ячеек, которые устраивались явочным порядком, без санкции местных парткомов²⁷⁴.

В свою очередь, фракция большинства восприняла это как сигнал к контрнаступлению против оппозиции. В письме Молотову от 23 сентября 1926 г. Сталин обозначил ближайшие перспективы развития внутрипартийного конфликта: «Если Троцкий

²⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 6 об.

²⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 110. Л. 73.

²⁷¹ Архив Троцкого. Т. 2. С. 22.

²⁷² КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 49–50.

²⁷³ Там же. С. 52.

²⁷⁴ Подробнее см.: Назаров О.Г. Указ. соч. С. 156–158.

«в бешенстве», и он думает «открыто ставить ва-банк», тем хуже для него. Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же, — это зависит от его поведения. Вопрос стоит так: либо они должны подчиниться партии, либо партия должна подчиниться им»²⁷⁵.

2 октября 1926 г. бюро Московского комитета ВКП(б) приняло резолюцию, в которой деятельность оппозиционеров в московских партийных ячейках была подвергнута резкому осуждению: «Факты распространения нелегальной литературы, трудно отличимой от меньшевистской литературы, нелегальных собраний и даже нелегальных членских взносов свидетельствуют о том, что оппозиционные вожди переходят все границы партийно-допустимых методов борьбы... Фактическую подготовку раскола кучкой оппозиционных лидеров и попытки срыва деловой работы партии бюро МК считает прямым преступлением против партии»²⁷⁶.

3 октября 1926 г. Троцкий, Зиновьев и Пятаков направили в Политбюро свой протест по поводу резолюции МК, подчеркнув, что «она сама по себе представляет неоспоримый довод за необходимость изменения партийного режима»²⁷⁷. На следующий день, 4 октября, в Политбюро было направлено новое заявление, еще более осложнившее ситуацию. Лидеры «объединенной оппозиции» предложили фракции большинства совместными усилиями прийти к компромиссу: «Мы предлагаем Центральному Комитету еще раз совместными силами попытаться найти мирный выход из тяжелого положения»²⁷⁸. Вопрос о причинах такого шага требует специального изучения. Можно предположить, что тем самым оппозиционные лидеры, потерпевшие неудачу в попытке всколыхнуть партийную массу, рассчитывали сгладить остроту конфликта с фракцией большинства.

Условия для «установления мира в партии» обсуждались на заседаниях Политбюро 8 и 11 октября 1926 г. Документ, составленный Бухариным, Рыковым и Томским, требовал от оппозиционеров «немедленно прекратить фракционную работу» и трав-

²⁷⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 93.

²⁷⁶ Приложение 1 к стенограмме заседаний Политбюро 8 и 11 октября 1926 г. // Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 419.

²⁷⁷ Приложение 2 к стенограмме... // Там же. С. 420.

²⁷⁸ Приложение 3 к стенограмме... // Там же. С. 423.

лю «партийного аппарата», а также открыто заявить о подчинении решениям высших партийных органов²⁷⁹. Оппозиционеры, в свою очередь, потребовали предоставления им политических гарантий: инакомыслящие не должны обвиняться в «меньшевизме, неверии в социализм»; «отстаивание своих взглядов в ячейках не должно вызывать никаких репрессий»; «ЦКК пересматривает дела исключенных за оппозицию в целях восстановления их в членстве в партии»; «перед съездом оппозиция должна получить возможность изложить перед партией свои взгляды»²⁸⁰. Таким образом, изначальный расчет оппозиции состоял в том, чтобы добиться установления «мира» в партии на компромиссных условиях.

На заседании 8 октября большинство Политбюро сходу отвергло предложения оппозиции как «неискренние»²⁸¹ и тем самым дало понять, что рассчитывает на безоговорочную капитуляцию оппозиции. Пауза между заседаниями была использована для ужесточения ультиматума: в него был добавлен новый принципиальный пункт, согласно которому оппозиция должна была признать свою деятельность после XIV съезда «недопустимой и безусловно ошибочной»²⁸². В ходе заседания 11 октября Зиновьев, выражая несогласие с предложенными условиями «мира», провел историческую аналогию с Брестским миром: «Действительно ли хотите добиться от нас чего-нибудь того, за что каждый большевик должен перестать себя уважать»²⁸³.

Разумеется, столь решительная позиция фракции большинства в этом вопросе основывалась на соотношении сил в партии и последних неудачах оппозиции. Характерной в этом смысле является фраза кандидата в члены Политбюро Г.И. Петровского, произнесенная им в ходе заседания 11 октября: «Оппозиция требует равноправия? Требования выставляет? Вы явились сюда на заседание Политбюро стороной, которая в стране не имеет никакой поддержки»²⁸⁴.

²⁷⁹ Приложение 9 к стенограмме... // Там же. С. 434.

²⁸⁰ Приложение 11 к стенограмме... // Там же. С. 438.

²⁸¹ Там же. С. 347–350.

²⁸² Приложение 12 к стенограмме... // Там же. С. 438.

²⁸³ Там же. С. 402.

²⁸⁴ Там же. С. 371.

Заседание Политбюро 11 октября, продолжавшееся более шести часов²⁸⁵, имело характер односторонней дискредитации оппозиции. Большое внимание было уделено критике «лицемерного» характера предложенного оппозицией компромисса: «Этот документ есть новый плевок в партию» (Рудзутак)²⁸⁶; «Ваш “мир” является перемирием, накоплением сил для нового боя» (Угланов)²⁸⁷; «Оппозиция, предлагая мир, прячет за пазухой огромный булыжник» (Ворошилов)²⁸⁸; «Это не мир, а дипломатия» (Калинин)²⁸⁹. Выступление Зиновьева в Ленинграде 7 октября (т. е. «уже после подачи заявления о мире») Ворошилов прокомментировал с большим раздражением: «Не для внешнего мира говорю, а говорю вам, чтобы вы знали, и при первой возможности скажу открыто всей партии, что вы организатор второго Кронштадта»²⁹⁰.

Присутствовавшие на заседании оппозиционеры (Зиновьев, Каменев, Троцкий, Пятаков, Смилга и Сокольников), признав свое «поражение в военных действиях»²⁹¹, оказались в положении проигравшей стороны и вынуждены были отказаться от ответных политических обвинений. Безусловно, проведение такой «пассивной» тактики в рамках полемики, как правило, расценивается как очевидная слабость и капитуляция. Не случайно, Ворошилов, характеризуя поведение оппозиционеров на данном заседании, с удовлетворением писал Орджоникидзе, что они «держались как холуи»²⁹². Думается, что фактором, стимулировавшим «покорность» оппозиционеров, стала угроза, четко сформулированная в выступлении Сталина: «Можем ли мы сохранить вас, лидеров оппозиции, как членов ЦК, или нет. В этом теперь главный вопрос»²⁹³.

²⁸⁵ Начало заседания было назначено на 6 часов вечера, в первом часу ночи прения еще продолжались (см.: Там же. С. 352, 395).

²⁸⁶ Там же. С. 359.

²⁸⁷ Там же. С. 360.

²⁸⁸ Там же. С. 364.

²⁸⁹ Там же. С. 372.

²⁹⁰ Там же. С. 363.

²⁹¹ Там же. С. 392.

²⁹² Дополнение 1 к стенограмме... // Там же. С. 458.

²⁹³ Там же. С. 389.

По всей видимости, в расчетах лидеров оппозиции возобладали именно эти соображения, когда 16 октября они подписали текст заявления, в котором признавали «ошибочность» своих действий после XIV съезда. Данное заявление, опубликованное на следующий день в «Правде», по своей сути являлось актом публичного «покаяния» оппозиции²⁹⁴. Благодаря этому заявлению лидеры оппозиции получили более мягкое наказание и сохранили членство в ЦК. 23 октября 1926 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК вынес решение освободить Зиновьева от работы в Коминтерне, Троцкого – от обязанностей члена, а Каменева – кандидата в члены Политбюро²⁹⁵.

Таким образом, осенью 1926 г. стенографирование заседаний Политбюро получило новую область применения. Содержание стенограмм Политбюро от 8 и 11 октября 1926 г. показывает, что фракция большинства использовала этот руководящий орган для проведения высшего партийного суда над лидерами оппозиции, прибегнувшими к запрещенным методам фракционной борьбы.

Зимой 1926–1927 гг. в ходе внутривнутрипартийной борьбы наступило временное затишье. Импульсом для нового выступления «объединенной оппозиции» стал кризис революции в Китае. В течение нескольких лет Москва ориентировала китайских коммунистов на сотрудничество с Гоминьданом. Однако в апреле 1927 г. лидер Гоминьдана Чан Кайши обрушил на коммунистов волну репрессий. В данной ситуации оппозиционеры получили повод для новой критики в адрес «руководящего коллектива». Троцкий впоследствии писал: «Уже к началу 1927 г. Зиновьев был готов капитулировать, если не сразу, то в несколько приемов. Но тут произошли потрясающие события в Китае. Преступность сталинской политики ударила в глаза. Это отодвинуло на время капитуляцию Зиновьева и всех, кто последовал позже за ним»²⁹⁶.

25 мая 1927 г. в адрес ЦК было направлено письмо, представлявшее собой программный документ оппозиции и получившее

²⁹⁴ Текст данного заявления оппозиции см.: Там же. С. 451–453; Правда. 1926. 17 октября.

²⁹⁵ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 67–68.

²⁹⁶ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 502.

название «Заявление 83-х»²⁹⁷. Все подписавшие этот документ являлись большевиками с дооктябрьским стажем. Примечательно, что среди подписантов не было Каменева. Можно предположить, что уже тогда Каменев начинал задумываться о прекращении своей оппозиционной деятельности.

В «Заявлении 83-х» ошибочным было названо сотрудничество с «буржуазным» Гоминьданом и отсутствие решительных революционных действий. При этом подчеркивалось, что «поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР»²⁹⁸. Другим международным вопросом, по которому критиковался официальный курс, была позиция по отношению к АРК. Сотрудничество с британским Генсоветом тред-юнионов в рамках АРК было подвергнуто критике на том основании, что деятели Генсовета занимают позицию «английской буржуазии». В этой связи делался вывод о том, что в случае войны «империалистических держав» против СССР они выступят на стороне своего правительства и «будут играть такую же подло-предательскую роль», как в период Первой мировой войны²⁹⁹.

Критика в адрес ЦК была продолжена при анализе вопросов внутренней политики. Отмечая проблемы советской экономики, авторы заявления утверждали, что эти трудности усугубляются принятием в качестве генеральной линии партии «мелкобуржуазной» сталинской теории «построения социализма в одной стране»³⁰⁰. Оппозиция упрекала руководство партии в том, что оно «замалчивает» расслоение в деревне и продолжает делать «ставку на крепкого крестьянина»³⁰¹. Как обычно, в заявлении оппозиции нашлось место и критике внутрипартийного режима: «Всякая попытка поставить спорные вопросы перед партией, объявляется покушением на единство партии. Неправильная линия закрепляется сверху механическим путем. Создается показное единство и официальное благополучие»³⁰².

²⁹⁷ На самом деле под документом стоит 84 подписи. По всей видимости, данное несоответствие было вызвано ошибкой при первоначальном подсчете.

²⁹⁸ Архив Троцкого. Т. 3. С. 61.

²⁹⁹ Там же. С. 62.

³⁰⁰ Там же. С. 63.

³⁰¹ Там же. С. 64.

³⁰² Там же. С. 68.

Таким образом, лидеры оппозиции в очередной раз публично заявили об имевшихся в ЦК партии разногласиях и тем самым вновь перешли «красную черту», очерченную «доктриной единства». Новое обострение конфликта способствовало консолидации партийной элиты вокруг Сталина и в конечном счете работало на укрепление его власти.

Вместе с тем, несмотря на острую внутрипартийную борьбу и усиливавшееся влияние Сталина, вплоть до конца 1920-х гг. разногласия и споры в Политбюро были обычным явлением. Сталину порой приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы добиться решения в свою пользу.

Дух «коллективного руководства» 1920-х гг. как нельзя лучше иллюстрирует деятельность Григория (Серго) Орджоникидзе. Внутрипартийная борьба наложила серьезный отпечаток на его политическую биографию. В ноябре 1926 г. Серго возглавил Центральную контрольную комиссию – орган, призванный наказывать членов партии за различные нарушения партийной дисциплины, в том числе оппозиционную деятельность. Орджоникидзе занимал пост председателя ЦКК до декабря 1930 г. Таким образом, на время его пребывания во главе ЦКК пришелся решающий отрезок внутрипартийной борьбы, когда Сталин сначала разгромил «объединенную оппозицию», а затем и т. н. «правый уклон». В трудах по истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг. обычно роль Орджоникидзе почти полностью сводится к осуществлению расправ над оппозиционерами³⁰³. Однако некоторые факты позволяют судить о нем как о более сложной и противоречивой фигуре.

Следует отметить, что летом 1926 г. вопрос о председателе ЦКК стоял как никогда остро. Предшественник Орджоникидзе на этом посту Куйбышев на июльском пленуме ЦК и ЦКК 1926 г. был разоблачен Зиновьевым как один из членов фракционной «семерки» – теневого органа власти, существование которого противоречило уставу партии. В этой связи дальнейшее пребывание Куйбышева в должности, подразумевавшей статус главного

³⁰³ Например, О.Г. Назаров называет возглавляемую Орджоникидзе ЦКК «сталинской дубинкой» (*Назаров О.Г. Указ. соч. С. 187*).

блюстителя партийных норм, делало его удобным объектом для глумления со стороны оппозиции. Кроме того, не исключено, что к тому времени у Куйбышева накопилась большая усталость от склок и препирательств с оппозиционерами и поэтому он сам мог выступить инициатором своего перевода на более спокойную должность. Тем более в связи со смертью Ф.Э. Дзержинского (20.7.1926) освободился пост председателя Высшего совета народного хозяйства. 5 августа 1926 г. Куйбышев возглавил ВСНХ СССР, а в декабре 1927 г. избран членом в Политбюро.

Сталин и другие члены «руководящего коллектива» считали, что наиболее подходящей кандидатурой на замену Куйбышеву является Орджоникидзе. В пользу этого решения говорил статус Орджоникидзе, его предшествующая биография. Достаточно сказать, что впервые членом ЦК большевистской партии он стал еще в 1912 г., с февраля 1922 г. возглавлял одну из крупнейших региональных парторганизаций – Закавказский крайком; наконец, в июле 1926 г. он был избран кандидатом в члены Политбюро, что открывало для него перспективу восхождения на советский политический Олимп. Словом, Орджоникидзе обладал авторитетом, достаточным для назначения на эту должность.

Пожалуй, главным его недостатком был несдержанный, вспыльчивый нрав (продемонстрированный, в частности, в декабре 1922 г., когда во время словесной перепалки в Тбилиси он ударил грузинского коммуниста Г.А. Кабахидзе). Однако, учитывая сложившуюся ситуацию, вполне вероятно, что в соображениях Сталина и других членов Политбюро этот недостаток мог трансформироваться в преимущество: дескать, он будет жестко пресекать оппозиционную деятельность, не церемонясь с «зарвавшимися» оппозиционерами. Впрочем, даже если и был такой расчет, как показывают дальнейшие события, он сработал не полностью.

Решение о переводе Орджоникидзе на освободившееся место председателя ЦКК и наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР³⁰⁴ руководящая группа Политбюро приняла в конце июля 1926 г. Казалось бы, Орджоникидзе должен был радоваться воз-

³⁰⁴ С 1923 г. ЦКК РКП(б) – ВКП(б) и Наркомат РКИ СССР действовали как объединенный советско-партийный орган.

возможности существенно повысить свой статус, заняв одну из важнейших позиций в советском руководстве. Тем не менее, он некоторое время сопротивлялся, предпочитая московским политическим интригам относительно спокойную работу на Кавказе, однако вскоре под нажимом Сталина вынужден был подчиниться³⁰⁵.

Официальное оформление перехода Орджоникидзе на новую должность состоялось на совместном пленуме ЦК и ЦКК, который собрался 3 ноября 1926 г., в перерыве между двумя последними заседаниями XV партконференции. Интересно, что избрание Орджоникидзе на эту должность противоречило уставу партии, поскольку он не являлся членом ЦКК, а ввести в состав ЦКК его мог только съезд партии. Участники XV партконференции единогласно одобрили это решение, «принимая во внимание чрезвычайную обстановку»³⁰⁶.

Некоторая строптивость, проявленная Орджоникидзе в случае с назначением на данный пост, показывает, что он не был беспрекословным исполнителем воли старшего товарища. Впоследствии Орджоникидзе не раз демонстрировал свой своенравный характер. В конечном счете это стоило ему жизни. На протяжении последнего полугодия жизни он отчаянно пытался спасти от арестов людей из ближнего окружения и своих подопечных – руководящих работников тяжелой промышленности. По всей видимости, безуспешность этих попыток и стала причиной гибели Орджоникидзе в феврале 1937 г. (версия о самоубийстве представляется нам наиболее вероятной)³⁰⁷.

Вместе с тем, как нам удалось выяснить, еще за десять лет до этих трагических событий, в период пребывания Орджоникидзе во главе ЦКК, между ним и Сталиным имелись серьезные разногласия по вопросу об оппозиции. По мнению Сталина, Орджоникидзе проявлял nepозволительную мягкость по отношению к оппозиционерам, давая им возможность восстановиться в партии.

³⁰⁵ Подробнее об этом см.: Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 16–18.

³⁰⁶ XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. – Л., 1927. С. 765–766.

³⁰⁷ См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 269–285.

На июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК 1927 г. Орджоникидзе, оппонируя Зиновьеву, сделал следующее заявление: «Тов. Зиновьев... не счит нужным хоть единым словом замолвить о том, что делала ЦКК в исполнение последнего пункта или просьбы оппозиции, которая была выражена в заявлении 16 октября, где она просила партию принять меры к восстановлению исключенных из партии оппозиционеров... У меня имеется список членов партии, привлекавшихся за фракционную деятельность с октября 1926 г. по июль 1927 г... В ЦКК поступило 101 дело, из них 79 было исключено, на 22 было наложено всякого рода партвзыскания. При пересмотре этих дел ЦКК из 79 восстановлено 57, исключенными остались только те, которые равным счетом ничего не хотели делать для исправления своих ошибок, или не подавали заявления о пересмотре своего дела»³⁰⁸.

На XV партсъезде Орджоникидзе вновь отметил трудности, сопровождавшие восстановление оппозиционеров: «Я и т. Солыц возились с Владимиром Смирновым целую неделю... чтобы он отказался от того недопустимого заявления, которое он сделал на заседании ЦКК, и тем дал нам возможность отменить постановление МКК и оставить его в партии»³⁰⁹. Впоследствии Орджоникидзе признался, что по данному поводу в конце 1926 г. у него со Сталиным произошло «резкое объяснение». Н.И. Бухарин это подтвердил, добавив, что в связи с этим конфликтом Орджоникидзе приходил к нему и «ругательски ругал Сталина»³¹⁰.

Таким образом, Орджоникидзе, вопреки воле Сталина, принимал определенные усилия, стремясь избежать применения репрессивных мер в отношении деятелей оппозиции. Он действовал так, как считал правильным, думая прежде всего о своей репутации. Как нам кажется, не случайно один из видных представителей левой оппозиции И.Я. Врачев отвел ему особую роль в своем рассказе «Из пережитого» (данная рукопись была написана им в конце 1928 г. во время пребывания в вологодской ссылке). В фантазии Врачева Орджоникидзе фигурирует в качестве одного

³⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 106.

³⁰⁹ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. – Л., 1928. С. 391.

³¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4, 7, 12 об.

из членов Президиума «XVII Чрезвычайного съезда ВКП(б)», который должен был положить конец «произволу сталинского аппарата». Более того, Врачев называет его лидером «лучшей части бывшей центристской фракции»³¹¹.

Летом 1927 г. вопрос об оппозиции вновь оказался в центре внимания «руководящего коллектива». Сталин добивался немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. 10 июня 1927 г. Молотов сообщил Сталину, находившемуся в отпуске на юге, следующее: «Обсуждали о Тр[оцком] и Зин[овьеве]. С мест Чубарь и Михайлов высказались против вывода Тр[оцкого] и Зин[овьева] из ЦК до съезда. Каган[ович] + Котов + Киров + Чудов за вывод. В итоге голоса разделились поровну (голосовали 7–7)»³¹². Орджоникидзе, Рыков, Калинин и некоторые другие члены «руководящего коллектива» выступали против немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК, считая достаточным не избирать их в состав ЦК на ближайшем съезде³¹³.

Сталин требовал устроить новое голосование и учесть его голос заочно³¹⁴. 21 июня Молотов отправил Сталину сообщение: «Вчера приняли вывод Зин[овьева] и Тр[оцкого] из ЦК с перевесом одного голоса... ЦКК завтра выносит свое решение и наверно в четверг – пятницу оно будет опубликовано в газетах»³¹⁵. Действительно, 24 июня 1927 г. Президиум ЦКК принял постановление, в котором содержалось обращение к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Зиновьева и Троцкого из состава ЦК³¹⁶. Впрочем, объединенный пленум ЦК и ЦКК (29 июля – 9 августа 1927 г.) не последовал этой рекомендации, ограничившись объявлением Зиновьеву и Троцкому строгого выговора с предупреждением³¹⁷. Решение, принятое пленумом в августе 1927 г., как нельзя лучше показывает, что в это время Ста-

³¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 80. Л. 14.

³¹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 37.

³¹³ Там же. Л. 38.

³¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 8, 13.

³¹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 45.

³¹⁶ Правда. 1927. 26 июня.

³¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 207.

лину еще приходилось считаться с мнением других авторитетных руководителей и идти на уступки.

Инициатором этого решения стал Орджоникидзе, который 5 августа открыл утреннее заседание пленума, выступив за сохранение Троцкого и Зиновьева в составе ЦК при условии соблюдения ими «минимальных условий для совместной работы»³¹⁸. Под «минимальными условиями» подразумевался отказ от оппозиционной деятельности³¹⁹. Сталин и Бухарин заявили о том, что поддерживают инициативу Орджоникидзе³²⁰, хотя их искренность и вызывает сомнения (особенно Сталина, который, как было отмечено выше, несколькими неделями ранее добивался скорейшего исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК).

Лидеры оппозиции поначалу препирались, не желая расписываться в очередной капитуляции наподобие заявления от 16 октября 1926 г. Однако под угрозой исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК они в конечном счете согласились удовлетворить выдвинутые требования, хотя и с некоторыми оговорками. В заявлении от 8 августа 1927 г. оппозиционеры признали недопустимой мысль о «термидорианском перерождении» ЦК, выразили готовность подчиняться решениям руководящих органов ВКП(б) и Коминтерна, а также «сделать решительно все для уничтожения всех элементов фракций». Вместе с тем в заявлении отмечалось, что оппозиционная фракция возникла «в условиях извращения внутривнутрипартийного режима», при которых «мы были вынуждены бороться за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати читаемой всей страной»³²¹.

Оговорки, сделанные лидерами оппозиции в заявлении, вызвали недовольство большинства участников пленума. Так, Рыков назвал его «недостаточным» и «двуличным»³²². Я.Э. Рудзутак и Б.П. Позерн даже настаивали на том, что пленуму следует от-

³¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 14.

³¹⁹ Там же. Л. 104.

³²⁰ Там же. Л. 44, 102.

³²¹ Там же. Л. 145; Правда. 1927. 11 августа.

³²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 133.

вергнуть заявление оппозиции и исключить Троцкого и Зиновьева из ЦК³²³. Однако возобладала позиция тех кто, считал, что ради «единства партии» следует попытаться избежать карательных мер и принять заявление оппозиции. Отвечая Рудзутaku, Сталин озвучил настрой большинства: «Надо быть нам в партии рачительными хозяевами... Партия смотрит на нас... Она должна видеть, что мы не пренебрегаем даже веревочкой ради возможности единства партии... даже гнилой веревкой не следует кидаться»³²⁴.

Следует отметить, что споры в Политбюро велись не только по вопросу об оппозиции. Так, в конце 1926 г. далеко не все члены «руководящего коллектива» разделяли его позицию относительно необходимости немедленного строительства электрической станции на Днестре – Днепрострое. Угланов впоследствии рассказал о разногласиях, проявившихся на заседании Политбюро 25 ноября 1926 г. при голосовании по данному вопросу: «...т. Калинин, Томский, кажется, Ворошилов и я голосовали в Политбюро ЦК против этого, но вовсе не потому, что мы были против электрификации... А что я предлагал на Политбюро ЦК партии, когда решался вопрос о постройке Днепростроя? Я говорил: эта задача важная, но у нас есть более близкие задачи, более насущные. Я говорил: надо немедленно приступить к закладке и постройке крупнейших металлургических заводов, которые бы нам могли дать через 2–3 года 80–100 млн пудов чугуна, стали и железа, что будет гораздо важнее и для мирного хозяйственного строительства, и на случай войны»³²⁵.

Летом 1927 г. Ворошилов, Орджоникидзе, Рыков и Рудзутак критиковали Сталина за то, что «наша политика в Китае поддается нажиму оппозиции»³²⁶. 1 июля 1927 г. Молотов написал Сталину тревожное письмо о «внутреннем положении в “7-ке”»: «По вопросам об оппозиции, о Китае, об АРК уже наметилось б[олее] или м[енее] отчетливые деления, причем решения то и дело принимаются перевесом 1-го голоса... Я все больше думаю о том, не придется ли тебе приехать в М[оскву] раньше срока. Как это ни

³²³ Там же. Л. 127, 131.

³²⁴ Там же. Л. 130.

³²⁵ Как ломали нэп. Т. 4. С. 133.

³²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 36–37, 59.

нежелательно из-за интересов лечения, но суди сам, какое положение. Кл[им] (Ворошилов – Д.А.) доходит до огульного охаивания “Вашего рук[оводст]ва за последние 2 года”! Симптомы плохие, устойчивость очень ненадежная»³²⁷.

Таким образом, серьезное сопротивление, с которым Сталин столкнулся в конце 1926–1927 гг. по вопросу об оппозиции и некоторым другим вопросам, свидетельствует о том, что в указанный период по-прежнему сохранялось значительное влияние механизмов «коллективного руководства» на принятие решений в высших эшелонах власти.

Осенью 1927 г. «руководящий коллектив» партии в очередной раз сплотился на почве борьбы с оппозицией. К началу сентября «объединенной оппозицией» был разработан подробный программный документ под названием «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)». Его подписали 13 известных оппозиционных деятелей, являвшихся членами ЦК и ЦКК (Н.И. Муралов, Г.Е. Евдокимов, Х.Г. Раковский, Г.Л. Пятаков, И.Т. Смилга, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, А.А. Петерсон, И.П. Бакаев, К.С. Соловьев, Г.Я. Лиздинь, П.Н. Авдеев). По мнению оппозиционеров, продолжение сталинского курса грозило партии и стране неминуемой катастрофой: «Группа Сталина ведет партию вслепую... она не дает пролетариату никакой перспективы или, еще хуже, дает неправильную перспективу... ослабляет и запутывает силы пролетарской армии, способствует росту пассивности, недоверия к руководству и неверию в дело революции»³²⁸.

3 сентября 1927 г. оппозиционеры направили «Проект платформы» в Политбюро, требуя его распространения и открытия по нему общепартийной дискуссии в преддверии XV съезда ВКП(б). На совместном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 8 сентября 1927 г. фракция большинства и лидеры оппозиции вступили в жесткую полемику. В начале заседания Рудзутак огласил проект резолюции Политбюро, сплошь состоявший из грубых политических обвинений в адрес оппозиции, названной «идейно-полити-

³²⁷ Там же. Л. 59–60.

³²⁸ Архив Троцкого. Т. 4. С. 114.

ческими банкротами» и «беспринципными демагогами»³²⁹. В результате заседание превратилось в площадку для оскорблений.

«Рудзутак: Тов. Троцкий, я знаю, что у вас умная голова, но дураку она досталась. *Троцкий:* Ваше остроумие уже известно всему СССР больше, чем ваши административные таланты, о которых говорят в НКПС³³⁰ и везде и всюду, и даже Сталин поговаривает в закоулках о ваших административных талантах»³³¹.

Кульминационный момент заседания наступил после того, как Троцкий и Сталин обвинили друг друга в провальных действиях на фронтах Гражданской войны. Сначала Троцкий напомнил о неудачах Сталина: «...мы вместе с Лениным дважды снимали из Красной армии, когда он вел неправильную политику. Мы его снимали с Царицына, затем с Южного фронта, где он вел неправильную политику»³³². Затем Сталин выступил с ответными обвинениями: «Я заявляю, товарищи, что... Троцкий валит тут с больной головы на здоровую, что именно Троцкий отзывался с фронта за его ошибки на фронтах Колчака и Деникина»³³³. Реагируя на обвинения Троцкого в клевете, Сталин в порыве эмоций перешел на личные оскорбления: «Жалкий вы человек, лишенный элементарного чувства правды, трус и банкрот, нахал и наглец...»³³⁴. Троцкий ответил аллюзией на ленинское «Письмо к съезду»: «Вот он весь: груб и нелоялен»³³⁵. В общем, неудивительно, что стенографический отчет данного заседания не был разослан местным партийным организациям.

Не имея возможности осуществить легальную публикацию своей платформы, оппозиционеры занимались распространением документов, организовав их нелегальное издание. Подпольная издательская деятельность оппозиционеров была использована в качестве повода для применения новых наказаний в отношении

³²⁹ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 606.

³³⁰ В 1924–1930 гг. Рудзутак занимал должность наркома путей сообщения СССР.

³³¹ Там же. С. 573.

³³² Там же. С. 586.

³³³ Там же. С. 593.

³³⁴ Там же. С. 594.

³³⁵ Там же. С. 595.

них. 22 сентября 1927 г. от имени Политбюро и Президиума ЦКК было объявлено, что ОГПУ установило связь одной из таких нелегальных типографий с организацией военного переворота в СССР³³⁶. «Организация нелегальной антипартийной типографии для разрушения партии» – таким было одно из главных обвинений, на основании которых объединенный пленум ЦК и ЦКК, проходивший 21–23 октября 1927 г., исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК³³⁷.

Несмотря на наказания и возрастающее давление, оппозиционеры продолжали сопротивляться, пытались апеллировать к партийным и рабочим массам, созывали собрания и выступали на различных митингах. 7 ноября 1927 г., в день празднования 10-летия Октябрьской революции, в Москве была устроена политическая акция оппозиции. В разных районах столицы состоялись небольшие оппозиционные шествия под лозунгами: «Против кулака, нэпмана и бюрократа!», «Выполним завещание Ленина!», «Да здравствуют вожди мировой революции Зиновьев и Троцкий!»³³⁸. На некоторых зданиях были развешаны оппозиционные плакаты. Так, на здании Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена висел плакат с карикатурой, на которой Сталин был изображен царским жандармом, а Ярославский – верным псом у его ног (надпись гласила: «Волею зажимной всепартийный городской Сталин и его ищейка Ярославка»)³³⁹.

На улицах Москвы оппозиционеры встретили организованное сопротивление. Провокаторы осуществляли попытки сорвать оппозиционные шествия. На одной из улиц милиционеры обстреляли холостыми патронами автомобиль, в котором находились Троцкий, Каменев, Муралов и Смилга. Показателен инцидент, произошедший в квартире Смилги. С утра из окон этой квартиры были вывешены плакаты с портретами Ленина, Троцкого и Зиновьева и лозунгом «Выполним завещание Ленина!». Взбравшиеся на крышу дома люди пытались сорвать оппозиционные плакаты с помощью крючков. Находившиеся в квартире жена

³³⁶ Архив Троцкого. Т. 4. С. 189.

³³⁷ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 249–250.

³³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 146.

³³⁹ Там же. Л. 53.

Смилги и другие женщины мешали им через окно половой щеткой. Ситуация обострилась после появления в квартире Смилги, Каменева и Муралова. В итоге в квартиру ворвалась группа из 15–20 курсантов военных училищ и устроила погром³⁴⁰.

Преследование оппозиции отчасти носило антисемитский подтекст. Так, в заявлении оппозиционеров И.Я. Врачева, С.С. Епихина и П.С. Свиридова от 12 ноября 1927 г. отмечалось: «Во время демонстрации 7-го ноября были случаи возмутительного разгула антисемитизма на улицах Москвы (чего стоит, например, известный нам случай, когда у Троицких ворот Кремля какой-то черносотенец во всю глотку орал: “долой жидов Троцкого и Зиновьева”, и когда коммунистка Янина Козловская крикнула: “долой провокаторов и антисемитов” – то подверглась избиению хулиганов, кричавших “бей троцкистку”»³⁴¹.

Решением ЦК и ЦКК от 14 ноября 1927 г. Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, Каменев, Смилга, Евдокимов, Раковский и Авдеев были выведены из состава ЦК, а Муралов, Бакаев, Петерсон, Лиздинь, Соловьев и Шкловский – из ЦКК. Все они, кроме уже исключенных из партии Троцкого и Зиновьева, были предупреждены о том, что вопрос о совместимости их деятельности с пребыванием в рядах ВКП(б) будет поставлен на XV съезде партии³⁴².

XV съезд, состоявшийся 2–19 декабря 1927 г., объявил взгляды левой оппозиции несовместимыми с членством в ВКП(б), исключив из партии 98 видных деятелей оппозиции³⁴³. После съезда происходили массовые исключения оппозиционных активистов из партии, многие видные оппозиционеры были подвергнуты аресту и высылке в отдаленные районы страны. Вместе с тем в последний день съезда 23 оппозиционера выступили с покаянным заявлением, в котором осудили свои прошлые взгляды и действия и просили вернуть их в партию³⁴⁴. В 1928 г. их членство в партии было

³⁴⁰ Там же. Л. 45–46.

³⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 80. Л. 9.

³⁴² Правда. 1927. 15 ноября.

³⁴³ XV съезд ВКП(б). С. 1245–1247.

³⁴⁴ Там же. С. 1266–1267.

восстановлено. Тем не менее, левая оппозиция в СССР продолжала существовать, превратившись в подпольную организацию³⁴⁵.

* * *

Уход Ленина с политической сцены привел к обострению противоречий в высших эшелонах власти. «Тройка» (союз Сталина, Зиновьева и Каменева) считала Троцкого наиболее опасным и непредсказуемым конкурентом в борьбе за власть. До осени 1923 г. политическая борьба между «тройкой» и Троцким носила скрытый характер и представляла собой противостояние в рамках Политбюро по ряду вопросов.

Одновременно с этим некоторые большевистские руководители (Зиновьев, Бухарин и ряд других членов ЦК) выражали беспокойство относительно возросшего влияния Сталина и связанной с этим обстоятельством угрозой раскола. В этой связи летом 1923 г. рассматривались различные варианты перегруппировки сил в руководстве партии. Обсуждение этих вариантов было вытеснено из актуальной повестки сначала германским вопросом, а затем и обострением конфликта между «тройкой» и Троцким.

Осенью 1923 г. Троцкий, недовольный вмешательством «тройки» в дела своей «вотчины» – Реввоенсовета, перешел в открытое наступление. Демократическая риторика Троцкого и других оппозиционеров, составление и распространение ими программных документов воспринималось «руководящим коллективом» партии как нарушение «доктрины единства» и угроза большевистской диктатуре. Поражение левой оппозиции в дискуссии 1923–1924 гг. было обусловлено не только административным ресурсом, который был задействован руководящим большинством. Старая партийная гвардия из соображений «единства» в основном приняла сторону большинства ЦК. Победа в этой дискуссии стоила фракции большинства значительных усилий и привела к окончательному укоренению в сознании большевистской элиты представлений о недопустимости публичных дискуссий.

Напряженность, нараставшая в отношениях между Сталиным и Зиновьевым, обусловила создание в августе 1924 г. фракцион-

³⁴⁵ Подробнее о деятельности левой оппозиции после ее разгрома на XV съезде партии см.: *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция. С. 85–103.

ной «семерки» – теневого органа власти, предназначенного для консолидации большинства членов Политбюро и преодоления конфликтов между ними. В этой конфигурации Троцкий был изолирован от реального процесса принятия решений в Политбюро, поскольку воспринимался «руководящей группой» в качестве угрозы внутреннему единству. Выпад Троцкого против Зиновьева и Каменева осенью 1924 г. привел в действие защитные механизмы «семерки», выразившиеся в виде массивной кампании по разоблачению Троцкого и его взглядов.

После разгрома Троцкого на первый план вновь вышли противоречия между Сталиным и Зиновьевым. Перерастание этой конфронтации в фазу открытого конфликта некоторое время сдерживалось внутренней дисциплиной «семерки». В целом создание и функционирование фракционной «семерки» можно считать своеобразным форматом взаимоотношений внутри Политбюро, направленным на соблюдение «доктрины единства».

После того, как в декабре 1925 г. «семерка» распалась, политическая борьба в высших эшелонах власти обострилась. Лидеры «объединенной оппозиции» (Троцкий, Зиновьев и Каменев) пытались организовать сопротивление фракции большинства, но были скованы партийной дисциплиной. В ходе этой борьбы стенографирование заседаний высших органов партии играло двойную роль. С одной стороны, стенограммы заседаний Политбюро и пленумов ЦК давали лидерам оппозиции одну из немногих легальных возможностей выражения своей политической платформы и критики оппонентов. С другой стороны, в решающие моменты политической борьбы данные стенограммы внушали партийному активу мысль о слабости оппозиции.

В целом борьба с «объединенной оппозицией» способствовала консолидации партийной элиты вокруг Сталина и в конечном счете работала на укрепление его власти. Вместе с тем вплоть до конца 1920-х гг. разногласия и споры в Политбюро были обычным явлением. Сталину порой приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы добиться решения в свою пользу. К концу 1927 г. Сталин окончательно утвердился в качестве лидера партии, однако в Политбюро еще оставались достаточно влиятельные фигуры, являвшиеся препятствием на его пути к единоличной власти.

Глава 3

Разрушение «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»

3.1. Закат нэпа

В 1928 г. на фоне хлебозаготовительного кризиса развернулось противостояние между Сталиным и группой Бухарина, Рыкова и Томского. Бухаринско-рыковская группа, объявленная впоследствии «правым уклоном», настаивала на отказе от повторения чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок, выступала против свертывания нэпа, форсированных темпов индустриализации и коллективизации.

Оппоненты Сталина не только входили в состав Политбюро, но и занимали стратегически важные должности в системе партийно-государственного управления: Рыков – председатель Совнаркома СССР, Бухарин – ответственный редактор газеты «Правда» и член Президиума и Политсекретариата Исполкома Коминтерна (с осени 1926 по осень 1928 г. фактически лидер Коминтерна¹), Томский – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Идейным лидером этой группы можно считать Бухарина. Вместе с тем это был союз трех самостоятельных и равнозначных политических деятелей. На апрельском пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. Рыков так прокомментировал взаимоотношения внутри группы: «Мы с тов. Бухариным, безусловно, согласны во всем основном. По отдельным вопросам и отдельным практическим предложениям, конечно,

¹ *Ватлин А.Ю.* Указ. соч. С. 318.

между нами есть разногласия, которых мы отнюдь не скрываем, так как не составляем какой-то фракции»².

В историографии широкую известность получила концепция «бухаринской альтернативы» сталинизму. Ее основоположником в 1970-е гг. стал американский исследователь С. Коэн. Согласно данной концепции, экономическая программа Бухарина представляла собой полноценную альтернативу волюнтаристской по своей сути сталинской политике, предлагая более умеренные темпы и методы осуществления индустриализации³. В российской исторической науке эти представления были популярны в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Одним из наиболее известных сторонников этой концепции являлся историк-аграрник В.П. Данилов. По его словам, «бухаринская альтернатива – несталинский вариант осуществления индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики»⁴.

Согласно доминирующей в современной историографии точке зрения⁵, на рубеже 1920–1930-х гг. у советского руководства имелись весомые экономические и социально-политические основания для отказа от реализации «бухаринской альтернативы». К концу 1920-х гг. нэп себя исчерпал в силу низкой товарности крестьянских хозяйств⁶. К тому же в партии и среди городских рабочих преобладали антинэповские настроения⁷.

В то же время реальные действия «правых» показывают, что, несмотря на теоретические разработки Бухарина, на практике они отнюдь не являлись последовательными защитниками нэпа. В 1926–1927 гг. Бухарин, Рыков и Томский вместе со Сталиным проводили курс, заключавшийся в усилении директивных мето-

² Как ломали нэп. Т. 4. С. 319.

³ Коэн С. Указ. соч. С. 15–24, 376–387.

⁴ Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива». С. 88.

⁵ Подробнее о современном состоянии историографии нэпа см.: Орлов И.Б. Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 387–395.

⁶ Чемоданов И.В. Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации? // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 161.

⁷ См.: Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010.

дов управления промышленностью, наступлении на частный капитал и зажиточное крестьянство⁸. В конце 1927 г. они сообщали и принимали решение о чрезвычайных мерах при проведении хлебозаготовок.

Таким образом, «бухаринская альтернатива» вряд ли могла быть реализована. Однако, как нам представляется, это не исключало возможности выработки компромиссного, относительно сбалансированного экономического курса⁹. По словам О.В. Хлевнюка, «умеренные начинания 1934 г. можно рассматривать как один из возможных вариантов формировавшейся с конца 1929 г. системы, очищенной от крайностей государственного террора и авантюристической экономической политики»¹⁰. Иными словами, практика второй пятилетки показывает, что теоретически индустриализация могла бы пройти среднему сценарию, избежав как перегибов сталинского «большого скачка», так и тупиковой «бухаринской альтернативы». Разумеется, такой вариант мог быть реализован только при условии сохранения в Политбюро других, несталинских центров силы.

Готовность Сталина пойти на некоторые уступки зависела от результатов внутривластной борьбы. При этом противостояние с «правыми» не было для него легкой прогулкой. Следует учитывать, что «правая» повестка вполне соответствовала настроениям многих большевистских руководителей, желавших сохранить относительную экономическую и социально-политическую стабильность, установившуюся в период нэпа. К тому же, в отличие от лидеров левой оппозиции, «правые» члены Политбюро не выступали открыто, старались соблюдать партийную дисциплину, что во многом затрудняло Сталину решение задачи по сколачиванию партийного большинства на почве защиты «единства» пар-

⁸ Подробнее о противоречивых тенденциях экономической политики 1920-х гг. см.: *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.

⁹ Вопрос о возможных альтернативах сталинского «большого скачка» неоднократно рассматривался в литературе (см., напр.: *Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 46–78*).

¹⁰ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. С. 231.

тии. Примечательно, что летом 1928 г. Бухарин в ходе разговора с Каменевым откровенно высказался на этот счет: «Нам начинать дискуссию? Нас за это зарежут! ЦК боится дискуссии»¹¹. К слову, такая осторожная тактика борьбы стала причиной, по которой на «правых» навешивался ярлык «уклона», а не «оппозиции».

В конце 1927 г. хлебозаготовительный кризис, являвшийся закономерным следствием ряда непродуманных действий руководства страны, вызвал жесткую ответную реакцию правящей группы. В тот момент единственным способом выхода из кризиса большевистские руководители считали применение чрезвычайных, внеэкономических мер по отношению к крестьянству¹².

Хотя упомянутое выше решение было консенсусным, противостояние Сталина и бухаринско-рыковской группы наметилось уже на начальном этапе применения чрезвычайных мер в деревне. По словам сторонника «правых» Н.А. Угланова, уже в феврале 1928 г. в Политбюро обнаружили серьезные противоречия по вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса: «Если тов. Сталин делал в общей оценке главный удар и главную установку на то, что нам в хлебозаготовках кулак основательно дело испортил, то т. Рыков, Бухарин и москвичи говорили да, кулак дело испортил, но все же нельзя закрывать глаза на то, что тут дело не только в кулаке, но и в целом ряде крупнейших экономических вопросов, в целом ряде мероприятий в нашей общей хозяйственной политике, с которой это дело связано, что в этом заключался ряд наших ошибок по части руководства хозяйством»¹³. В феврале – марте 1928 г. усилия Рыкова и Бухарина, направленные на придание экономической политике более умеренного направления, натолкнулись на сопротивление Сталина.

Так, 13 февраля 1928 г. опросом членов Политбюро было утверждено обращенное ко всем партийным организациям директивное письмо ЦК «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии». Данная директива не только утверждала, что применение чрезвычайных мер в деревне «уже увен-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4.

¹² Голанд Ю.М. Указ. соч. С. 59–79.

¹³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 132.

чалось первой решительной победой партии»¹⁴, но и содержала призыв: «Неослабно продолжать кампанию усиления хлебных заготовок и добиться выполнения годового плана *во что бы то ни стало* (курсив мой – Д.А.)»¹⁵. Такое содержание директивы не должно вызывать удивления, учитывая состав комиссии, которой была поручена ее разработка. Помимо Сталина, Рыкова и Бухарина членами комиссии являлись соратники Сталина – В.М. Молотов и А.И. Микоян¹⁶.

Вместе с тем по настоянию Рыкова и Бухарина в директиву был включен важный ограничительный пункт: запрещалось применение 107-й статьи Уголовного кодекса РСФСР (противодействие спекуляции) и соответствующей статьи украинского кодекса в отношении хозяйств с запасами товарного хлеба менее 2 тыс. пудов¹⁷. Кроме того, в директиву вошли написанные Бухариным строки: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продрозверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа экономической политики и остается таковой на длительный исторический период». Однако далее следует написанное Сталиным «продолжение», которое фактически перечеркивало бухаринское заявление. В нем утверждалось, что необходимо «регулировать торговлю с точки зрения диктатуры пролетариата»¹⁸.

В конце февраля 1928 г. Рыков протестовал (впрочем, безуспешно) против бюджетного ассигнования в специальный колхозный фонд, называя это «потерей» 20 миллионов рублей¹⁹. В марте Рыков и Бухарин пытались помешать инициированной Сталиным кампании «спецедействия»²⁰.

¹⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 797. Л. 90; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. С. 209, 212.

²⁰ Крассильников С.А., Савин А.И., Ушакова С.Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.:

В преддверии очередного пленума ЦК отношения внутри Политбюро обострились настолько, что Рыков даже грозил поставить перед участниками предстоящего пленума вопрос о своей отставке с поста председателя Совнаркома и СТО СССР²¹. Это случилось после того, как 7 марта 1928 г. на заседании Политбюро Молотов заявил, что разработанный Совнаркомом промышленно-финансовый план «не отражает партийную линию» и является «творчеством госплановских спецов»²². Сталин, опасавшийся обострения конфликта, в записке Рыкову писал: «Дело надо сделать так: надо собраться нам, выпить маленько и поговорить по душам. Так и решим все недоразумения. В противном случае я скорее соглашусь перестроить Пол. Б[юро], чем менять что-либо в СНК»²³.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 6–11 апреля 1928 г., обсуждение вопроса о хлебозаготовках носило формальный характер, причем Сталин, Бухарин и другие члены Политбюро вообще воздержались от выступлений по этой проблеме. Принятая пленумом резолюция «О хлебозаготовках» являлась компромиссным документом, носившим «очень общий и отвлеченный характер»²⁴.

Таким образом, во время апрельского пленума 1928 г. члены Политбюро предпочли не обострять ситуацию. Впрочем, в апреле 1928 г. в московском партактиве распространялись «упорные слухи» о том, что во время пленума имелись «разногласия между Сталинской фракцией и Рыковской по крестьянскому вопросу»²⁵. При этом спустя всего несколько дней после завершения пленума разногласия между Бухариным и Сталиным проявились в их выступлениях, опубликованных на страницах «Правды»²⁶.

подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. С.А. Красильников. М., 2011. С. 47–49.

²¹ Советское руководство. Переписка. С. 22–23.

²² Как ломали нэп. Т. 4. С. 135.

²³ Советское руководство. Переписка. С. 24.

²⁴ Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 20–27.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1 с. Д. 85. Л. 2.

²⁶ Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива». С. 107–108.

Обстановка в Политбюро еще более осложнилась в конце апреля 1928 г. в связи с тем, что Сталин, несмотря на разгар весенней посевной кампании, инициировал начало новой волны насилия в деревне, продолжавшейся вплоть до конца июня²⁷. Вместе с тем в период между апрельским и июльским пленумами 1928 г. «правые» не имели реальной возможности сдерживать запущенный Сталиным механизм «перегибов» в отношении деревни, поскольку еще до апрельского пленума «проваливались» даже «робкие попытки» Бухарина «поставить общие вопросы» на заседаниях Политбюро²⁸.

Отстаивая проводившуюся в отношении деревни политику, Сталин продвигал идею об опасности «правого уклона» в партии. Персональным воплощением этой опасности стал заместитель наркома финансов СССР М.И. Фрумкин. 15 июня 1928 г. в Политбюро поступило письмо Фрумкина, содержащее указания на то, что «переживаемые нами трудности кризисного характера» являются результатом «новой политической установки по отношению к деревне», идущей вразрез с решениями XIV и XV партсездов. Ответы Сталина и Молотова от 20 и 25 июня стали отправной точкой для последующей «проработки» взглядов Фрумкина, навешивания на него ярлыка «правого уклониста»²⁹.

Одновременно подручные Сталина распространяли слух о том, что Бухарин и его сторонники являются «паникерами». Бухарин в заявлении от 30 января 1929 г. признался: «Перед июльским Пленумом меня крайне тревожил вопрос о чрезвычайных мерах... Меня закулисно объявили паникером и пустили слухок по стране»³⁰. Не случайно шутка В.Р. Менжинского про «паникерство» Бухарина вызвала смех у части присутствующих в зале заседаний июльского пленума 1928 г.³¹ При этом понятия «паникер» и «правый уклонист» воспринимались как синонимы. Гибридное выражение «уклон в панике», являющееся проявлением

²⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 237–262, 270–271, 312–317.

²⁸ Советское руководство. Переписка. С. 38; Как ломали нэп. Т. 4. С. 187.

²⁹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 290–295, 297–301, 443; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. С. 116–126.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 10.

³¹ Как ломали нэп. Т. 2. С. 382.

синонимизации этих двух понятий, было употреблено на июльском пленуме 1928 г. в речи Угланова, заявившего об отсутствии страха перед «товарищами», нацеленными на «пришивание» ему этого ярлыка³².

Примыкавший к «правым» Угланов на тот момент являлся первым секретарем Московского комитета партии, секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро. Неприятие им политики «чрезвычайщины» документально прослеживается уже с начала 1928 г., по завершении его командировки в Поволжье³³. Накануне июльского пленума 1928 г. он подбил часть верхушки Московской партийной организации на критику Сталина и его политики в деревне³⁴. В частности, Угланова активно поддержал секретарь Краснопресненского райкома и кандидат в члены ЦК М.Н. Рютин. В преддверии пленума Рютин предпринимал отчаянные попытки склонить мнение членов бюро райкома в пользу «правых»³⁵.

«Правые» исходили из того, что обращение к членам ЦК с открытой критикой действий Сталина было бы воспринято большинством «руководящего коллектива» как политическая платформа очередной оппозиционной фракции. В конфиденциальной беседе с Каменевым (11.7.1928) Бухарин говорил, что «среднякацекист... страшно боится раскола», т. е. любая прямая атака на Сталина была обречена на провал³⁶. Примечательно, что в августе 1928 г. Бухарин в письме к Сталину отчетливо выразил свое нежелание становиться в глазах «руководящего коллектива» партии инициатором раскола: «Я тебе заявил, что драться не буду и не хочу. Я слишком хорошо знаю, что может означать драка, да еще в таких тяжких условиях, в каких находится вся наша страна и наша партия»³⁷.

³² Там же. С. 254.

³³ Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 34.

³⁴ Советское руководство. Переписка. С. 36; Как ломали нэп. Т. 4. С. 434–435.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 168. Л. 95–96.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3 об.

³⁷ Советское руководство. Переписка. С. 40.

Вместе с тем на июльском пленуме ЦК 1928 г. (4–12 июля 1928 г.) «правым» представилась легальная возможность поставить вопрос о реальных причинах хлебозаготовительного кризиса и последствиях курса на «чрезвычайщину». Неудивительно, что накануне пленума в Политбюро снова разгорелся конфликт. В конце июня – начале июля 1928 г. на закрытых заседаниях Политбюро состоялось обсуждение резолюции по хлебозаготовкам, которую должен был принять предстоящий пленум³⁸. На одном из этих заседаний Сталин и Бухарин вступили в словесную перепалку, в результате чего заседание было досрочно завершено³⁹. Представленный Микояном проект резолюции был отвергнут как «слабый в политическом отношении»⁴⁰. В итоге содержание резолюции, одобренной Политбюро и принятой июльским пленумом, в основном определялось декларацией Бухарина⁴¹, которую он из соображений предосторожности написал в единственном рукописном экземпляре и зачитал участникам закрытого заседания Политбюро, «не выпуская из рук»⁴².

Предпринятые Бухариным меры предосторожности, по словам Сталина и Микояна, вызвали раздражение большинства участников этих заседаний⁴³. Впоследствии Рыков достаточно убедительно объяснил оправданность этих мер: «Я, слава богу, не сделал письменного наброска, но если бы я успел что-либо записать, то я заявляю, что я не дал бы на руки никому своей записи... Когда ищут везде и всюду промахов и к ним пришивают уклон, то я не такой дурак, чтобы выпускать из рук черновые, предварительные наброски»⁴⁴.

Следует отметить, что, хотя Молотов и объявил декларацию Бухарина «не соответствующей линии партии»⁴⁵, Сталин вынужден был принять этот документ «на 9/10»⁴⁶. Некоторую дискус-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 17 об.

³⁹ Там же. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 20.

⁴¹ См.: Дополнение 11 // Как ломали нэп. Т. 2. С. 650–656.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4.

⁴³ Там же. Л. 17 об; Как ломали нэп. Т. 4. С. 267.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 20.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 4.

сию вызвал бухаринский тезис о «начале размычки». Сталину удалось убедить Политбюро в том, чтобы заменить его на утверждение об «опасности разрыва между городом и деревней»⁴⁷. Тем не менее, резолюция о политике хлебозаготовок, принятая пленумом ЦК 10 июля 1928 г., являлась, по справедливому замечанию коллектива исследователей, «победой группы Бухарина–Рыкова»⁴⁸.

В резолюции указывалось на недопустимость повторения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовительной кампании 1928/29 г.: «Центральный Комитет партии при введении чрезвычайных мер со всей решительностью подчеркнул их временный характер, и если, несмотря на это, возникли толкования этих мер как органически вытекающих из решений XV съезда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни, то такого рода толкования свидетельствуют лишь о том, что на отдельные прослойки партии до сих пор оказывает влияние чуждая ей идеология»⁴⁹. В этом документе также утверждалось, что в предстоящей хлебозаготовительной кампании внимание ответственных лиц должно акцентироваться на проведении конкретных мероприятий, «исключающих необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер»⁵⁰. Рыков впоследствии рассказывал о том, какое значение он придавал этому успеху в те июльские дни 1928 г.: «Разногласия в этот период были настолько велики, что у меня не было уверенности, что мы придем к единому решению. Когда резолюция по вопросу о немедленной отмене чрезвычайных мер была выработана, я сказал, что я не ожидал такого величайшего успеха»⁵¹.

Несомненно, данный успех «правых» членов Политбюро был обусловлен настроениями в «руководящем коллективе» партии. Есть все основания полагать, что изначально многие большевистские руководители не были готовы поддержать радикальный курс

⁴⁷ См.: Там же. Л. 17 об, 20; Как ломали нэп. Т. 2. С. 589, 651.

⁴⁸ Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали нэп. Т. 2. С. 12.

⁴⁹ Как ломали нэп. Т. 2. С. 590.

⁵⁰ Там же. С. 591.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 21.

в отношении деревни. Дело в том, что проведение чрезвычайных мер в области хлебозаготовок не только вызывало стремительный рост крестьянских выступлений⁵², но и самым негативным образом отражалось на политико-моральном состоянии Красной армии, являвшейся преимущественно крестьянской по своему составу⁵³. Как отмечает Н.С. Тархова, недовольство крестьян чрезвычайными методами хлебозаготовок и усиление «крестьянских настроений» среди красноармейцев «могли спровоцировать взрыв, подобный Кронштадтскому мятежу, а может быть, и сильнее»⁵⁴.

В общем, было очевидно, что по мере продолжения насилия в деревне все более массовый характер будут принимать крестьянские выступления, все более отчетливые очертания будет приобретать угроза «нового Кронштадта». И хотя многим участникам июльского пленума 1928 г. не понравился озвученный В.В. Осинским тезис о «размычке между городом и деревней»⁵⁵, резолюция о политике хлебозаготовок, объявлявшая об «опасности разрыва между городом и деревней», была принята единогласно и без по-

⁵² Согласно докладу ОГПУ, подготовленному в марте 1931 г., только с апреля по июнь 1928 г. произошло 446 массовых выступлений крестьян, в то время как за 1926 и 1927 гг. в совокупности зафиксировано всего 63 массовых выступления. Применение методов чрезвычайных хлебозаготовок также сопровождалось увеличением количества совершенных крестьянами актов террора: в январе 1928 г. был совершен 21 теракт, в мае – уже 51, в последующие месяцы количество терактов продолжало расти (Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 788–789).

⁵³ Подробнее о том, каким образом проведение в 1928–1933 гг. сталинского «нового курса» в деревне сказывалось на настроениях красноармейцев, см.: Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010. С. 95–131.

⁵⁴ Там же. С. 156.

⁵⁵ Как ломали нэп. Т. 2. С. 227, 239, 286, 297–298, 304, 306, 309, 332, 345, 364, 401, 417. По всей видимости, по этой причине Бухарин в своем выступлении на пленуме вынужден был смягчить тезис о «размычке», используя выражение «угроза размычки» (Там же. С. 384). Интересно, что в разговоре с Каменевым 11 июля 1928 г. он позволил себе быть гораздо более откровенным на этот счет, высказав пророческую мысль: «Политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4).

правок⁵⁶. Показательно то, как те члены ЦК, которые занимали ответственные должности в хлебородных регионах страны, подвели итоги минувшей хлебозаготовительной кампании. Секретарь Северо-Кавказского крайкома А.А. Андреев следующим образом резюмировал свою оценку крестьянских настроений на Северном Кавказе: «Мы не имеем еще разрыва с основной массой середняцкого крестьянства, но надо признать, что для такого разрыва создалась серьезная угроза и опасность»⁵⁷. Видимо, по этой причине Бухарин, встретившись с Каменевым под занавес пленума, говорил, что «Андреев за нас»⁵⁸. По словам Г.И. Петровского, занимавшего должность председателя Всеукраинского ЦИК, на Украине сложилась еще более сложная ситуация, поскольку «к недовольству середняка... прибавилось в некоторых местах и недовольство бедноты»⁵⁹.

В историографии существует версия, согласно которой в 1928 г. Орджоникидзе сначала поддерживал «правое крыло» Политбюро, однако затем внезапно пересмотрел свои взгляды и поддержал позицию Сталина⁶⁰. Данное мнение основано на фразе Бухарина, вошедшей в конспективную запись Каменева от 11 июля 1928 г.: «Серго – не рыцарь. Ходил ко мне, ругательски ругал Ст[алина], а в решающий момент предал»⁶¹. Полный текст этого документа стал доступен исследователям благодаря тому, что он отложился в архиве Троцкого, который хранится в Гарварде⁶².

Заметим, что текст данной конспективной записи впервые был опубликован в листовке, выпущенной троцкистами в январе 1929 г. В свою очередь, данная листовка в качестве приложения вошла в стенографический отчет совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК от 30 января и 9 февраля 1929 г.⁶³ По

⁵⁶ Как ломали нэп. Т. 2. С. 451–452.

⁵⁷ Там же. С. 236.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3 об.

⁵⁹ Как ломали нэп. Т. 2. С. 277.

⁶⁰ *Такер Р.* Указ. соч. С. 376; *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 168.

⁶¹ *Фельштинский Ю.Г.* Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 198.

⁶² Там же. С. 182.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3–4.

неизвестной причине в этой публикации, в отличие от документа из архива Троцкого, в предложении об Орджоникидзе вместо глагола «предал» стоит «предан»⁶⁴, что совершенно меняет смысл данного высказывания. Иными словами, «предательство» Орджоникидзе по отношению к группе Рыкова–Бухарина трансформировалось в его «преданность» Сталину. Возможно, это не более чем опечатка, допущенная по невнимательности во время подготовки стенографического отчета. Нельзя исключать и того, что замена слова была умышленной. Об этом мог попросить Орджоникидзе, возмущенный словами Бухарина о «предательстве».

Как бы то ни было, в данном случае утверждение о «предательстве» Орджоникидзе не является корректным. Согласно заявлениям Орджоникидзе и Бухарина, сделанным 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро, упомянутые выше ругательства в адрес Сталина Орджоникидзе произнес не в 1928 г., а в конце 1926 г. в связи с вопросом о левой оппозиции⁶⁵. Таким образом, у нас нет оснований считать, что Орджоникидзе в какой-то момент тайно поддерживал «правых».

Вместе с тем во время июльского пленума 1928 г. Бухарин рассчитывал на поддержку Ворошилова и Калинина, однако перед самым завершением пленума он в разговоре с Каменевым с досадой заметил, что «Ворошилов и Калинин изменили в последний момент»⁶⁶. Калинин на пленуме выступил с докладом об организации новых зерновых совхозов. С одной стороны, он вслед за «правыми» утверждал, что кулацкие хозяйства не виноваты в срыве плана хлебозаготовок⁶⁷. С другой стороны, Калинин не осудил чрезвычайные методы хлебозаготовок. Вместо этого он заявил о своей солидарности со Сталиным по вопросу о совхозном строительстве: «...как совершенно правильно тов. Сталин в частном разговоре сказал, что, если мы разовьем совхозы, мы можем либеральнее относиться к индивидуальному хозяйству»⁶⁸. Ворошилов воздержался от выступления с докладом, ограничив-

⁶⁴ Там же. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Л. 7, 12 об.

⁶⁶ Там же. Л. 3 об.

⁶⁷ Как ломали нэп. Т. 2. С. 460.

⁶⁸ Там же. С. 470.

шись короткими репликами с места. Добавим, что впоследствии он подтвердил, что имел с Бухариным доверительные беседы и «кое с чем соглашался»⁶⁹. Также существует свидетельство о том, что Ворошилов в сентябре 1928 г. на одном из заседаний Политбюро говорил о необходимости прекращения «перегибов» в отношении «зажиточного мужика»⁷⁰.

Несмотря на то, что ведомство Микояна – Наркомторг СССР – играло важную роль в механизме осуществления политики чрезвычайных хлебозаготовок⁷¹, у Сталина имелись опасения на предмет того, что Томский («или кто-либо другой») способен «подкачать» Микояна⁷². Как выяснилось впоследствии, эти опасения были не беспочвенны. Микоян предлагал участникам ноябрьского пленума 1928 г. принять «особые меры», направленные на повышение товарности крестьянских хозяйств. Речь шла о введении налоговых льгот в отношении хозяйств, сдающих все свои товарные излишки государству по договору контрактации, а также об освобождении новых посевных площадей от налогового обложения сроком на два года⁷³. Интересно, что комиссией ноябрьского пленума было решено передать предложения Микояна о налоговых льготах «на обсуждение и разрешение Политбюро»⁷⁴. Политбюро, в свою очередь, 27 декабря 1928 г. постановило отложить рассмотрение этого вопроса и передать его для предварительного обсуждения комиссии под председательством Калинина⁷⁵. Подробности обсуждения предложений Микояна членами этой комиссии неизвестны: 9 февраля 1929 г. на расширенном заседании Политбюро Калинин кратко сообщил о том, что они не были приняты⁷⁶.

По всей видимости, определенные колебания имелись и у другого члена Политбюро – Рудзутака. Рассчитывая принудить его

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 15.

⁷⁰ Как ломали нэп. Т. 4. С. 137.

⁷¹ См.: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 111, 137, 271.

⁷² Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 29.

⁷³ Как ломали нэп. Т. 3. С. 433–434

⁷⁴ Там же. С. 556.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 718. Л. 2.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 39 об.

и Калинина к лояльности, Сталин использовал шантаж. В личном фонде Орджоникидзе хранятся полученные им в декабре 1928 г. и марте 1929 г. документы из архивов царской полиции, компрометирующие Калинина и Рудзутака⁷⁷.

В общем, даже в ближайшем окружении Сталина имелись сомнения относительно правильности отстаиваемого им политического курса в деревне. Однако успех «правых» на июльском пленуме 1928 г. не стоит преувеличивать. Сталин проиграл битву, но собирался победить в войне. По-прежнему в его руках находилось достаточно административных ресурсов для инициирования новой волны «чрезвычайщины» в деревне. Следует учитывать, что во время хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. на местных работников оказывали влияние не только директивы высших органов власти, но и давление Москвы и риски, связанные с невыполнением значительно преувеличенных заданий⁷⁸. Вообще, Сталину было привычно действовать в парадигме «византийского» стиля управления, когда преимущественное значение для партийно-государственного аппарата имели сигналы «сверху», а не официальные предписания⁷⁹.

При этом «правых», безусловно, настораживало то, что Сталин в отличие от них⁸⁰ не подверг «самокритике» решения высшего партийно-государственного руководства, принимавшиеся в ходе минувшей хлебозаготовительной кампании. Интересно, что присутствовавший на пленуме член ЦКК А.А. Сольц вскоре по его завершении писал Орджоникидзе, что участники пленума «слишком много говорили об объективных обстоятельствах» и недостаток «самокритики» грозит привести к трудностям в деле хлебозаготовок⁸¹.

Сталин не просто отказался от «самокритики», но и оправдывал применение чрезвычайных мер в деревне, ссылаясь на обост-

⁷⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 31.

⁷⁸ Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 25.

⁷⁹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 36–37.

⁸⁰ См.: Как ломали нэп. Т. 2. С. 319, 374–375, 423–424.

⁸¹ Советское руководство. Переписка. С. 34.

рение классовой борьбы и сопротивление «капиталистических элементов»⁸². К слову, впоследствии Бухарин весьма саркастически охарактеризовал сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму: «По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костыми»⁸³.

Другим подтверждением того, что Сталин не собирался отказываться от продолжения своей «революции сверху», был выдвинутый им на пленуме тезис о «дани», взимаемой с крестьянства в пользу индустриализации⁸⁴. Томский в своем выступлении на пленуме открыто возразил против этой «опасной формулировки»⁸⁵. 13 июля 1928 г., на следующий день после завершения пленума, представитель «бухаринской школы» П.Г. Петровский в редакционной статье «Ленинградской Правды» выступил с решительной критикой «теории безвозмездной дани»⁸⁶. Бухарин считал, что под «данью» подразумевалась «военно-феодалная эксплуатация крестьянства»⁸⁷.

Таким образом, несмотря на то, что в кулуарах пленума было достигнуто формальное примирение сторон⁸⁸, противоречия в Политбюро оставались неразрешенными. Поэтому неудивительно, что вскоре после завершения пленума Сталин, опираясь на административные рычаги и свое политическое влияние, организовал активное наступление на позиции «правых».

Сталин наметил направления ударов еще до столкновений, происходивших в июле 1928 г. Угланов вспоминал, что осенью

⁸² Как ломали нэп. Т. 2. С. 360.

⁸³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 159.

⁸⁴ Как ломали нэп. Т. 2. С. 354.

⁸⁵ Там же. С. 427.

⁸⁶ Ленинградская Правда. 1928. 13 июля.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 10.

⁸⁸ См. свидетельства Угланова и Ярославского о переговорах Сталина и «москвичей» во время июльского пленума 1928 г.: Как ломали нэп. Т. 4. С. 140–141; Советское руководство. Переписка. С. 36.

1927 г., накануне XV съезда партии, между ним и Сталиным состоялся откровенный разговор: «Я пришел в ЦК партии на понедельничное заседание раньше времени, застал в кабинете одного тов. Сталина, рассказываю ему о тарифной реформе. Я отмечал, что ВЦСПС и ВСНХ очень плохо подготовлены, – туговато проходит дело с тарифной реформой. Тов. Сталин знаете ли что ответил? – Неплохо было бы вас председателем ВЦСПС поставить. Я сразу несколько остолбенел... Я буквально ответил Сталину следующее: “нового председателя ВЦСПС нужно назначить только тогда, когда Томский умрет”»⁸⁹. Весной 1928 г. Угланов рассказал об этом разговоре Калинину и К.В. Уханову, поэтому к лету 1928 г. по Москве распространились слухи о намерении Сталина лишить Томского поста председателя ВЦСПС⁹⁰.

В феврале 1928 г. в ходе работы IX пленума Исполкома Коминтерна сторонники Сталина В.В. Ломинадзе и Л.А. Шацкий раскритиковали «правый уклон» руководителей Коминтерна в китайском вопросе, ответив тем самым на бухаринскую критику Кантонского восстания 1927 г.⁹¹. В тот момент развитие конфликта удалось приглушить, однако на июльском пленуме 1928 г. Ломинадзе вновь выступил против Бухарина как ведущего руководителя и теоретика Коминтерна (как и в предыдущем случае, фамилия Бухарина пока не называлась, однако было очевидно, что выступление было направлено в первую очередь против него): «Мне кажется, товарищи, что Исполнительный Комитет Коминтерна не сумел достаточно серьезно подготовиться к VI мировому конгрессу. Мне кажется, конгрессу грозит опасность, что он не сумеет конкретно и с необходимой полнотой рассмотреть основные узловые вопросы мировой политики и международного коммунистического движения»⁹².

Бухарин впоследствии вспоминал, что в Коминтерне накануне VI конгресса (17 июля – 1 сентября 1928 г.) для него сложилась «крайне тяжелая и совершенно непереносимая обстановка»⁹³. По

⁸⁹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 142.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 160.

⁹² Как ломали нэп. Т. 2. С. 63.

⁹³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 191.

настоятельной просьбе Бухарина и Рыкова⁹⁴ 30 июля 1928 г. Политбюро выступило с обращением к сеньорен-конвенту VI конгресса, в котором утверждалось, что члены Политбюро «самым решительным образом протестуют против распространения каких бы то ни было слухов о разногласиях среди членов Политбюро ЦК ВКП(б)»⁹⁵. Как признавался Бухарин, «если бы этого заявления не было, то я не мог бы довести до конца конгресса»⁹⁶.

Путем интриг и кадровых манипуляций Сталин добился того, что к концу 1928 г. Бухарин и Томский фактически потеряли опору в подвластных им учреждениях и перестали там появляться, а их сторонники лишались своих должностей⁹⁷. Важное значение имел разгром «правых» в руководстве Московской партийной организации. 16 октября 1928 г. подручные Сталина добились снятия двух активных сторонников Угланова – секретарей двух московских райкомов М.Н. Рютина и М.А. Пенькова⁹⁸. С конца ноября, после того как Угланов подал в отставку и его место занял Молотов, в Московской парторганизации началась массовая чистка сторонников Бухарина⁹⁹.

Позиции «правых» ослабляло и то, что осенью 1928 г., когда «чрезвычайная» политика в деревне была приостановлена¹⁰⁰, их аргументы в споре со Сталиным лишались наглядной убедительности. Относительно спокойная ситуация в деревне, установившаяся в первые месяцы новой хлебозаготовительной кампании,

⁹⁴ Об обстоятельствах рассмотрения этого вопроса в Политбюро рассказывал Рыков 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 20 об.).

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 18.

⁹⁶ Как ломали нэп. Т. 4. С. 188.

⁹⁷ Подробнее см.: *Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю.* Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) // Как ломали нэп. Т. 3. С. 8–10, 13–14; *Ватлин А.Ю.* Указ. соч. С. 231–245; *Роговин В.З.* Власть и оппозиции. М., 1993. С. 89–91.

⁹⁸ Им обоим инкриминировалось проведение «антипартийной» линии, «неправильные и явно ошибочные» выступления и разговоры (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 168. Л. 95–103).

⁹⁹ *Козн С.* Указ. соч. С. 361.

¹⁰⁰ В свою очередь, это нашло отражение в значительном спаде крестьянских выступлений в период с июля по декабрь 1928 г. (см.: *Трагедия советской деревни.* Т. 2. С. 788).

создавала ощущение, что, как выразился Ворошилов, «диагнозы, рассуждения, страхи», которые высказывал Бухарин, «жизнью постепенно ликвидировались»¹⁰¹. Тем самым создавалась иллюзия того, что Сталин был прав, называя Бухарина и его сторонников «паникерами».

Пытаясь донести до партии свою точку зрения, Бухарин подготовил статью «Заметки экономиста». В данной статье, опубликованной в «Правде» 30 сентября 1928 г., говорилось о необходимости обеспечения «экономического равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством, отстаивался тезис о нежелательности форсированных капиталовложений в промышленность. По сути, эта статья была направлена против сталинских представлений о темпах и методах индустриализации¹⁰². В постановлении Политбюро, принятом 8 октября 1928 г., утверждалось, что редакция «Правды» не должна была публиковать статью Бухарина «без ведома Политбюро ЦК» в силу наличия в ней «ряда спорных положений»¹⁰³. Более жестко высказался Орджоникидзе в письме Ворошилову: «Зря он выскочил с такой статьей... Бухарчик в этой статье открыто не осмелился сказать, чего он хочет, а потому вышло и левым, и правым, в результате все недвольны»¹⁰⁴.

19 октября 1928 г. Сталин, выступая на пленуме Московского комитета и Московской контрольной комиссии ВКП(б), заявил о необходимости усиления идейной борьбы против «правого уклона»: «Что касается правой опасности, которая существовала и раньше, и которая теперь выступает более выпукло в виду усиления мелкобуржуазной стихии в связи с заготовительным кризисом прошлого года, то она, я думаю, не так ясна для известных слоев нашей партии. Поэтому задача состоит в том, чтобы, не ослабляя ни на йоту борьбы с левой, троцкистской опасностью, сделать ударение на борьбе с правым уклоном и принять все меры к тому, чтобы опасность этого уклона стала для партии столь

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 15.

¹⁰² Правда. 1928. 30 сентября; Коэн С. Указ. соч. С. 358–359.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 6.

¹⁰⁴ Советское руководство. Переписка. С. 52.

же ясной, как ясна для нее троцкистская опасность»¹⁰⁵. По существу, эти слова стали сигналом к развертыванию на страницах «Правды» кампании по разоблачению «правого уклона» и «примиренческого к нему отношения»¹⁰⁶.

Сталин в упомянутом выше выступлении на пленуме МК и МКК заявил: «Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними»¹⁰⁷. Однако в действительности Сталин, получив полный контроль над Московской парторганизацией, использовал неформальные каналы коммуникации для проведения в Москве интенсивной кампании по дискредитации Бухарина, Рыкова и Томского. «Вся пресса, призывая к борьбе с правой опасностью, не указывает ни имен, ни идеологов правого уклона, а по намекам и отдельным фразам можно было понять, что это было направлено против тт. Рыкова, Бухарина и Томского» – рассказывал сторонник «правых» В.А. Котов на одном из заседаний апрельского пленума 1929 г.¹⁰⁸ К началу 1929 г. кампания по борьбе с «правым уклоном» в московском партактиве достигла такой силы, что Калинин, отвечая на вопросы участников Баумановской партконференции (12–18 января 1929 г.), вынужден был категорически отрицать согласие со взглядами Рыкова¹⁰⁹.

Неудивительно, что в условиях нагнетания истерии вокруг «правого уклона» Сталин одержал верх на ноябрьском пленуме ЦК (16–24 ноября 1928 г.). Как отмечают исследователи, «баланс выступлений был безусловно положительным» для него¹¹⁰. В отличие от прошлого (июльского) пленума ЦК, в решениях которого не говорилось ни о каких уклонах, в резолюции ноябрьского

¹⁰⁵ Правда. 1928. 23 октября.

¹⁰⁶ Заметки такого содержания размещались преимущественно в рубрике «Партийное строительство» (см., напр.: Правда. 1928. 23 октября, 24 октября, 1 ноября, 3 ноября, 4 ноября, 6 ноября, 10 ноября, 15 ноября, 24 ноября, 27 ноября, 13 декабря, 21 декабря).

¹⁰⁷ Правда. 1928. 23 октября.

¹⁰⁸ Как ломали нэп. Т. 4. С. 96.

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 19, 21.

¹¹⁰ Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) // Как ломали нэп. Т. 3. С. 22.

пленума утверждалось, что «в настоящее время главной опасностью для ВКП является опасность правого уклона»¹¹¹.

Несмотря на это, Сталин все еще не мог рассчитывать на то, что «руководящий коллектив» поддержит исключение «правых» из Политбюро. Характерно, что даже Орджоникидзе, хотя и находился со Сталиным в дружеских отношениях и поддерживал его экономический курс, занимал примирительную позицию. Так, в середине ноября 1928 г. Орджоникидзе в письме Рыкову выразил намерение способствовать урегулированию конфликтов в Политбюро: «Смешно, конечно, говорить о твоей «смене», Бухарина или Томского. Это прямо было бы сумасшествием. По-видимому, отношения между Сталиным и Бухариным значительно испортились, но нам надо сделать все возможное, чтобы их помирить»¹¹².

Думается, данное обстоятельство объясняется не только нежеланием Орджоникидзе погружаться в череду новых интриг и конфликтов, но и тем, что в глазах большинства членов ЦК занимаемая им должность председателя ЦКК по-прежнему подразумевала обязанность предотвращать угрозу всевозможных «расколов» в партии. Иными словами, Орджоникидзе как председатель ЦКК являлся «транслятором» настроений «единства», преобладавших в «руководящем коллективе», поэтому он должен был всячески содействовать примирению конфликтующих сторон.

Оказавшись в затруднительном положении, лидеры «правых» пытались протестовать, не выходя за рамки партийной легальности. Показателен эпизод, случившийся в начале ноября 1928 г., во время работы комиссии Политбюро по выработке резолюции о контрольных цифрах народного хозяйства для предстоящего пленума ЦК. Бухарин, Рыков и Томский, имевшие со Сталиным разногласия по этому вопросу и уставшие от создавшегося для них «невыносимого положения», поставили Политбюро в известность о своем намерении обратиться к пленуму с просьбой освободить их от занимаемых должностей. Орджоникидзе впоследствии вспоминал, что «после долгих уговоров» он разорвал «бумажку об отставке»¹¹³.

¹¹¹ Как ломали нэп. Т. 3. С. 572.

¹¹² Советское руководство. Переписка. С. 58.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 11, 49; Как ломали нэп. Т. 4. С. 435–436.

В конце 1928 – начале 1929 г. в «Правде» были опубликованы две речи Бухарина, содержавшие элементы скрытой полемики со Сталиным. В номере «Правды» от 2 декабря 1928 г. был опубликован доклад Бухарина, сделанный на IV Всесоюзном совещании рабселькоров (28 ноября – 7 декабря 1928 г.). В этом докладе, озаглавленном «Текущий момент и задачи нашей партии», Бухарин в очередной раз указал на «опасность разрыва между городом деревней» как «главнейшую внутреннюю опасность в нашей стране». Кроме того, Бухарин, как и на июльском пленуме 1928 г., обратил внимание на необходимость усиления «самокритики», которая должна стать «оружием нашего социалистического строительства»¹¹⁴.

Более острой была речь Бухарина, посвященная пятой годовщине смерти Ленина и опубликованная 24 января 1929 г. в «Правде» под заголовком «Политическое завещание Ленина». Ссылаясь на последние труды Ленина, Бухарин утверждал, что «основной внутренней гарантией в борьбе против империалистов» является следование выработанному Лениным «основному тактическому правилу»: «величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству». Рассуждая об источниках средств для индустриализации, он призывал сместить акцент с «нездоровой базы» (денежная эмиссия, «проедание» золотовалютных резервов, «переобложение крестьянства») на «качественное повышение производительности общенародного труда и решительную борьбу с непроизводительными расходами». В противовес сталинским планам форсированной коллективизации, Бухарин апеллировал к кооперативному плану Ленина, «когда население идет к социализму через кооперацию, руководствуясь собственной выгодой»¹¹⁵. По словам С. Коэна, «составленное по большей части ленинскими словами и подписанное Бухариным, «Политическое завещание Ленина» представляло собой полновзвучный антисталинский манифест в защиту нэповской философии и политики, от которых избавлялся теперь генсек»¹¹⁶.

¹¹⁴ Правда. 1928. 2 декабря.

¹¹⁵ Правда. 1929. 24 января.

¹¹⁶ Коэн С. Указ. соч. С. 367.

В целом к началу 1929 г. Сталину удалось нейтрализовать попытки «правых» остановить его наступление на деревню. В первые месяцы 1929 г. в связи с новой волной «чрезвычайщины» происходит нарастание напряженности в деревне. В январе 1929 г. ОГПУ зафиксировало 42 массовых выступления (на 17 больше, чем в декабре 1928 г.), причем в отношении представителей власти было совершено 642 акта террора (данная цифра более чем в три раза превышает аналогичный показатель за декабрь 1928 г.). Всего за первое полугодие 1929 г. в деревне было совершено 699 массовых выступлений, 2696 актов террора. Для сравнения: за весь 1928 г. эти показатели составили соответственно 709 и 1027 случаев¹¹⁷.

Вместе с тем Бухарин, Рыков и Томский все еще оставались членами Политбюро и не собирались отрекаться от своих взглядов. В будущем, по мере ухудшения социально-экономической ситуации, данное обстоятельство могло дать им шанс реабилитироваться в глазах членов ЦК и партийного актива и заставить Сталина пойти на корректировку экономического курса. Поэтому Сталину так важно было полностью уничтожить репутацию лидеров «правых», заклеив их как зачинателей нового раскола.

3.2. Разгром «правого уклона»

В начале 1929 г. произошли события, предопределившие окончательный разгром бухаринско-рыковской группы. 23 января Орджоникидзе был ознакомлен с выпущенной троцкистами листовкой, которая содержала конспективную запись Л.Б. Каменева о его разговоре с Бухариным и Г.Я. Сокольниковым, состоявшемся 11 июля 1928 г. В этот день Бухарин при посредничестве Сокольникова тайно встретился с Каменевым для того, чтобы к началу нового раунда противостояния со Сталиным получить поддержку Каменева и Зиновьева. Подоплеку этой встречи сформулировал Сокольников в письме Орджоникидзе от 28 января

¹¹⁷ Подсчитано по: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 788.

1929 г.: «Бухарин... считал необходимым... объясниться с Кам[е-невым], имея в виду предотвратить “нападение” на себя со стороны К[аменева] и З[иновьева]»¹¹⁸. При этом непосредственным толчком к этой встрече стали слухи о том, что «правые» ранее голосовали против восстановления Зиновьева и Каменева в партии¹¹⁹. Однако в ходе продолжительного разговора с Каменевым Бухарин не ограничился опровержением этих слухов, перейдя, как впоследствии выразился Каменев, к «описанию своего тяжелого положения в П. Бюро и на происходившем Пленуме ЦК и общего тяжелого положения в П. Бюро вообще»¹²⁰.

Следует согласиться с мнением группы исследователей: «в рамках политической логики» трудно объяснить тайную встречу и откровенный разговор Бухарина с Каменевым – бывшим оппозиционером, лишь недавно восстановленным в рядах партии и не имевшим почти никакого политического веса¹²¹. На совместном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 30 января 1929 г., когда конфликт вокруг этого инцидента уже достиг значительного накала, Ворошилов и А.П. Розенгольц называли Бухарина сумасшедшим¹²². Думается, подоплека столь грубой ошибки, допущенной Бухариным в июле 1928 г., заключалась в его эмоциональном состоянии. Впоследствии Бухарин признал, что в то время он находился в «страшном волнении»¹²³.

Добавим, что в некоторой степени появление этого компромата было обусловлено стечением обстоятельств. Бухарин, разумеется, не мог предвидеть того, что Каменев напишет подробное изложение этого разговора, после чего этот текст окажется у троцкистов и будет ими опубликован. Из признаний бывшего личного секретаря Каменева Ф.П. Швальбе, полученных секретным отделом ОГПУ в июне 1930 г., следует, что летом 1928 г. Швальбе снял копию с записи Каменева, после чего приехал

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4 об.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. // Как ломали нэп. Т. 4. С. 7.

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 15 об., 22.

¹²³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 188.

в Москву и познакомил с ней своего брата Михаила, а тот, в свою очередь, дал возможность скопировать этот документ троцкисту М.С. Югову¹²⁴. Эти показания согласуются с тем фактом, что в октябре 1928 г. Троцкому уже было известно содержание записи Каменева¹²⁵.

Заметим, что Бухарин пытался дезавуировать этот компромат. В конце января 1929 г. он утверждал, что данная троцкистская листовка не могла быть выпущена троцкистами «на днях», поскольку в ней нет упоминания ни о недавней высылке Троцкого за границу, ни о речи Сталина на пленуме ЦК 19 ноября 1928 г.¹²⁶ Подозрительным ему показалось и то, что этот документ был слабо распространен в Москве¹²⁷, в то время как «все троцкистские прокламации распространяются всюду и везде»¹²⁸. На этом основании Бухарин называл документ «фальшивкой»¹²⁹ и требовал тщательной проверки его происхождения: «При непроверенном документе я должен разоряться здесь как подсудимый. Вы хотите меня судить, товарищи из ЦКК. Так и скажите! Но позвольте мне затребовать, чтобы вы выполнили завещание Ильича не брать на веру никаких документов»¹³⁰. «Шантажистской, якобы троцкистской» данная листовка была названа в заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля 1929 г.¹³¹

¹²⁴ Дополнение 16 // Как ломали нэп. Т. 4. С. 688.

¹²⁵ См.: Письмо Л.Д. Троцкого о тактике, Алма-Ата, 21 октября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 17.

¹²⁶ Данное выступление Сталина, в котором он вновь разоблачал «правый уклон» и, в частности, позицию М.И. Фрумкина, имело большую известность, будучи опубликованным в выпуске «Правды» от 24 ноября 1928 г. (см.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. С. 245–290).

¹²⁷ Согласно справке ОГПУ от 30 января 1929 г., наибольшее количество экземпляров данной листовки – около 200 – было «перехвачено» в Хамовническом районе, в Рогожско-Симоновском районе при обыске в квартире некоего Черносвитова было обнаружено 78 экземпляров листовки. В остальных районах Москвы к концу января 1929 г. в общей сложности было найдено менее 100 экземпляров. При этом были зафиксированы только единичные случаи обнаружения данной листовки на московских предприятиях, еще несколько экземпляров были переданы секретарям ячеек (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 67–68).

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7, 7 об., 10.

¹²⁹ Там же. Л. 9.

¹³⁰ Там же. Л. 7 об.

¹³¹ Там же. Л. 37.

Ярославский по этому поводу раздраженно заявил: «Скажите прямо, кого вы подозреваете в этих фальшивках – ЦКК, ГПУ, ЦК?»¹³². Действительно, перечисленных Бухариным «странностей» было недостаточно, чтобы признать обоснованность его сомнений относительно происхождения этого документа. Отвечая на один из приведенных Бухариным аргументов, Ярославский заметил: «То, что листовка не говорит об аресте Троцкого¹³³? Но мы не знаем, когда она была сдана в набор»¹³⁴. Менжинский, ведомство которого занималось борьбой с нелегальной троцкистской организацией, объяснил отмеченный Бухариным факт слабой распространенности листовки: «Вы должны знать, каково положение сейчас в троцкистской организации, ведь в начале января троцкистская организация в Москве с политическим центром была разбита. Было произведено большое количество арестов, до 200 человек было арестовано, была взята типография, которую мы считаем центральной типографией троцкистов... Мы принимаем меры для предупреждения распространения листовок»¹³⁵. В июле 1929 г. Троцкий опубликовал в «Бюллетене оппозиции» документ, который полностью опровергает высказанные Бухариным подозрения: из его содержания следует, что данная листовка была издана троцкистской организацией 20 января 1929 г.¹³⁶

В общем, появлением троцкистской листовки с записью Каменева Бухарин был застигнут врасплох. На апрельском пленуме 1929 г. он разочарованно констатировал: «Я никак не предполагал, что нет меры человеческой подлости и что можно такие разговоры «записать» и «использовать»»¹³⁷. По всей видимости, с помощью данной листовки троцкисты хотели продемонстриро-

¹³² Там же. Л. 42 об.

¹³³ Имеется в виду кратковременный домашний арест, предназначенный для сборов в связи с высылкой за границу.

¹³⁴ Там же. Л. 9.

¹³⁵ Там же. Л. 9 об.

¹³⁶ См.: Внутри право-центристского блока (Письмо из Москвы) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/VO/VO-01.shtml>; *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. Нью-Йорк, 1991. С. 14.

¹³⁷ Как ломали нэп. Т. 4. С. 190.

вать, что судьба партии и страны определяется не путем открытой дискуссии, а в ходе подкованной борьбы. К тому же публикацией этого компромата троцкисты отомстили как Бухарину, так и Зиновьеву с Каменевым, которым они не могли простить капитуляцию перед Сталиным.

Первое разбирательство вокруг данного компромата состоялось 24 января 1929 г., когда после исчерпания повестки дня заседания Политбюро по предложению Орджоникидзе состоялось закрытое заседание. После того как Орджоникидзе зачитал содержание троцкистской листовки, Бухарин подтвердил факт разговора с Каменевым, отметив, однако, в изложении Каменева некоторые «неточности» и «извращения»¹³⁸. 27 и 28 января Орджоникидзе получил от Каменева и Сокольниковых письменные пояснения относительно их участия в той встрече¹³⁹. 28 января по данному вопросу состоялось повторное закрытое заседание Политбюро, на котором было принято решение о созыве 30 января совместного заседания Политбюро и Президиума ЦКК¹⁴⁰. Интересно, что это решение было принято в отсутствие Бухарина и Томского, покинувших зал заседаний Политбюро после того, как Ворошилов обозвал Бухарина сволочью¹⁴¹.

По существу, совместные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г., проводившиеся под стенограмму, изначально задумывались в качестве высшего партийного суда над «правыми». Исследовательским коллективом было верно подмечено, что «фактически речь шла о подобии объединенных пленумов ЦК и ЦКК, практиковавшихся в период борьбы с оппозицией»¹⁴². Бухарин это прекрасно понимал, поэтому 30 января уже в самом начале заседания он выступил с риторическим вопросом: «Являюсь ли я здесь подсудимым, или трое нас являются подсудимыми?»¹⁴³. И хотя Сталин сразу же заявил, что

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 6, 37 об.

¹³⁹ Там же. Л. 4 об. – 5.

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 66.

¹⁴¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7 об.; Д. 179. Л. 49.

¹⁴² Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. // Как ломали нэп. Т. 4. С. 7.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7.

«настоящее заседание не есть судилище над тов. Бухариным»¹⁴⁴, судебный характер заседаний 30 января и 9 февраля 1929 г. был фактически подтвержден многочисленными обвинениями, направленными в адрес Бухарина, Рыкова и Томского.

Содержание полемики, происходившей в зале заседаний Политбюро в начале 1929 г., свидетельствует о том, что изданная троцкистами листовка о тайном разговоре Бухарина с Каменевым стала триггером, создавшим в большевистском руководстве серьезные опасения относительно того, что лидеры «правых» могли пойти на крайние меры, перенеся имевшиеся в Политбюро противоречия за пределы узкого круга «руководящего коллектива». Эти опасения довольно емко выразил Менжинский: «Никто не обязан любить Сталина и пр. Но, во всяком случае, обращаться к людям, против которых наравне с троцкистами вчера велась ожесточеннейшая борьба тем же Бухариным, – это никуда не годится. По-видимому, он чувствует себя к ним ближе, чем к членам Политбюро. Так получается»¹⁴⁵.

Иными словами, в руководстве партии создалось впечатление о бухаринско-рыковской группе как о потенциальном организаторе очередной оппозиционной фракции (наподобие «троцкистско-зиновьевской») – политической силе, являющейся источником угрозы раскола в партии. Недоверие к Бухарину подкреплялось и тем обстоятельством, что за несколько дней до начала данного разбирательства Г.Л. Пятаков рассказал Сталину и Орджоникидзе о том, что в январе 1929 г. (еще до появления троцкистской листовки) у него состоялся тайный разговор с Бухариным и Каменевым. На этой встрече Бухарин прочитал бывшим оппозиционерам документ, в котором доказывал гибельность проводимого Сталиным экономического курса и указывал на необходимость «перегруппировки сил партии и восстановления власти Политбюро»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Там же. Л. 7 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 9 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 6 об., 18 об. Отметим также, что несколько месяцев спустя содержание этого разговора в общих чертах передал Троцкий, получивший сведения из неких конфиденциальных источников (См.: Внутри право-центристского блока (Письмо из Москвы) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-01.shtml>).

«Каменеву показывал (речь идет об упомянутом выше документе – Д.А.), Пятакову показывал, Рыкову, Томскому показывал, – это все люди науки, а все остальные дураки?», – возмущался Орджоникидзе¹⁴⁷.

Бухарин и Сокольников пытались опровергнуть тезис о том, что летом 1928 г. Бухарин хотел сформировать коалицию «правых» и бывших лидеров левой оппозиции¹⁴⁸. Показательно, что Орджоникидзе, характеризуя значение разговора Бухарина с Каменевым, говорил о том, что: 1) «Сама обстановка беседы, скрытие ее от ПБ, заставляет думать, что дым не без огня»¹⁴⁹; 2) «Может быть, и переврал Каменев кое-что, во всяком случае, никто не виноват, кроме Бухарина, во всем этом»¹⁵⁰. «На данной стадии блок не был заключен», – заявил Ворошилов¹⁵¹, демонстрируя свою убежденность в том, что Бухарин был готов в скором времени перейти к запрещенным методам борьбы.

Сильное раздражение Орджоникидзе и Ворошилова вызвало и то, что, согласно записи Каменева, Бухарин в беседе с ним упомянул их в ходе рассуждений о потенциальных сторонниках «правых». В этой связи неудивительно, что Орджоникидзе выступал в качестве одного из главных обвинителей Бухарина. На заседании 30 января, завершая свою вступительную речь, он заявил: «Два слова о своей персоне. Я должен самым решительным образом заявить, что тов. Бухарин, если он действительно говорил тов. Каменеву, что я будто с ним был согласен, а в решающий момент его предал, – он бессовестно меня обогал... Как неприлично, как некрасиво лгать на товарищей»¹⁵². Реплика Ворошилова, обращенная непосредственно к Бухарину, получилась не менее выразительной: «Может быть, ты будешь так добр и объяснишь, каким образом в этот документ... попало выражение, где говорится о том, что Калинин и Ворошилов в последний момент изменили? Это дает возможность товарищам думать, что

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 11 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 10, 16.

¹⁴⁹ Там же. Л. 6.

¹⁵⁰ Там же. Л. 27.

¹⁵¹ Там же. Л. 16.

¹⁵² Там же. Л. 7.

у нас была группировка, мы затевали против кого-то что-то и в последний момент изменили?»¹⁵³.

Таким образом, Бухарин был политически скомпрометирован и оказался в крайне затруднительном положении. При этом Рыков и Томский рассматривались в качестве «обвиняемых», причастных к инкриминируемым Бухарину действиям. Как заметил Орджоникидзе, «в своей записи тов. Каменев говорит, что Бухарин говорил с ним от имени т.т. Рыкова и Томского»¹⁵⁴. Данное свидетельство из записи Каменева стало формальным основанием для фразы Молотова, являвшегося, как известно, «рупором» Сталина: «Что касается документа, который распространяют троцкисты, то этот документ бросает новый свет на политическое поведение трех членов Политбюро»¹⁵⁵. После Молотова с аналогичным заявлением выступил и сам Сталин: «Могли ли мы знать тогда¹⁵⁶... что в архиве Каменева имеется некая “запись”, которая будет “украдена” троцкистами для публикации и из которой станет ясно, что мы имеем внутри Политбюро особую группу со своим особым “оттенком”?»¹⁵⁷. На заседании 9 февраля Рыков категорически отрицал свою осведомленность о тайном разговоре Бухарина с Каменевым¹⁵⁸, однако к тому моменту Сталиным уже был написан проект резолюции, в котором утверждалось обратное¹⁵⁹.

Пользуясь ситуацией, Сталин не упустил возможности предъявить своим оппонентам ультиматум. Этот ультиматум, озвученный Ярославским, заключался в следующем: «Надо находить выход из положения. Выход лежит в признании тов. Бухарина, что тут им сделана большая политическая ошибка. Второе признание, что нельзя дальше продолжать такого рода саботаж, который имеет место и со стороны тов. Томского, и со стороны тов. Бухарина. Надо им покончить с этим и немедленно приступить к рабо-

¹⁵³ Там же. Л. 12 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵⁵ Там же. Л. 13 об. – 14.

¹⁵⁶ Имеется в виду период ноябрьского пленума ЦК 1928 г.

¹⁵⁷ Там же. Л. 18.

¹⁵⁸ Там же. Л. 37.

¹⁵⁹ Там же. Л. 47.

те, и, в-третьих, заявить, что никаких принципиальных разногласий нет, что наши противники подхватывают отдельные разговоры и раздувают их, а линия одна»¹⁶⁰.

Лидеры «правых», разумеется, понимали, что в случае невыполнения сталинского ультиматума велика вероятность применения в отношении них наказания в виде исключения из Политбюро на основании резолюции X партсъезда «О единстве партии». Эти опасения были вполне отчетливо выражены в заявлении Бухарина, зачитанном на заседании 30 января: «Совершенно ясно, что постановка вопроса о фальшивой прокламации на настоящем собрании обнаруживает ясную установку ряда руководящих товарищей: тенденция к дискредитации и отсечению – совершенно ясна»¹⁶¹. На заседании 9 февраля Томский высказался еще более определенно: «Партия может завтра выбросить нас из Политбюро, и уже к этому дело идет...»¹⁶².

Вместе с тем было очевидно, выполнение данного ультиматума практически полностью подрывало политический авторитет лидеров «правых». Поэтому неудивительно, что Бухарин был готов ограничиться лишь признанием того, что «сделал ошибку, откровенничая с Каменевым»¹⁶³. Что касается выполнения второго условия, то Бухарин и Томский категорически отказались от возвращения к руководству Коминтерном, «Правдой» и ВЦСПС, выступив с повторной просьбой об отставке. Бухарин обоснованно считал, что в связи с полным недоверием к нему оставление за ним руководства над Коминтерном и «Правдой» будет «совершенно зрящей тратой нервов». «Но как же я буду руководить Коминтерном, когда мне нельзя верить? Это сумасшедшее положение! – с негодованием воскликнул Бухарин. – Все это должны понять. Если нужно довести меня до того, что я превращусь в совершенно инвалида, можно это сделать»¹⁶⁴.

Томский также негативно высказался относительно продолжения своей работы на посту председателя ВЦСПС: «Теперь вы

¹⁶⁰ Там же. Л. 9 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 11.

¹⁶² Там же. Л. 36.

¹⁶³ Там же. Л. 11.

¹⁶⁴ Там же. Л. 12.

загоняете нас в угол этим документом, хотите его максимально использовать... Вы сами понимаете, вы политики, как я могу идти в ВЦСПС и работать? Поймите, не выйдет это. Я был бы в этом случае величайшим шарлатаном»¹⁶⁵. Интересно, что на одном из предыдущих заседаний Политбюро (судя по всему, 28 января) Калинин заявил примерно следующее (содержание фразы передается со слов Рыкова): «Я согласился поддержать Томского, когда он был у меня, в его просьбе об отставке»¹⁶⁶, а теперь я раздумал, потому что, если вы ему отставку дадите, он сто процентов веса потеряет, а если он останется в ВЦСПС, то 10–15 % его политического веса за ним сохранится»¹⁶⁷. Томский мгновенно отреагировал: «Я такими дробными величинами не интересуюсь»¹⁶⁸.

30 января в конце заседания Бухарин настойчиво просил избавить его от работы в Коминтерне и «Правде»: «Освободите меня от той трепки, которая никому не нужна, ни вам, ни мне»¹⁶⁹. При этом он предложил завуалировать это решение, чтобы избежать большого резонанса в партийных кругах: «Я прошу, чтобы было как угодно законспирированное решение – Бухарина от работы в Коминтерне и “Правде” фактически освободить. Можно дать мне специальное поручение». В этот момент выступление Бухарина было прервано шуткой Орджоникидзе: «Ты будешь писать роман о свидании с Каменевым. (Смех)»¹⁷⁰.

На апрельском пленуме 1929 г. Бухарин четко сформулировал подоплеку продиктованной Сталиным линии на категорическое отклонение любых предложений Бухарина и Томского об отставке: «...нужно было сначала обязательно замарать, запачкать, дискредитировать, растоптать, и тогда речь пойдет уже не о том, чтобы удовлетворить просьбу об отставке, а о том, чтобы «снять

¹⁶⁵ Там же. Л. 24.

¹⁶⁶ Имеется в виду адресованное всем членам ЦК заявление Томского от 14 января 1929 г. с просьбой принять его отставку с поста председателя ВЦСПС (Там же. Л. 33).

¹⁶⁷ Там же. Л. 20 об. – 21.

¹⁶⁸ Там же. Л. 21.

¹⁶⁹ Там же. Л. 27.

¹⁷⁰ Там же.

за саботаж»¹⁷¹. Заметим, что Сталин, стремясь максимально дискредитировать Бухарина, использовал даже обнаруженное в партийном архиве письмо Ленина А.Г. Шляпникову, написанное весной 1916 г. Он процитировал фрагмент письма, в котором Ленин дал следующую характеристику Бухарину: «1) доверчив к сплетням, 2) дьявольски неустойчив в политике»¹⁷². В марте 1929 г. Шляпников в ответ на запрос Бухарина пояснил, что «данная характеристика Владимира Ильича была вызвана Вашим поведением при разборе дела о провокаторстве депутата Малиновского»¹⁷³. Дело в том, что с 1912 по 1917 гг. Ленин категорически отказывался принимать всерьез подозрения Бухарина в отношении депутата Государственной Думы от большевистской фракции Романа Малиновского, являвшегося в действительности агентом охраны¹⁷⁴.

Вместо того чтобы выполнить третье требование выдвинутого Сталиным ультиматума – зачитать декларацию об отсутствии принципиальных разногласий в Политбюро, Бухарин сделал заявление, в котором рассказал об имевшихся между ним и Сталиным противоречиях. Центральным пунктом критики стал провозглашенный Сталиным на июльском пленуме 1928 г. «лозунг дани», который, по словам Бухарина, не имел «ничего общего с социалистическим строительством»¹⁷⁵. Кроме того, он заявил о недопустимости установившегося в партии бюрократического режима, который препятствовал нормальному обсуждению назревших проблем¹⁷⁶. В этот момент Орджоникидзе оборвал Бухарина саркастической репликой.

«*Бухарин*: Кто раскроет рот по этим (хозяйственным – Д.А.) вопросам? Вот почему эти вопросы не ставятся, а держатся под спудом. Вот почему вся партия их обсуждает, но «про себя», по два, по три человека...

¹⁷¹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 194.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 26 об.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 64.

¹⁷⁴ *Козн С.* Указ. соч. С. 39.

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 10.

¹⁷⁶ Там же. Л. 10 об.

*Орджоникидзе: Да, Бухарин, Зиновьев и Каменев*¹⁷⁷.

Следует отметить, что Сталин, комментируя свои разногласия с «правыми», прибегал к откровенной демагогии. Так, например, взглядам Бухарина он приписал откровенно абсурдный «тезис о полной свободе торговли»¹⁷⁸. По этому поводу за Бухарина вступился Рыков: «В условиях национализации промышленности, национализации оптового торгового оборота и, фактически, национализации через кооперацию розничной торговли, свобода торговли – экономическая безграмотность. И никто не поверит, чтобы один из образованнейших людей нашей партии мог выставить такой тезис»¹⁷⁹.

Решением Политбюро и Президиума ЦКК от 30 января 1929 г. была создана комиссия, которой предстояло в течение недели выработать проект резолюции¹⁸⁰. Комиссия должна была руководствоваться тремя продиктованными Сталиным директивами: «первое, – осудить поведение тов. Бухарина в связи с переговорами с тов. Каменевым; второе – дать политическую оценку ошибок тов. Бухарина в связи с его «заявлением» от 30 января; третье – отклонить отставку т.т. Бухарина и Томского»¹⁸¹.

6 февраля 1929 г., в первый и последний день работы комиссии, Бухарин отказался принять выдвинутые комиссией (фактически Сталиным) условия, которые полностью исходили из указанных выше директив¹⁸². Такое развитие событий было предсказуемо, поэтому Сталин заранее подготовил проект пространной резолюции «по внутривнутрипартийным делам»¹⁸³. На самом деле, это было обвинительное заключение, в котором говорилось о «фракционной работе» Бухарина и его «полной беспринципности». Поведение Рыкова и Томского признавалось «совершенно недопустимым»: им ставилось в вину то, что они «скрыли» от ЦК

¹⁷⁷ Там же. Л. 11.

¹⁷⁸ Там же. Л. 17 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 20.

¹⁸⁰ Там же. Л. 29 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 28.

¹⁸² См.: Там же. Л. 34–35.

¹⁸³ Авторство Сталина подтверждается репликой Орджоникидзе (Там же. Л. 37 об.)

и ЦКК «факт известных им закулисных переговоров тов. Бухарина с тов. Каменевым»¹⁸⁴.

Бухарин, в свою очередь, посчитал нужным ко второму совместному заседанию Политбюро и Президиума ЦКК написать ответ на сталинские обвинения. Рыков и Томский поддержали Бухарина¹⁸⁵. Совместное заявление «правых», прочитанное Рыковым 9 февраля, развивало положения предыдущего заявления Бухарина: вновь центральными пунктами критики являлись сталинский «лозунг дани» и бюрократизация политической жизни. Вместе с тем на этот раз Бухарин, оскорбленный сталинской резолюцией «по внутривнутрипартийным делам», добавил в заявление отрывок из ленинского «Письма к съезду», в котором говорилось о «необъятной власти» Сталина, его грубости и необходимости убрать его с поста генсека ЦК¹⁸⁶.

Неудивительно, что данное заявление было истолковано остальными участниками заседания как «повторение Троцкого»¹⁸⁷. При этом Сталин выступал в роли главного обвинителя: «Разве ваш сегодняшний документ, подписанный т.т. Рыковым, Бухариным и Томским, не говорит о том, что вы представляли и представляете фракционную группу, объединенную своей особой платформой?»¹⁸⁸.

Вообще, второе совместное заседание Политбюро и Президиума ЦКК было озаглавлено грубыми препирательствами и многочисленными оскорблениями.

«Бухарин:... в проекте резолюции вам предлагается одобрить то, что было сказано Сталиным о «дани». Я считаю, что ни одно партийное собрание этого принять не может.

Сталин: Фокусы. Банкрот!»¹⁸⁹.

«Бухарин: Хотим ли мы драться – Томский, я, Рыков и проч., которых загнали в угол?

¹⁸⁴ Там же. Л. 47.

¹⁸⁵ По признанию Рыкова, «главная часть документа» была написана Бухариным (Там же. Л. 37 об.).

¹⁸⁶ См.: Там же. Л. 38 – 38 об., 40 – 40 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 38, 40 об., 42.

¹⁸⁸ Там же. Л. 43 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 35 об.

Молотов: Видим, видим.

Ворошилов: Ты в угол залез и из угла хватаешь за ляжки.

Бухарин: Если меня будут в углу ковырять каленым железом, конечно, я буду защищаться, пока меня не умертвят.

Само собой разумеется, что сейчас необходимо исходить из максимально дружной работы нашей верхушки.

Молотов: Ну, конечно.

Бухарин: Если, тов. Молотов, ты не хочешь меня слушать, я могу не говорить.

Молотов: Речь дружбы говоришь.

Бухарин: Ну, ладно, говори ты, если хочешь. Говорить в такой обстановке я не могу»¹⁹⁰.

Таким образом, раздражение и усталость, накопившиеся в партийной элите от многолетней внутрипартийной борьбы, позволили Сталину успешно использовать опубликованный троцкистами компромат на Бухарина, чтобы сплотить вокруг себя большинство членов Политбюро и ЦК, а также Президиум ЦКК. В двух совместных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК в общей сложности приняли участие 9 членов и 3 кандидата в члены Политбюро, 19 членов и 9 кандидатов в члены Президиума ЦКК (т. е. почти полный состав Президиума ЦКК, включавшего 21 члена и 9 кандидатов¹⁹¹), 20 членов и 8 кандидатов в члены ЦК¹⁹². При этом «правые» были практически полностью лишены поддержки членов «руководящего коллектива», присутствовавших на этих заседаниях. Достаточно отметить, что в поддержку прошений Бухарина и Томского об отставке с занимаемых ими постов высказался только Рыков¹⁹³, а против резолюции «по внутрипартийным делам» от 9 февраля 1929 г. было подано лишь четыре голоса, включая голоса Бухарина, Рыкова и Томского¹⁹⁴. Не вызывает сомнений, что четвертый голос против резолюции принадлежал члену Президиума ЦКК Ю.П. Фигатнеру, которого

¹⁹⁰ Там же. Л. 36.

¹⁹¹ Устав ВКП(б), утвержденный ЦК ВКП(б) 17 июня 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях. С. 89.

¹⁹² Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 29 об., 46.

¹⁹³ Там же. Л. 19 об., 28.

¹⁹⁴ Там же. Л. 45 об.

связывали служебные¹⁹⁵ и дружеские¹⁹⁶ отношения с Томским. Кстати, Фигатнер также голосовал против резолюции апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК от 23 апреля 1929 г., осуждавшей «фракционную» деятельность «группы Бухарина»¹⁹⁷.

Благодаря этой поддержке Сталину удалось нанести сокрушительный удар по авторитету Бухарина, Томского и Рыкова, предопределив тем самым разрушение режима «коллективного руководства». Недаром резолюция от 9 февраля 1929 г. трактовалась в заявлении бухаринско-рыковской группы в качестве «новой партийной конституции», означавшей «фактическое уничтожение коллективного руководства в ЦК»¹⁹⁸.

Подготовка к апрельскому объединенному пленуму ЦК и ЦКК (16–23 апреля 1929 г.) и XVI партконференции (23–29 апреля 1929 г.) проходила в обстановке дискредитации лидеров «правого уклона». Газета «Правда» и другие официальные каналы информации не называли Бухарина, Рыкова и Томского в качестве «уклонистов», однако по всей стране проходили партийные собрания, предназначенные для этой цели. Как следует из письма члена ЦКК Д.П. Розита, направленного в адрес председателя ЦКК и членов Политбюро, уже 1 февраля 1929 г. секретарь Краснопресненского райкома Москвы Ф.Г. Леонов проводил собрание, на котором он разъяснял присутствовавшим (по оценке Розита, собрание посетило более 100 человек) суть обвинений, прозвучавших в адрес Бухарина на первом совместном заседании Политбюро и Президиума ЦКК¹⁹⁹. Леонов был очень резок в своих высказываниях насчет Бухарина: «Бухарин не требует отставки, но своей отставкой он проводит ловкий маневр. Он хочет, чтобы его, Бухарина, ударили не палкой, а ремнем. Надо ударить палкой, чтобы помочь Бухарину не колебаться, а проводить решения»²⁰⁰. Вероятно, подобные собрания в эти дни проходили и в других районах Москвы.

¹⁹⁵ Фигатнер входил в состав Президиума ВЦСПС.

¹⁹⁶ Как ломали нэп. Т. 4. С. 441.

¹⁹⁷ Как ломали нэп. Т. 5. С. 577.

¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 40 об.

¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 95 – 95 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 95.

Работа в этом направлении усилилась после 9 февраля, когда началась редакционная подготовка стенографического отчета совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК. В стенографический отчет в качестве приложения были включены резолюции нескольких местных партийных организаций, одобрявшие осуждение Бухарина, Томского и Рыкова²⁰¹. Эти резолюции играли роль своеобразного образца для других местных парткомов. К концу февраля редакционная работа над стенографическим отчетом была завершена, его экземпляры были разосланы по местным организациям²⁰².

Бухарин, понимая обреченность своего положения, выступление на апрельском пленуме 1929 г. начал со слов: «Товарищи, прошу выслушать мою речь с возможно большим вниманием, ибо я полагаю, что в качестве члена Политбюро произношу свою речь перед пленумом в последний раз»²⁰³. Его выступление неоднократно обрывалось выкриками с мест. В один из таких моментов Бухарин не выдержал и вступил в перепалку с Орджоникидзе: «*Бухарин*: Подождите! Я говорю так, как я хочу! Я думаю, что председатель ЦКК обязан к максимальному спокойствию, даже несмотря на свой южный темперамент! (Смех) *Орджоникидзе*: Я думаю, что генеральному секретарю Коминтерна можно задавать вопросы, хотя и политически обанкротившемуся»²⁰⁴.

Вместе с тем Бухарин все еще надеялся повлиять на умонастроения представителей высших эшелонов власти для того, чтобы смягчить проводившийся Сталиным курс: «Я считаю, что, если будем взвешивать две эти вещи – ввоз хлеба или же продолжение чрезвычайных мер... нам выгоднее пойти на ввоз хлеба»²⁰⁵; «...кулак есть небольшое меньшинство населения, кучка... Он, конечно, чрезвычайных мер не любит. Но, к сожалению, не лю-

²⁰¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 50 – 51 об.

²⁰² Так, например, первый секретарь Уральского обкома, член ЦК ВКП(б) И.Д. Кабаков получил данный стенографический отчет 27 февраля 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 264).

²⁰³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 151.

²⁰⁴ Там же. С. 164.

²⁰⁵ Там же. С. 178.

бит их и середняк. Этого вы не заметили, тов. Сталин! А вот в этом все дело и в этом вся суть!»²⁰⁶.

В поддержку Бухарина, Рыкова и Томского на пленуме высказались Угланов²⁰⁷, а также В.А. Котов²⁰⁸ и Е.Ф. Куликов²⁰⁹, работавшие ранее в Московской парторганизации в команде Угланова. С примирительных позиций, против исключения Бухарина и Томского из Политбюро, выступила Н.К. Крупская²¹⁰. М.И. Ульянова, пропустившая заседания пленума в виду болезни, 22 апреля обратилась к пленуму с письмом, выражавшим протест против создавшейся там обстановки: «Перед своей смертью Владимир Ильич... предупреждал партию, что... только коллегиальная работа может обеспечить правильное руководство и единство партии. Вывод из Политбюро трех крупнейших работников партии – Рыкова, Бухарина, Томского – или дальнейшая “проработка” и дискредитация их, которая приведет к тому же несколько раньше или позднее, является угрозой этому коллективному руководству»²¹¹. Добавим, что письмо Ульяновой под формальным предлогом не было оглашено участникам пленума. Возвращая письмо, председательствовавший на пленуме Рудзутак сослался на отсутствие в проекте резолюции пленума пункта «об исключении этих товарищей из Политбюро»²¹².

23 апреля 1929 г. на заключительном заседании пленума против одобрения резолюции, осуждавшей «фракционную» деятельность бухаринско-рыковской группы было подано лишь 10 голосов членов ЦК и ЦКК (при 3 воздержавшихся)²¹³. Взгляды Бухарина, Рыкова и Томского впервые были официально обозначены как «несовместимые с генеральной линией партии и совпадающие в основном с позицией правого уклона». Бухарин и Томский были сняты с занимаемых постов (Коминтерн, «Правда»

²⁰⁶ Там же. С. 186.

²⁰⁷ Там же. С. 150.

²⁰⁸ Там же. С. 98.

²⁰⁹ Там же. С. 227–229.

²¹⁰ Там же. С. 429–430.

²¹¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 126.

²¹² Там же. С. 127.

²¹³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 528.

и ВЦСПС), причем им было вынесено предупреждение о том, что «в случае малейшей попытки с их стороны нарушить постановления ЦК и его органов они будут немедленно выведены из состава Политбюро как разрушители партийной дисциплины»²¹⁴.

По всей видимости, Сталин не настаивал на немедленном исключении Бухарина из Политбюро, поскольку учитывал, что столь стремительная расправа над недавним «любимцем партии» могла вызвать недовольство и настороженность определенной части членов ЦК и партийных функционеров среднего звена (позиция Крупской и Ульяновой, которых нельзя причислить к тому или иному политическому лагерю, была в этом смысле показательной). Характерно, что на XVI партконференции, указавшей на «важнейшие ошибки правых в крестьянском вопросе»²¹⁵, вопрос о лидерах «правого уклона» не поднимался.

Для осуществления задуманного Сталину потребовалась дополнительная серия «проработки» Бухарина и его союзников. Повод для новой волны дискредитации «правых» представился в связи с доносами Г. Платонова и В. Воробьева. Стоит отметить, что вообще практика доноительства являлась одной из важных опор политической системы сталинизма.

12 июля 1929 г. Сталин разослал членам и кандидатам в члены Политбюро, Президиума ЦКК и Секретариата ЦК ВЛКСМ письмо некоего комсомольца Г. Платонова, содержавшее рассказ о его беседе с Бухариным, которая состоялась в начале июля во время отдыха на Северном Кавказе. Если верить Платонову, то Бухарин в ходе этой беседы раскрыл незнакомому комсомольцу подробности конфликтов в Политбюро, повторил основные критические положения своих выступлений, прозвучавших в ходе совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК и апрельского пленума ЦК и ЦКК 1929 г.²¹⁶ Получалось, что эпизод с Каменевым Бухарина ничему не научил. Этот разговор выглядит еще более странным, учитывая, что незадолго до этого апрель-

²¹⁴ Там же. С. 538–539.

²¹⁵ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. – Л., 1929. С. 302–304.

²¹⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 173–182.

ский пленум вынес Бухарину предупреждение о недопустимости подобных действий. Бухарин прекрасно понимал, что любой откровенный разговор за пределами Политбюро и ЦК был сопряжен с неоправданными политическими рисками.

Гораздо более правдоподобным представляется заявление Бухарина в адрес Политбюро и Президиума ЦКК, в котором он прояснил обстоятельства и содержание этого разговора. Платонов дважды безуспешно добивался разговора с Бухариным, однако оба раза получал отказ, поскольку «производил сугубо странное впечатление». Наконец, Платонов пришел к Бухарину и заявил, что должен поговорить с ним «во что бы то ни стало», и к тому же добавил, что «страдает тяжелыми нервными припадками». Бухарин посчитал нужным выслушать его и успокоить. Платонов возмущался «некрасивыми методами борьбы» против Бухарина. При этом, по словам Бухарина, «обнаруживалось полное знакомство с содержанием красных тетрадок» (имеются в виду секретные стенограммы высших партийных органов). Бухарин же всего лишь говорил о необходимости соблюдать партийную дисциплину и подтверждал некоторые известные Платонову сведения²¹⁷. По всей видимости, Платонов был кем-то (возможно, сотрудниками ОГПУ) подготовлен к разговору с Бухариным. Это объясняет, каким образом простому комсомольцу из Баку удалось настолько внимательно ознакомиться с текстами секретных документов.

Относительно мотивов, побудивших Платонова написать ложный донос, Бухарин заявил следующее: «Картина, по-моему, совершенно ясна. Буржуазная семья, “духовное происхождение”²¹⁸ и т. д. мешают Платонову “выдвинуться”. При маниакальной установке на “фанатика” он решил... перекрыть всякое “духовное происхождение”, искренне, по всей вероятности, считая, что это можно сделать при помощи “сенсационного разоблачения”»²¹⁹. Думается, не случайно уже в начале сентября Платонов был принят в партию ячейкой паровозных бригад депо Баку²²⁰. Стремление Платонова за счет разоблачений «ошибок»

²¹⁷ Там же. Л. 186.

²¹⁸ Отец Платонова служил миссионером (Там же).

²¹⁹ Там же. Л. 186–187.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 174. Л. 12.

Бухарина сделать успешную карьеру партийного пропагандиста выдает его письмо Сталину от 6 сентября 1929 г.: «Я всегда готов лично с фактами из низов и речами хвостистов доказать ему (Бухарину – Д.А.), что он, действительно является рупором кулака, хвостистов и т. д. Это будут не слова, а факты. И, если только понадобится партии, я это сделаю. Я даже прошу вас предоставить эту возможность»²²¹. В конце письма Платонов просил Сталина посодействовать его переходу на партийную учебу в Москву²²².

19 сентября 1929 г. слушатель Промышленной академии при ВСНХ СССР В. Воробьев на заседании бюро партийной ячейки дал показания, согласно которым с осени 1928 до весны 1929 г. он находился в тесном контакте с ведущими представителями «правого уклона»: встречался с Углановым, через которого якобы знакомился с документами Политбюро и ЦК²²³, неоднократно присутствовал на собраниях «бухаринской школы», проходивших в редакции «Правды»²²⁴. По его словам, в это время он был «главным активистом» сторонников «правого уклона» в Промышленной академии, поддерживал их связь с «высшим миром»²²⁵. Наиболее важные последствия имело утверждение Воробьева о том, что после его отхода от оппозиционной деятельности группа «правых уклонистов» в Промакадемии продолжила свое существование: «...если раньше у них не было такой групповой, фракционной сплоченности, то теперь, несомненно, образование групповой сплоченности налицо»²²⁶.

На этом основании 1 октября 1929 г. бюро Московского областного комитета партии постановило: «Это заявление (заявление Воробьева – Д.А.) характеризует двурушничество правых уклонистов, заявляющих о своем подчинении решениям партии и в то же время до последнего времени, т. е. и после апрельского пленума ЦК, продолжающих свою антипартийную фракционную

²²¹ Там же.

²²² Там же.

²²³ Дополнение 4 // Как ломали нэп. Т. 5. С. 602.

²²⁴ Там же. С. 603.

²²⁵ Там же. С. 612.

²²⁶ Там же. С. 608.

работу»²²⁷. Бухарин и Угланов, обвиненные в «антипартийной, фракционной деятельности»²²⁸, в своих заявлениях, направленных в ЦКК, выразили протест по поводу данного постановления бюро МК ВКП(б). Ниже приведены выдержки из этих заявлений.

Бухарин: «Воробьева я не знал, никогда в жизни не видал и о нем, а равно о его политической деятельности, не был наслышан; следовательно, ни прямого, ни косвенного отношения к нему не имел. Таким образом, утверждение Воробьева о том, что он, якобы, был “связан с высшим миром”, “был главным активистом” и т. д... есть ни что иное, как клевета, объединенная с вульгарноватовой хлестаковщиной... Смысл всего документа яснее ясного вскрыт в поспешном постановлении Бюро МК (в связи с документом Воробьева) в пункте о моей, якобы, фракционной деятельности после апрельского пленума. Особливое подчеркивание этого момента в резолюции связано с требованием соответствующих выводов... Из слов самого Воробьева следует, что после апрельского пленума он уже ничего не мог знать. А по резолюции Бюро МК выходит, что он и после раскаяния (!) был “главным активистом”, связанным с “высшим миром”... Таким образом, главнейший пункт обвинения в резолюции Бюро МК стоит в вопиющем противоречии даже с показаниями самого Воробьева»²²⁹.

Угланов: «Я решительно отвергаю всю эту клевету о каких-то директивах, каких-то документах, которые якобы ему (Воробьеву – Д.А.) давал читать, и каких-то готовившихся выступлениях. Все эти выдумки Воробьева я объясняю себе той же хвастливостью, из-за которой Воробьев изображает себя “главным активистом”... Поэтому меня возмущает та недопустимая легкость, с какой Бюро Московского областного комитета в принятом постановлении по речи Воробьева обвинило меня во фракционной работе»²³⁰.

Впрочем, все эти нестыковки не помешали Сталину провести решение об исключении Бухарина из Политбюро. 7 октября 1929 г. Сталин писал Молотову: «Читал стенограмму ячейки пром[ыш-

²²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 174. Л. 50.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. Л. 58.

²³⁰ Там же. Л. 60.

ленной] академии. Придется поставить вопрос на Пленуме ЦК. Надо думать, что Бухарин вылетит из Политбюро»²³¹. Постановлением ноябрьского пленума ЦК от 17 ноября 1929 г. Бухарин как «застрельщик и руководитель правых уклонистов» был исключен из состава Политбюро²³². В июле 1930 г. из Политбюро был выведен Томский, а в декабре того же года – Рыков (за два дня до этого он был снят с поста председателя Совнаркома).

Разгром «правого уклона» позволил Сталину в полной мере реализовать свою экономическую стратегию. После поражения группы Рыкова–Бухарина советская политическая система стала приобретать очертания единоличной диктатуры. Этому этапу внутрипартийной борьбы посвящен следующий параграф.

3.3. На заре сталинизма

Начало 1930-х гг. в СССР можно охарактеризовать как переходный период, связанный с распадом режима «коллективного руководства» и постепенным утверждением сталинской диктатуры. К тому времени Сталин укрепился в роли безусловного лидера Политбюро. Как отмечает О.В. Хлевнюк, в результате разгрома «правых» произошла «сталинизация Политбюро», т. е. Политбюро по сути превратилось в сталинскую фракцию²³³. Вместе с тем Сталин отказался от поста председателя Совнаркома СССР в пользу Молотова²³⁴, сосредоточившись на удержании и дальнейшем усилении своей личной власти. Ведомственные интересы членов Политбюро, их лоббизм и межведомственные конфликты играли ему на руку. В этих столкновениях он выполнял функции арбитра, к которому апеллировали другие члены Политбюро, пытаясь заручиться его поддержкой²³⁵.

²³¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 168.

²³² Как ломали нэп. Т. 5. С. 543.

²³³ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 24.

²³⁴ Подробнее см.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 72–82; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 217, 222–223; Советское руководство. Переписка. С. 144–145.

²³⁵ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 101–112.

Влияние, которое Сталин в качестве верховного арбитра оказывал на функционирование Политбюро, показано в письме Кагановича Сталину от 21 июля 1932 г.: «Прошу не ругать очень за то, что мы продлили вам отпуск. Нам самим, в особенности мне, тяжело без вас работать и разрешать вопросы, перед которыми зачастую становишься в тупик, я уже не говорю о вопросах, связанных со спорными хозяйственными²³⁶ (контрольные цифры III кв., распределение стройматериалов и т. д.). Один тянет себе, другой себе, приводят самые острые аргументы, иногда политически неверные, а пред наш²³⁷, к сожалению, старается «ублаговторять», избегая споров, когда приедете, смогу подробнее рассказать»²³⁸. При этом, как убедительно показано в литературе, «с политической точки зрения ведомственность, опиравшаяся на позиции членов Политбюро – руководителей ведомств, оставалась последним препятствием на пути единоличной диктатуры»²³⁹.

Политика «большого скачка» больно ударила по деревне. В первые месяцы 1930 г. в рамках операции по ликвидации кулацких хозяйств репрессивные мероприятия в деревне достигли своего апогея, вызвав масштабную волну ответного насилия²⁴⁰. Катастрофическая ситуация в деревне создавала почву для возникновения в ВКП(б) новых оппозиционных групп.

В начале 1930-х гг. очаг инакомыслия в системе высшей партийной власти находился не в Политбюро, как это было в 1920-е гг., а на уровне Центрального комитета. К тому времени в сознании членов Политбюро достаточно прочно укоренилось чувство коллективной ответственности за проводимую Сталиным политику. Вместе с тем некоторые члены ЦК еще оставались самостоятельными политическими фигурами, поэтому неудивительно, что среди них были и те, кто втайне осуждал ультралевый поворот Сталина.

²³⁶ В тексте пропущено слово.

²³⁷ Имеется в виду председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов, который также председательствовал на заседаниях Политбюро.

²³⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 238–239.

²³⁹ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 452.

²⁴⁰ См.: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 10–11, 17–20, 126–130, 163–167, 788.

Дело Сырцова–Ломинадзе, двух видных партийных деятелей, которые ранее поддерживали Сталина в его борьбе с «правыми», представляет собой важный показатель реакции партийных чиновников на первые результаты форсированной коллективизации и индустриализации. С.И. Сырцов являлся кандидатом в члены Политбюро и председателем Совнаркома РСФСР. Однако, по его собственному признанию, он «с руководящими товарищами не спаялся», Политбюро для него оставалось «замкнутым», «законспирированным» органом власти²⁴¹. Иными словами, Сырцов был отстранен от реального участия в обсуждении вопросов в Политбюро, оставаясь функционером уровня ЦК, а не Политбюро. В.В. Ломинадзе был членом ЦК и занимал должность первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б). В состав группы Сырцова–Ломинадзе, сложившейся в 1930 г. (по всей видимости, окончательно она сформировалась во время XVI съезда партии, проходившего 26 июня – 13 июля 1930 г.), входили И.С. Нусинов, В.А. Каврайский, А.И. Гальперин, А.Л. Курс (работники, сблизившиеся с Сырцовым во время совместной работы в Сибири²⁴²), а также приятель Ломинадзе Л.А. Шацкий.

Обвинение Сырцова и Ломинадзе в создании «антипартийной» фракции строилось на показаниях Б.Г. Резникова²⁴³, который, судя по ряду признаков, являлся провокатором (в частности, он был единственным в группе, кто считал возможным наладить контакты с Бухариным и другими «правыми»²⁴⁴). Несмотря на это, можно утверждать, что обвинения в адрес Сырцова и Ломинадзе во многом соответствовали действительности. Показания участников оппозиционной группы, ставшие доступными благодаря стенографическому отчету совместного заседания Политбюро и Президиума ЦКК от 4 ноября 1930 г., в основном подтверждают свидетельства Резникова²⁴⁵.

²⁴¹ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 293.

²⁴² Сырцов в 1926–1929 гг. занимал должность первого секретаря Сибирского крайкома ВКП(б).

²⁴³ Ранее Резников работал с Сырцовым в Сибири, после переезда в Москву учился в Институте красной профессуры, был секретарем его партийной ячейки.

²⁴⁴ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 272.

²⁴⁵ Материалы по делу Сырцова–Ломинадзе см. в приложении 7 к стенограмме совместного заседания Политбюро и Президиума ЦКК 4 ноября 1930 г. // Там же. С. 205–302.

Сырцов, Ломинадзе и их соратники действительно собирались вместе и обсуждали ошибки сталинского руководства. Более того, они не исключали прямого обращения к пленуму ЦК в случае обострения кризиса в стране. Хотя впоследствии Сырцов и Ломинадзе по понятным причинам отрицали намерение сместить Сталина с должности генсека²⁴⁶, представляется очевидным, что необходимость смены лидера партии ими подразумевалась. По существу, единовластие Сталина они противопоставляли восстановление «коллективного руководства». При этом взгляды Сырцова и Ломинадзе заметно отличались от бухаринской программы 1928–1929 гг., фактически они считали необходимым продолжение левого курса, но в более умеренном виде, без авантюризма и эксцессов²⁴⁷.

Как и следовало ожидать, состоявшееся 4 ноября 1930 г. совместное заседание Политбюро и Президиума ЦКК проходило в формате судебного процесса над участниками очередной «фракционной» группировки. Вступительная речь Орджоникидзе задавала тон этому мероприятию: «Колебания и путаность Ломинадзе, его донкихотство никого не могли удивить, но допустить, что Ломинадзе может одно говорить, а другое делать, что он может надувать партию, я этого совершенно себе не представлял. Представьте себе, для меня и сейчас произнести слово «двурушник» по адресу Ломинадзе и Сырцова тяжело. О Шацкине говорить не буду, он вообще способен на всякую пакость»²⁴⁸.

Сырцов, в свою очередь, утверждал, что раскаивается: «Да, я запутался по очень многим вопросам, я это не отрицаю. Нет никакого сомнения, что такое мое отношение вытекало из известного преувеличения трудностей, из пристального внимания ко всем трудностям, и это, безусловно, надломило мое сознание, и из этого вырос целый ряд моих ошибок... Я виновен, безусловно, в том отношении, что своими резкими отдельными замечаниями не

²⁴⁶ См. заявления Сырцова и Ломинадзе от 2 и 3 ноября 1932 г. (Там же. С. 294, 297).

²⁴⁷ Подробнее об обстоятельствах дела Сырцова–Ломинадзе см.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 57–72.

²⁴⁸ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 119.

только в официальных, но и в частных разговорах давал повод к групповщине, которая создавалась»²⁴⁹.

Ломинадзе пытался оспорить выдвинутые против него обвинения в «двурушничестве» и сочувствии «бухаринской теории». Признавая факты откровенных разговоров с Шацкиным и Сырцовым, свое «фрондерское отношение к ЦК», он в то же время отрицал трактовку своих действий как фракционных, направленных на создание блока с Сырцовым и его окружением²⁵⁰.

В ответ на выступления Сырцова и Ломинадзе С.В. Косиор заявил: «После этих жалких и смешных речей совершенно очевидно наличие двух законспирированных фракционных групп, и факт, что они объединились на правой платформе»²⁵¹. Кроме того, он утверждал, что указания Ломинадзе на ошибки экономической политики, допущенные руководством партии (Ломинадзе говорил об «эмпиризме руководства»), являются «самой сволочной оценкой того руководства, того ЦК, в котором Ломинадзе сам сидит»²⁵². Молотов также отметил грубой репликой: «...нам приходится заниматься воистину жалкой политической группой. Жалкая она вместе с ее вождями – Сырцовым, Ломинадзе и Шацкиным, не говоря уже о том, что в этой группе оказались Нусинов, Курс, Каврайский, Гальперин и др., которым место не в большевистской, а в меньшевистской партии... Это какие-то полуменьшевистские элементы, это какие-то недоноски большевистской партии»²⁵³.

Рассмотрение дела Сырцова–Ломинадзе предоставило сталинской группе очередной повод для дискредитации «правых уклонистов» – Бухарина, Рыкова и Томского. На этот раз они обвинялись в недостаточно активном проведении «генеральной линии» партии. Причем особенное внимание было обращено на Рыкова²⁵⁴: отчасти по причине его достаточно близких контактов с

²⁴⁹ Там же. С. 128–129.

²⁵⁰ См.: Там же. С. 130–139.

²⁵¹ Там же. С. 144.

²⁵² Там же. С. 146.

²⁵³ Там же. С. 156.

²⁵⁴ Там же. С. 163, 173, 186.

Сырцовым²⁵⁵, отчасти это было связано с подготовкой к снятию Рыкова с поста председателя Совнаркома СССР. Реагируя на эти обвинения, Рыков доказывал, что никоим образом не связан с деятельностью группы Сырцова–Ломинадзе: «Одной из существенных черт этой группировки, одной из главных тем, обсуждавшихся в их среде... является отмежевание от правого уклона вообще и от меня, как бывшего участника его, в частности»²⁵⁶.

По итогам разбирательства было принято решение об исключении Сырцова и Ломинадзе из состава ЦК, Шацкого – из ЦКК²⁵⁷. Вместе с тем следует отметить, что Сырцов, Ломинадзе и Шацкий (равно как и другие фигуранты этого дела) в тот момент избежали более серьезного наказания – исключения из партии (несмотря на то, что такое предложение прозвучало²⁵⁸) и тюремного срока. Другие, менее «статусные» фигуранты этого дела были исключены из партии, но остались на свободе. Ранее нами уже было отмечено, что одним из элементов режима «коллективного руководства» были относительно мягкие меры наказания для оппозиционеров, являвшихся заслуженными партийными деятелями.

Примечательно, что в конце этого заседания Сталин, демонстрируя формальное уважение партийных норм, даже предложил не исключать Сырцова и Ломинадзе из ЦК окончательно, переведя их в кандидаты. Данное предложение настолько противоречило предыдущим выступлениям, что во время подготовки стенографического отчета этот фрагмент был вычеркнут²⁵⁹. Очевидно, Сталин предложил такой «компромиссный» вариант в расчете на то, что его наверняка отвергнут. Тем не менее, важен сам факт того, что даже в 1930 г. он по-прежнему считал необходимыми подобные демонстрации собственного «миролюбия».

Видимо, по тем же соображениям Сталин в январе 1931 г. принял решение о «помиловании» М.Н. Рютина. Вообще, поли-

²⁵⁵ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 58–59.

²⁵⁶ Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 167.

²⁵⁷ Там же. С. 195.

²⁵⁸ Там же. С. 192–193.

²⁵⁹ Там же. С. 193.

тическая биография Рютина весьма интересна. В октябре 1928 г. поддержка «правых» стоила ему должности секретаря Краснопресненского райкома партии. Затем он работал заместителем редактора газеты «Красная звезда», а с марта 1930 г. занимал пост председателя правления «Союзкино». В сентябре 1930 г. его бывший коллега по работе в Краснопресненском райкоме А.С. Немов написал донос в ЦКК, в котором сообщил, что в Рютин в разговорах с ним ругал политику Сталина. В частности, по словам Немова, он говорил, что «политика правящего ядра в ЦК партии во главе со Сталиным губительна для страны... к весне 1931 г. наступит полнейшее банкротство этой политики... и политика этого шулера и фокусника Сталина будет разоблачена»²⁶⁰. В доносе также отмечалось, что Рютин считал необходимым «подготовить кадры на предприятиях для выступления против нынешней политики»²⁶¹. На основании этого доноса Рютина исключили из партии. 13 ноября 1930 г. он был арестован ОГПУ и отправлен в Бутырскую тюрьму.

Во время допросов Рютин отрицал свою причастность к «фракционной работе правых», утверждая, что показания Немова носили клеветнический характер²⁶². В заявлении от 11 декабря 1930 г. он не только отрекся от своей солидарности с «правыми», но и выразил преданность Сталину и его политическому курсу: «В отношении руководства партии я считаю, что наш ЦК ВКП(б), избранный на XVI съезде партии, является Ленинским центральным комитетом, последовательно проводящим в жизнь принципы ленинизма и ленинские заветы. Тов. Сталин является лучшим учеником Ленина, по праву является вождем партии и Коминтерна и блестящим теоретиком партии... Вне зависимости от того буду ли я восстановлен в партии или нет, я гарантирую ГПУ и заверяю его, что оно в дальнейшем сможет убедиться в моей преданности делу партии и пролетарской революции»²⁶³. Ответ Сталина на запрос председателя ОГПУ Менжинского был кратким:

²⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 186. Л. 4.

²⁶¹ Там же. Л. 4 об.

²⁶² Там же. Л. 112.

²⁶³ Там же. Л. 113, 118.

«Нужно, по-моему, отпустить». В результате 17 января 1931 г. Рютин вышел из тюрьмы²⁶⁴.

В 1932 г. на фоне глубокого экономического кризиса в СССР происходила активизация оппозиционных настроений²⁶⁵. Организаторами и наиболее активными участниками оппозиционной группы, называвшей себя «Союз марксистов-ленинцев», являлись упомянутый выше Рютин, старые большевики М.С. Иванов, П.А. Галкин, В.Н. Каюров и его сын А.В. Каюров. В марте 1932 г. Рютин при помощи Иванова и Каюровых подготовил проекты двух программных документов группы – «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)»²⁶⁶.

В документе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» содержалась резкая критика Сталина как политического деятеля («беспринципный интриган», «софист», «полуменьшевик»), разоблачалась его «авантюристическая» политика, приведшая к тяжелому экономическому кризису, отмечались проблемы Коминтерна и недостатки сложившегося внутривластного режима²⁶⁷. В конце документа содержался призыв к тайной (по словам Рютина, «нужна величайшая конспирация»²⁶⁸) подготовке насильственного свержения сталинской группы: «Зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса... Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено... При таком положении вещей у партии остается два выбора: или – или. Или дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели

²⁶⁴ Clark W.A. The Ryutin Affair and the "Terrorism" Narrative of The Purges // Russian History. Vol. 42 (2015). P. 393.

²⁶⁵ Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы // История СССР. 1991. № 4. С. 201.

²⁶⁶ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 92–93.

²⁶⁷ Там же. С. 335–432.

²⁶⁸ Там же. С. 439.

пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма»²⁶⁹.

Первое организационное собрание «Союза марксистов-ленинцев» проходило в августе 1932 г. в Подмоскowie. Вскоре участники группы приступили к распространению программных документов «Союза» среди членов партии путем личных контактов и рассылки почтой. С платформой организации успели ознакомиться несколько десятков человек, включая бывших лидеров оппозиции – Зиновьева, Каменева, Угланова, а также одного из представителей «бухаринской школы» А.Н. Слепкова²⁷⁰.

Деятельность «Союза марксистов-ленинцев» была пресечена уже в сентябре 1932 г. 14 сентября члены ВКП(б) Н.К. Кузьмина и Н.А. Стороженко написали в ЦК донос, в котором сообщили о распространении платформы «Союза». На следующий день сотрудники ОГПУ начали арестовывать всех, кто имел какое-либо отношение к деятельности «Союза». В постановлении пленума ЦК и Президиума ЦКК от 2 октября 1932 г. содержалась директива: «Принять самые решительные меры для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина–Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей»²⁷¹.

Зиновьев и Угланов, уличенные в связях с группой Рютина, пытались спастись. 4 октября 1932 г. Зиновьев писал Сталину: «Дорогой товарищ, я обращаюсь к Вам с большой просьбой: принять и выслушать меня по поводу предъявленных ко мне обвинений. Я невиновен. А если я невольно принес вред делу, то готов сделать все, чтобы это исправить. Очень, очень прошу меня выслушать. Я твердо надеюсь, что в этой просьбе Вы мне не откажете и буду ждать с нетерпением»²⁷². Угланов в письме Сталину от 8 октября 1932 г. признал, что «совершил преступление против партии тем, что скрывал от партии авантюристические замыслы рютинской группы». При этом он заверял, что у него не было «никаких злостных намерений» и просил Сталина помочь

²⁶⁹ Там же. С. 433–434.

²⁷⁰ Там же. С. 93.

²⁷¹ Там же. С. 95.

²⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 51.

ему остаться в рядах партии²⁷³. Несмотря на эти раскаяния, спустя несколько дней Угланова и Зиновьева исключили из партии, а последний к тому же был выслан в Казахстан.

9 октября 1932 г. состоялось заседание Президиума ЦКК, посвященное рассмотрению дела о «контрреволюционной группе Рютина, Галкина, Иванова и других». Во время заседания обвинители не сдерживались в выражениях, используя против участников рютинской группы крайне грубые политические ярлыки. Так, Ярославский во время допроса М.Е. Равича-Черкасского, обвиненного в сокрытии факта ознакомления с платформой группы Рютина, заявил: «Ведь это же перерожденцы, фашисты, которые прикрываются обманным флагом “марксистов-ленинцев” и ведут работу в нашей партии, а вы считали, что на это можно не реагировать и спустить в клозет»²⁷⁴.

Постановлением Президиума ЦКК от 9 октября 1932 г. 24 человека были исключены из партии как «враги коммунизма и Советской власти». В соответствии с третьим пунктом постановления, который не был напечатан в «Правде», коллегия ОГПУ должна была применить в отношении «организаторов и участников» группы Рютина «соответствующие меры судебно-административного характера»²⁷⁵.

11 октября 1932 г. Коллегия ОГПУ приговорила участников группы Рютина к различным срокам тюрьмы и ссылки. Наиболее суровое наказание было применено в отношении Рютина, приговоренного к 10-летнему тюремному заключению. В общей сложности по обвинению в причастности к группе Рютина в 1932–1933 гг. были привлечены к партийной и судебной ответственности 30 человек²⁷⁶.

В документальном издании, увидевшем свет благодаря горбачевской реабилитации, справедливо отмечено, что ««Союз марксистов-ленинцев» ко времени пресечения его деятельности находился в стадии организационного оформления и выработки

²⁷³ Там же. Л. 83–84.

²⁷⁴ Там же. Л. 92.

²⁷⁵ Там же. Л. 110–112.

²⁷⁶ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 96.

программных документов, никаких практических действий по осуществлению содержащихся в них установок, за исключением распространения «манифеста» и политической «платформы», его участники не совершили»²⁷⁷. Тем не менее, содержание платформы «Союза» было воспринято Сталиным и его соратниками как достаточное основание для применения довольно суровых наказаний. Как нам представляется, привлечение участников «Союза марксистов-ленинцев» к уголовной ответственности во внесудебном порядке (в отличие от предыдущих случаев, когда наказание оппозиционеров ограничивалось применением партийных взысканий) следует считать ответной реакцией сталинской группы на решительность намерений Рютина и его сторонников, их стремление создать подпольную антисталинскую организацию.

Как верно заметил И.А. Анфертьев, «ликвидация Союза марксистов-ленинцев осенью 1932 г. стала рубежной для Сталина в его стремлении упрочить единоличную власть в партии... впервые с таким размахом репрессии обрушились на целую группу заслуженных членов партии»²⁷⁸. Тем самым окончательно нивелировалось различие между оппозиционерами и «контрреволюционерами».

Следует также отметить, что в конце 1932 г. некоторые местные партийные организации и сотрудники Секретно-политического отдела ОГПУ, получив сигналы «сверху», занялись выявлением «филиалов» «Союза марксистов-ленинцев». Так, в ноябре 1932 г. в Средневолжском крае состоялось разбирательство по делу о «контрреволюционной четверке» (В. Сусенков, А. Арзамасцев, Я. Горшак, В. Панышинский)²⁷⁹. В декабре связь с группой Рютина была также установлена в деле о владивостокской группе Ф.В. Мирохина²⁸⁰.

Количество оппозиционно настроенных членов партии, осужденных по обвинению в причастности к тому или иному «филиа-

²⁷⁷ Там же. С. 96–97.

²⁷⁸ Анфертьев И.А. Деятельность «Союза марксистов-ленинцев». М.Н. Рютин и борьба за власть в 1928–1932 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 217–218.

²⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 141.

²⁸⁰ Там же. Л. 157–165, 238–239.

ду», на данный момент неизвестно, поскольку сведения об этих делах не подлежали опубликованию. Вероятно, это было обусловлено нежеланием Сталина предавать огласке информацию об активизации оппозиционных настроений в ВКП(б). Из архивных материалов следует, что в начале декабря 1932 г. Сталин отклонил предложение Молотова об опубликовании телеграммы Средневожского крайкома с кратким отчетом по упомянутому выше делу о «контрреволюционной четверке»: «Т. Молотов! Я думаю, что опубликовать не следует. Но я за то, чтобы всех исключенных (из партии – Д.А.) выслать, скажем в Туруханск»²⁸¹. В целом появление «Союза марксистов-ленинцев» и других оппозиционных групп свидетельствует о том, что в начале 1930-х гг., несмотря на ужесточение политического режима, оппозиционные настроения в ВКП(б) постепенно нарастали.

Подавлению остатков инакомыслия в высших эшелонах партии и старой большевистской гвардии способствовало разбирательство дела Смирнова–Эйсмонта–Толмачева. Подобно другим политическим процессам начала 1930-х гг., поводом к данному разбирательству послужил донос. Согласно показаниям старого большевика Н.В. Никольского, 7 ноября 1932 г. в квартире его давнего знакомого, наркома снабжения РСФСР Н.Б. Эйсмонта состоялась вечеринка по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. По словам Никольского, Эйсмонт в беседе с ним дал политике Сталина в «высшей степени пессимистическую оценку», рассказал об оппозиционном настроении члена ЦК А.П. Смирнова и старого большевика В.Н. Толмачева²⁸². Никольский также утверждал, что конце разговора Эйсмонт предложил ему пополнить «список лиц, подлежащих очередному исключению из партии»: «Теперь момент такой, что каждый должен политически самоопределяться – или Сталин, или крестьянские восстания». Кроме того, в тот вечер Эйсмонт якобы упоминал о своих контактах с Рыковым²⁸³.

²⁸¹ Там же. Л. 141.

²⁸² В 1931–1932 гг. В.Н. Толмачев занимал должность начальника Главного дорожно-транспортного управления при СНК РСФСР.

²⁸³ Приложение 2 к стенограмме совместного заседания Политбюро и Президиума ЦКК 27 ноября 1932 г. // Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 644.

Показания Эйсмонта и Толмачева, данные на допросах в Секретно-политическом отделе ОГПУ в конце ноября 1932 г., частично подтверждают правдивость заявлений Никольского²⁸⁴. Смирнов, Эйсмонт и Толмачев действительно встречались и критиковали ошибки Сталина, считали необходимым его смещение с поста генсека.

По словам Эйсмонта, некоторые партийные руководители (помимо бывших «правых уклонистов» Томского и В.В. Шмидта были названы члены ЦК Н.П. Комаров и Н.Н. Колотилев) «имеют сомнения по ряду решений ЦК ВКП(б), но не голосуют против или из соображений единства, или считают бесполезным, имея в виду, что за Сталиным все равно будет большинство»²⁸⁵. Вместе с тем Эйсмонт отрицал наличие оппозиционной организации: «Я считаю, что наша общность взглядов – моя, А.П. Смирнова и Толмачева – не составляла группы, так как, критикуя некоторые мероприятия партии, мы не имели никакой противопоставленной линии партии программы»²⁸⁶. Об этом же говорил и Толмачев: «Ни с кем регулярно и часто не встречаюсь, политические разговоры носят случайный характер обсуждения текущих вопросов»²⁸⁷. Судя по всему, группа Смирнова, Эйсмонта и Толмачева была далека от стадии организационного оформления. Кроме того, в ходе допросов не было получено достаточных оснований, чтобы утверждать об их тесной связи с Рыковым, Томским и Шмидтом.

27 ноября 1932 г. состоялось совместное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, посвященное рассмотрению данного вопроса. Отталкиваясь от прежних наработок, руководство партии объявило группу Смирнова, Эйсмонта и Толмачева своеобразным возрождением «правого уклона». Прозвучавшие во время допросов в ОГПУ фамилии бывших деятелей «правого уклона» – Томского, Рыкова и Шмидта – послужили формальным основанием для привлечения их к ответственности. Томского и Рыкова назы-

²⁸⁴ См.: Там же. С. 645–649.

²⁸⁵ Там же. С. 645–646.

²⁸⁶ Там же. С. 646.

²⁸⁷ Там же. С. 647.

вали «вдохновителями» оппозиционных настроений, требуя от них признания ошибок и активной борьбы за «генеральную линию партии»²⁸⁸. По итогам заседания было принято постановление, подтвердившее принятое ранее решение Президиума ЦКК об исключении из партии Эйсмонта и Толмачева и передаче их дела в ОГПУ²⁸⁹.

Ч. Винн справедливо заметил, что фактором, значительно обострившим обсуждение дела Смирнова–Эйсмонта–Толмачевым, было недавнее разоблачение группы Рютина. По всей видимости, члены Политбюро во главе со Сталиным действительно испытывали сильную тревогу по поводу возникновения «контрреволюционных террористических групп». Содержание платформы Рютина значительно усилило эти опасения²⁹⁰. Поэтому Сталин и его соратники ощущали угрозу своей безопасности и крайне болезненно воспринимали любые проявления инакомыслия.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся 7–12 января 1933 г., вывел Смирнова из состава ЦК, а также одобрил исключение Эйсмонта и Толмачева из партии «как разложившихся и переродившихся антисоветских людей»²⁹¹. 16 января 1933 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ Эйсмонт, Толмачев, а также еще один фигурант этого дела В.Ф. Попонин были приговорены к 3 годам лишения свободы²⁹². Таким образом, Эйсмонт и Толмачев, высокопоставленные правительственные чиновники с дореволюционным партийным стажем, были не просто исключены из партии, но еще и репрессированы только за то, что вели оппозиционные разговоры. Как нам представляется, в данном случае столь суровое наказание было важным сигналом,

²⁸⁸ Там же. С. 581–582, 592, 605–606, 611–612, 620, 637–638.

²⁸⁹ Там же. С. 641.

²⁹⁰ *Wynn C. The Right Opposition and the Smirnov–Eismont–Tolmachev Affair // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 102–103.*

²⁹¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 6. С. 32–33.

²⁹² Справка по делу так называемой «антипартийной контрреволюционной группировки Эйсмонта, Толмачева и других» // Реабилитация: как это было. Середина 80-х – 1991. Раздел IV. Реабилитация перестает быть партийным делом. Ноябрь 1989 – июль 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/67974>

показавшим нулевую толерантность власти к инакомыслию и оппозиционным настроениям.

Томский, Рыков и Шмидт на некоторое время сохранили свои места в ЦК, однако январский пленум 1933 г. указал, что они «поощряли» группу Смирнова–Эйсмонта–Ломинадзе в их «антипартийной работе». Им было вынесено предупреждение о том, что «при продолжении их нынешнего поведения к ним будут применены суровые меры партийных взысканий»²⁹³.

В общем, дела Сырцова–Ломинадзе, Смирнова–Эйсмонта–Толмачева и «Союза марксистов-ленинцев» являлись важными вехами в процессе разрушения остатков «коллективного руководства».

* * *

Противостояние между Сталиным и «правыми» во главе с Бухариным, Рыковым и Томским не исключало возможности выработки компромиссного, относительно сбалансированного экономического курса. Готовность Сталина пойти на некоторые уступки зависела от результатов внутривнутрипартийной борьбы. При этом борьба с «правыми» складывалась для Сталина нелегко, поскольку даже в его ближайшем окружении имелись сомнения относительно правильности отстаиваемого им политического курса в деревне.

Благодаря начавшемуся осенью 1928 г. наступлению Сталин добился того, что к началу 1929 г. сопротивление «правых» было практически полностью сломлено. Вместе с тем лидеры «правых» все еще оставались членами Политбюро (до определенного момента об их исключении из Политбюро не было и речи) и не собирались отрекаться от своих взглядов. Поэтому перед Сталиным стояла задача окончательно уничтожить репутацию вождей «правых», заклеив их как новых разрушителей «единства» партии.

Кульминационный момент этого противостояния наступил после того, как в январе 1929 г. троцкисты издали листовку с записью о тайном разговоре Бухарина с бывшим оппозиционером

²⁹³ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 6. С. 33.

Каменевым. Содержание полемики, происходившей на совместных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г., свидетельствует о том, что опубликованный троцкистами компромат стал триггером, сформировавшим в большевистском руководстве восприятие «правого крыла» Политбюро как оппозиционной группы, являющейся источником угрозы раскола в партии. Опираясь на соответствующие внутриэлитные настроения, Сталин нанес сокрушительный удар по позициям Бухарина, Рыкова и Томского в руководстве партии.

Поражение группы Рыкова–Бухарина привело к превращению Политбюро в сталинскую фракцию. В начале 1930-х гг. очаг инакомыслия в высших эшелонах власти находился не в Политбюро, как это было в 1920-е гг., а на уровне ЦК. Возникновение в это время групп антисталинской направленности было реакцией на социально-экономические последствия ультралевой политики Сталина и процесс разрушения «коллективного руководства».

Для раннего этапа утверждения сталинской диктатуры было характерно использование Сталиным доносов в качестве средства борьбы с инакомыслием в высших эшелонах партии и старой большевистской гвардии. Данная тенденция отражала растущее влияние Сталина и способствовала постепенному изживанию корпоративной солидарности большевистской элиты. К концу 1932 г. в политическом сознании Сталина и его окружения закрепились представления о том, что любое проявление инакомыслия таило угрозу их безопасности. Грань между инакомыслящими и «контрреволюционерами» оказалась стертой. Эти изменения открывали перспективу для окончательного утверждения сталинской диктатуры, которое произойдет позднее, вследствие проведения чисток 1937–1938 гг.

Заключение

«Коллективное руководство» являлось режимом олигархического типа, основанным на политической субъектности коллегиальных органов высшей власти СССР – Политбюро и Центрального комитета партии. Его главным звеном было взаимодействие более-менее равных по статусу вождей большевистской партии, являвшихся членами Политбюро. Члены ЦК и ЦКК, которые составляли второй уровень «коллективного руководства», в 1920-е гг. играли значительную и нередко решающую роль в функционировании этого политического режима, участвуя в принятии важнейших решений, определявших как вектор социально-экономического и политического развития страны, так и результаты борьбы за власть.

Коллегиальная модель власти в некоторой степени являлась логическим продолжением порядков, сложившихся еще при Ленине. После Ленина «коллективное руководство» воспринималось в партийной среде в качестве оптимального пути политического развития в условиях отсутствия безусловного лидера партии.

Императивом «коллективного руководства» было неукоснительное соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высших эшелонах власти. Переход конфронтации между членами высшего руководства партии в публичную сферу неизбежно приводил к обострению конфликта и создавал риски для большевистской диктатуры. Поэтому большевистская элита считала недопустимым открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии.

Вместе с тем принцип «единства» вступал в противоречие с нормами внутрипартийной демократии. Можно утверждать, что демократическая риторика оппозиции противоречила устоям «коллективного руководства». Иными словами, борьба за внутрипар-

тийную демократию в рамках большевистской диктатуры была обречена на поражение. В этой связи понятно, почему о нормах внутрипартийной демократии вожди большевистской партии (Троцкий, Зиновьев, Бухарин) вспоминали лишь после того, как оказывались в затруднительном положении.

Ключевыми факторами внутрипартийной борьбы и, соответственно, разрушения «коллективного руководства» являлись:

– взаимоотношения между сверхамбициозными вождями большевистской партии (Сталина, Зиновьева и Троцкого);

– имевшиеся в большевистском руководстве разногласия по ряду вопросов внутренней и внешней политики, т. е. сказывались противоречия и трудности, связанные главным образом с реализацией нэпа и идеи мировой пролетарской революции.

Должность генерального секретаря ЦК, несомненно, давала Сталину важные преимущества в борьбе за власть. Однако, как показывает наше исследование, Сталину, несмотря на его огромный аппаратный вес, в ряде эпизодов борьбы за власть для победы над оппонентами приходилось прикладывать значительные усилия. Дело в том, что вплоть до конца 1920-х гг. у него не было гарантированной поддержки большинства членов «руководящего коллектива».

Для более глубокого понимания перипетий внутрипартийной борьбы следует учитывать, что одним из элементов режима «коллективного руководства» являлось применение относительно мягкой карательной политики к оппозиционерам из числа старой большевистской гвардии.

Как нельзя лучше дух «коллективного руководства» 1920-х гг. показывает деятельность Серго Орджоникидзе. Он, хотя и выступал против оппозиции и находился со Сталиным в дружеских отношениях, отнюдь не был его послушным сателлитом. Орджоникидзе действовал самостоятельно, вступая подчас в противоречие с позицией Сталина. После назначения на пост председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) он в некоторой мере пытался смягчить остроту политических конфликтов и предотвратить применение в отношении оппонентов Сталина жестких наказаний. Вопреки бытующему в историографии мнению, следует отметить, что в конце 1920-х гг. Орджоникидзе разделял

взгляды Сталина по крестьянскому вопросу, но при этом занимал примирительную позицию до тех пор, пока Бухарин не был серьезно скомпрометирован.

Новые архивные документы, ставшие доступными в последние годы, позволяют более подробно исследовать не только формализованные, но и малоизвестные неформальные механизмы «коллективного руководства», в том числе деятельность так называемой «семерки». Создание и функционирование фракционной «семерки» было нацелено на поиск оптимального формата взаимоотношений внутри Политбюро, т. е. представляло собой проявление гибкости модели «коллективного руководства». Принцип конфиденциальности, положенный в основу деятельности этого теневого органа власти, создавал условия для консолидации большинства членов Политбюро и преодоления конфликтов между ними. Защитные механизмы «семерки» более года (с момента возникновения «семерки» в августе 1924 до конца 1925 г.) сдерживали обострение конфликтов в Политбюро. Опыт деятельности фракционной «семерки» способствовал утверждению практики проведения закрытых, неофициальных заседаний Политбюро.

В качестве своеобразного атрибута «коллективного руководства» выступало стенографирование заседаний высших органов партии – Политбюро и пленумов ЦК. С одной стороны, стенограммы Политбюро и пленумов ЦК выполняли функцию «защитного клапана», который канализировал полемику, сдерживал переход конфронтации в стадию прямых публичных столкновений. С другой стороны, в моменты наибольшего обострения политической борьбы стенографирование заседаний руководящих органов партии и последующая рассылка стенограмм партийному активу служили в руках фракции большинства средством расправы над оппонентами. Таким образом, эта практика, будучи изначально значимым инструментом «коллективного руководства», в силу его деформации и разрушения со временем превратилась в орудие борьбы за преобладание одной группы, а затем и одного лидера.

На разных этапах внутрипартийной борьбы Троцкий, Зиновьев и Бухарин предпринимали действия, нарушавшие нормы «кол-

лективного руководства». Тем самым они настраивали против себя большинство членов «руководящего коллектива», создавали впечатление о себе как об угрозе «единству» партии. На их фоне Сталин предстал в образе спокойного, уравновешенного лидера, способного предотвратить раскол в партийных рядах, обеспечить мир в большевистской партии и неизбежность ее диктатуры. По этой причине в решающие моменты внутривнутрипартийной борьбы Сталину удавалось заручиться необходимой поддержкой в высших эшелонах власти.

Таким образом, переход Троцкого и Зиновьева к открытой политической борьбе лишь укреплял позиции Сталина и ускорял разрушение режима «коллективного руководства». Серьезное влияние на исход противостояния Сталина и «правых» оказало опубликование троцкистами листовки с информацией о встрече Бухарина с Каменевым – компромата, создавшего видимость готовности Бухарина пойти на соглашение с бывшими оппозиционерами. Для Сталина не составляло особого труда с максимальной политической выгодой воспользоваться этим компроматом. При рассмотрении данного эпизода внутривнутрипартийной борьбы в настоящем исследовании были использованы считавшиеся утраченными стенограммы совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК, состоявшихся в начале 1929 г. Их анализ позволяет утверждать, что политические обвинения в нелояльности Бухарина к «коллективному руководству» сыграли в укреплении позиций Сталина и разгроме «правых» не меньшую роль, чем другие методы борьбы. В связи с этим грубую политическую ошибку Бухарина и связанный с ней компрометирующий материал можно рассматривать в качестве важного (и вместе с тем субъективного и случайного) фактора, обеспечившего консолидацию большинства вокруг Сталина.

Вследствие разгрома бухаринско-рыковской группы в 1929 г. Политбюро превратилось в сталинскую фракцию. Тем самым было положено начало утверждению сталинской диктатуры. Вместе с тем, как показано в этой книге, в начале 1930-х годов в некоторой степени сказывалось остаточное влияние норм «коллективного руководства». Разрушение «коллективного руководства» сопровождалось дальнейшим укоренением практики борьбы с любыми

оппозиционными проявлениями в ЦК и более низких эшелонах партийного «монолита». В результате к концу 1932 г. фактически стертой оказалась грань между инакомыслием и «контрреволюционной деятельностью». Тем самым был заложен фундамент для окончательного утверждения сталинской диктатуры в конце 1930-х гг.

И наконец, хотелось бы отметить, что автор этой книги вовсе не склонен идеализировать режим «коллективного руководства», ведь, в сущности, он представлял собой один из вариантов авторитаризма с рядом характерных атрибутов: политическая монополия большевистской партии; репрессивный аппарат, подавлявший даже зачатки политической оппозиции; командно-административная экономика; государственная пропаганда «единственно верной» коммунистической идеологии. Тем не менее, очевидно, что «коллективное руководство» оказалось меньшим злом по сравнению со сталинизмом. Перегибы, допущенные во время первой пятилетки, огромный размах политических репрессий во время «Большого террора» – последствия слома Сталиным сдержек и противовесов, стоявших на его пути к неограниченной власти.

Послесловие

Книга Дмитрия Апалькова посвящена проблеме, которая вызывала повышенный интерес историков в прошлом веке, но явно теряет популярность в нынешнем. Происходит это не потому, что политическая история утратила свое значение. Важность и необходимость ее исследования не оспаривается. Вместе с тем в развитии историографии происходит ярко выраженный поворот к социальной, культурной истории, истории повседневности и т. д. Политическая история в таких условиях остается на периферии внимания историков. Лидерство в изучении институтов советской диктатуры, механизмов ее развития и эволюции переходит к политологам. Они рассматривают соответствующие вопросы в сравнительной перспективе мировых тенденций утверждения и разрушения авторитаризма¹. И все же это не отрицает необходимости исторических исследований советского исторического процесса. Дело, начатое теперь уже классическими трудами, подготовленными на основе тщательного анализа сравнительно ограниченного круга источников², важно продолжить с опорой на новые документы.

Таких документов за последние десятилетия открылось немало. Среди них можно отметить материалы Политбюро, включая стенограммы его заседаний; переписку советских руководителей; тематические папки по оппозиции из архива Политбюро, поступившие в федеральные архивы из закрытого Архива Президента Российской Федерации; документы региональных архивов. На

¹ См., напр.: *Svolik M.W. The Politics of Authoritarian Rule*. New York, 2012.

² Наиболее известная из этих работ – книга С. Козна, опубликованная в 1988 г. в СССР под названием «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938» и ставшая источником вдохновения для российских историков, осваивавших новую, ранее запретную проблематику политической истории советского периода.

этой источниковой основе подготовлено немало важных работ, о которых можно узнать из введения к этой книге. Автор внимательно, как и положено добросовестному исследователю, использует результаты труда предшественников.

Обновляются также методологические основы изучения политического процесса как исторической проблемы. Синтезом различных направлений историографии является постановка вопроса о «новой политической истории», анализирующей не только изменения структур власти, но и политические практики, включая неформальные (например, патрон-клиентские отношения), взаимодействие высших руководителей между собой и многое другое.

Опираясь на новые источники и методологические приемы, автор этой книги обращается к важному периоду советской истории, когда происходил переход от реально работавшего «коллективного руководства» к единоличной диктатуре Сталина. Этот политический транзит был важным фактором развития страны в определенном направлении, ядром процесса, названного сталинской «революцией сверху». Достаточно широкие хронологические рамки, охватывающие все этапы внутрипартийной борьбы в 1920-е – начале 1930-х гг., позволяют в полной мере осмыслить причины и обстоятельства превращения Сталина в единоличного диктатора.

В отличие от распространенного фаталистического взгляда на победу Сталина, автор предпочитает анализировать те конкретные (и часто случайные) обстоятельства, которые привели к известному теперь результату. Хотел бы поддержать именно такой подход, составляющий, на самом деле, суть работы историка. Для того чтобы объявить состоявшиеся события неизбежными вовсе не нужны трудоемкие исследования хитросплетений исторического процесса, уникального в каждом своем явлении и даже тенденции.

Внимание автора к документальным свидетельствам своеобразия и вариантности рассматриваемых эпизодов политического противостояния в высших эшелонах власти позволяет читателю узнать много нового. Опираясь на малоизвестные данные о функционировании так называемой «семерки», неформального

Политбюро, созданного для поддержания единства в руководящей группе партии, автор справедливо обращает внимание на потенциал «коллективного руководства» как реального варианта развития советской политической системы. Много внимания уделяется неформальным практикам политического взаимодействия, которые ранее редко попадали в поле зрения историографии из-за недостатка источников. В работе справедливо отмечается, что обострение конфликтов в Политбюро оказывало разрушительное воздействие на партию в целом и на институты «коллективного руководства» в частности. С одной стороны, оппозиционеры использовали нелегальные с точки зрения утвердившихся партийных норм способы борьбы. С другой – фракция большинства все в большей мере полагалась на органы госбезопасности. Это последнее обстоятельство имело далеко идущие последствия.

Значительной новизной отличается исследование неизвестных до сих пор стенограмм заседаний Политбюро начала 1929 г., которые позволили подробно изучить столкновения между Сталиным и его сторонниками, с одной стороны, и группой Бухарина–Рыкова, с другой. Автор показывает, какое значение в этом противостоянии имели конкретные политические ошибки Бухарина, в частности, его встреча с Каменевым, какую значительную роль сыграл связанный с этой встречей компромат в определении позиций нейтральных членов высшего руководства и более широких слоев партийной номенклатуры. Подобные примеры можно продолжать.

Выход первой книги всегда большое событие, которое подводит определенные итоги и открывает новые перспективы в работе историка. Уверен, что в данном случае перспективы будут значительными и долгосрочными.

*О.В. Хлевнюк,
д.и.н., главный специалист
Института советской и постсоветской истории,
профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ*

Библиография

I. Архивные материалы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171 (тематические папки фонда Политбюро: «Деятельность оппозиционных групп 1920–1960-х гг.»).
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71 (коллекция документов по истории левой оппозиции 1920-х гг.).
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 (пленумы Центрального комитета).
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, 162, 163 (протоколы заседаний Политбюро ЦК).
5. Личные фонды (РГАСПИ):
 - 1) Ф. 558 (И.В. Сталин);
 - 2) Ф. 325 (Л.Д. Троцкий);
 - 3) Ф. 324 (Г.Е. Зиновьев);
 - 4) Ф. 323 (Л.Б. Каменев);
 - 5) Ф. 329 (Н.И. Бухарин);
 - 6) Ф. 85 (Г.К. Орджоникидзе).

II. Опубликованные источники

2.1. Сборники документов, материалы партийных органов:

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. Т. 1–4 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: «Терра», 1990.
2. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000.
3. Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925–1935. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
4. Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.

5. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 1–5 / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. М.: МФД, 2000.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. 9-е изд., доп. и испр. Т. 2–4, 6. М.: Политиздат, 1983–1985.
7. Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг. Сборник документов / Сост. О.Б. Мозохин. М.: «Историческая Литература», 2017.
8. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.
9. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991.
10. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004.
11. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг.: в 3 т. Т. 1–3 / Под ред. К.М. Андерсона, А.Ю. Ватлина, П. Грегори, А.К. Сорокина, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2007.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1–2 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999–2000.
13. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963.
14. Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М. – Л.: Госиздат, 1925.
15. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2011.
16. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. – Л.: Госиздат, 1926.
17. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. – Л.: Госиздат, 1928.
18. XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. – Л.: Госиздат, 1929.

2.2. Переписка:

1. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 / Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996.
2. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999.

3. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов, О.В. Наумов, О.В. Хлевнюк. М.: Россия молодая, 1995.
4. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис., Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001.

2.3. Мемуарная литература:

1. *Абрамович И.Л.* Воспоминания и взгляды. Кн. 1. Воспоминания. М.: Крук-Престиж, 2004.
2. *Авторханов А.* Технология власти. М.: СП «Слово» – Центр «Новый мир», 1991.
3. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.
4. *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991.
5. *Каганович Л.М.* Памятные записки. М.: ВАГРИУС, 1996.
6. *Ларина (Бухарина) А.М.* Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989.
7. *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М.: ВАГРИУС, 1999.
8. *Павлов И.М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб.: Петербург – XXI век, 2001.
9. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: Практикс, 2001.
10. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.
11. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: «Терра», 1991.

2.4. Политические сочинения:

1. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 45, 54. М., 1970, 1975.
2. *Сталин И.В.* Сочинения: в 13 т. Т. 11. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949.
3. *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.
4. *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991.
5. *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990.

2.5. Периодическая печать:

1. Бюллетень оппозиции. 1929, 1935. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/VO/VO-01.shtml>
2. Известия ЦК КПСС. 1989, 1990, 1991.
3. Ленинградская Правда. 1928.
4. Правда. 1923, 1924, 1926, 1927, 1928, 1929.

III. Литература

1. *Авторханов А.* Происхождение партократии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.
2. *Анфертьев И.А.* Деятельность «Союза марксистов-ленинцев». М.Н. Рютин и борьба за власть в 1928–1932 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2004.
3. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992.
4. *Борисенко Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Издательство «Европа», 2006.
5. *Ваганов Ф.М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930). М.: Политиздат, 1970.
6. *Васецкий Н.А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992.
7. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009.
8. *Войков М.И.* Ленинское наследие: Зиновьев, Сталин, Бухарин или Троцкий? // Альтернативы: теоретический и общественно-политический журнал. 2010. № 1. С. 46–65.
9. *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. Ч. 1–2. М.: АПН, 1989.
10. *Гетти А.* Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
11. *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие нэп. М.: МНИИПУ, 1991.
12. *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. М.: Московский рабочий, 1988.
13. *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 72–95.
14. *Гусев А.В.* Децисты – «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. С. 53–61.

15. *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103.
16. *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М.: Политиздат, 1990. С. 82–129.
17. *Девятков С.В.* Единовластие в России. Возникновение и становление (1922–1927 гг.). М.: МГУЛ, 2000.
18. *Демидов В.* Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. – декабрь 1929 г.). Новосибирск: Изд-во Сибирского кадрового центра, 1997.
19. *Дмитренко С.Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов. М.: Политиздат, 1976.
20. *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2006.
21. *Дэвис Р.У.* Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы // История СССР. 1991. № 4. С. 198–210.
22. *Зевелев А.И.* Истоки сталинизма. М.: Высшая школа, 1990.
23. *Иванов В.М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
24. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938.
25. *Карр Э.Х.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М.: «Интер – Версо», 1990.
26. *Каширин С.В.* Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
27. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
28. *Козлов А.И.* Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1991.
29. *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М.: Ипол, 1993.
30. *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988.
31. *Краснов А.В.* ЦКК–РКИ в борьбе за социализм (1921–1934 гг.). Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1973.
32. *Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2000.
33. *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

34. *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990.
35. *Надточеев В.* «Триумвират» или «семерка»? Из истории внутрипартийной борьбы в 1924–1925 годах // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М.: Политиздат, 1991. С. 61–72.
36. *Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: ИВИ РАН, 2002.
37. *Наумов В.П.* 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 31–42.
38. *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1992.
39. *Орлов И.Б.* Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013. С. 387–395.
40. *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993.
41. *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929. М.: Собрание, 2008.
42. *Панин Е.Л.* Оппозиция в партии большевиков в 1925–1926 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2002.
43. *Пирани С.* Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013.
44. *Писаренко К.А.* Тридцатилетняя война в Политбюро. М.: Вече, 2006.
45. *Резник А.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
46. *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: ТЕРРА, 1992.
47. *Роговин В.З.* Власть и оппозиции. М.: Товарищество «Журнал «Театр»», 1993.
48. *Рыженко Ф.Д., Узрюмов А.Л.* Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903–1927 гг.). М.: Высшая школа, 1969.
49. *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
50. *Санду Т.А.* «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919–1923 гг.): дис... канд. ист. наук. Тюмень, 2006.
51. *Скоркин К.В.* Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922–1934). М.: ВивидАрт, 2011.

52. *Симонов Н.С.* Термидор, брюмер или фрюктидор. Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3–18.
53. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 46–78.
54. *Старков Б.А.* Дело Рютина // Они не молчали. М.: Политиздат, 1991. С. 145–177.
55. *Старцев В.И.* От «необъятной власти» к единовластию в партии (1922–1929 гг.) // Политическое образование. 1989. № 11. С. 66–75.
56. *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013.
57. *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1990.
58. *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
59. *Тетюшев В.И.* Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1961. № 3. С. 3–25.
60. *Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д.* Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917–1934 гг.). М.: Высшая школа, 1974.
61. *Фельдман Д.М.* Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006.
62. *Фельштинский Ю.Г.* Два эпизода из истории внутривластной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 182–198.
63. *Фельштинский Ю.Г.* Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. Нью-Йорк: Телекс, 1991.
64. *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013.
65. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.
66. *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.
67. *Хлевнюк О.В.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М.: ИЦ «Россия молодая», 1993.
68. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

69. *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ, 2015.
70. *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.
71. *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Россия молодая, 1994.
72. Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). Историко-биографический справочник / Авт.-сост. Ю.В. Горячев. М.: Гра-ница, 2015.
73. *Чемоданов И.В.* Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации? // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 156–162.
74. *Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010.
75. *Черняков С.Ф.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б), 1923–1927 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2000.
76. *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze: Edizioni Aurora, 1975.
77. *Шарабаров П.Н.* «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928–1933 гг.: дис... канд. ист. наук. Киров, 2010.
78. *Швецов В.* Лев Троцкий и Макс Истмен: история одной политической дружбы // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 141–163.
79. *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М.: Вече, 2004.
80. *Якушев С.В.* Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 50–65.
81. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt, Brace & Co., 1951.
82. *Broue P.* The Political Struggles in Russia (1921–1929). London: J. Archer, 1987.
83. *Carr E.H.* The Russian Revolution: From Lenin to Stalin. 1917–1929. London: Macmillan, 1979.
84. *Clark W.A.* The Ryutin Affair and the «Terrorism» Narrative of The Purges // Russian History. Vol. 42 (2015). P. 377–424.
85. *Cohen S.F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938. New York: Alfred A. Knopf, 1973.
86. *Daniels R.V.* The Conscience of the Revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960.
87. *David-Fox M.* Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Av-torkhanov's Technology of Power // Slavic Review. Vol. 54. No. 4 (Winter 1995). P. 988–1003.

88. *Day R.B.* Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
89. *Deutscher I.* The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921–1929. London: Oxford University Press, 1959.
90. *Eastman M.* Since Lenin died. New York: Boni and Liveright, 1925.
91. *Friedrich C.J., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1956.
92. *Halfin I.* Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
93. *Kotkin S.* Stalin. Volume I: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York: Penguin Press, 2014.
94. *Nove A.* Was Stalin really necessary? // Encounter. 1962. Vol. XVIII. № 4. P. 86–92.
95. *Pipes R.* Russia under the Bolshevik regime. New York: Alfred A. Knopf, 1993.
96. *Rees E.A.* Stalin as Leader 1924–1937: From Oligarch to Dictator // The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953 / edited by E.A. Rees. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 19–58.
97. *Service R.* Stalin: a biography. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2005.
98. *Svolik M.W.* The Politics of Authoritarian Rule. New York: Cambridge University Press, 2012.
99. The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London: Yale University Press, 2008.
100. *Tucker R.C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. New York: Norton, 1973.
101. *Ulam A.B.* The man and his era. New York: Viking Press, 1973.

Указатель имен

А

Абрамович И.Л. – 19, 180
Авдеев П.Н. – 105, 108
Авторханов А.Г. – 19, 28, 180, 181
Андерсон К.М. – 16, 179
Андреев А.А. – 79, 122
Анфертьев И.А. – 13, 164, 181
Арендт Х. – 8
Арзамасцев А. – 164

Б

Бажанов Б.Г. – 18, 180
Бакаев И.П. – 105, 108
Бедный Д. – 63
Беленький Г.Я. – 90
Бжезинский З. – 8
Бордюгов Г.А. – 11, 181
Борисенок Е. – 71, 181
Бронин-Кац – 63
Бухарин Н.И. – 10, 12, 17–19, 21, 23, 31, 38, 41–44, 54–56, 58, 61, 64, 69–72, 74, 76–78, 85–89, 93, 101, 103, 109, 111, 112, 114–124, 126–154, 156, 158, 168, 169, 171–173, 175, 177, 178, 181, 182, 184

В

Ваганов Ф.М. – 8, 181
Валентинов Н.В. – 19, 68, 180
Васецкий Н.А. – 11, 181
Ватлин А.Ю. – 12, 16, 25, 87, 111, 120, 127, 128, 130, 134, 137, 179, 181
Вилкова В.П. – 12, 19, 41, 48, 52, 179
Винн Ч. – 167
Виола Л. – 115, 121, 179
Воейков М.И. – 12, 181
Волкогонов Д.А. – 10, 181
Володарский – 63
Воробьев В. – 150, 152, 153
Ворошилов К.Е. – 26, 41, 42, 45, 59, 79, 80, 95, 104, 105, 123, 124, 129, 134, 137, 139, 146
Врачев И.Я. – 101, 102, 108

Г

Галкин П.А. – 161, 163
Гальперин А.И. – 156, 158
Гетти А. – 11, 181
Голанд Ю.М. – 10, 72, 114, 181
Горелов И.Е. – 10, 181
Горинов М.М. – 11, 181
Горлицкий Й. – 84, 185
Горшак Я. – 164
Горячев Ю.В. – 22, 185
Грегори П. – 16, 179
Гусев А.В. – 13, 47, 55, 109, 181, 182

Д

Данилов В.П. – 10, 12, 16, 25, 112, 115, 116, 118, 120, 121, 125, 128, 130, 134, 137, 179, 182
Девятов С.В. – 11, 182
Демидов В. – 13, 182
Деникин А.И. – 106
Дзержинский Ф.Э. – 22, 23, 26, 40, 59, 61, 73, 74, 77, 79, 89, 99
Дмитренко С.Л. – 8, 182
Дойчер И. – 10, 34, 36, 66, 182
Дэвис Р.У. – 17, 161, 182
Дэниелс Р.В. – 9

Е

Евдокимов Г.Е. – 22, 41, 79, 81, 105, 108
Епихин С.С. – 108

Ж

Жуков И.П. – 82
Журавлев В.В. – 10, 182

З

Залуцкий П.А. – 22, 73
Захаров С.С. – 70, 71
Зевелев А.И. – 10, 182
Зиновьев Г.Е. – 12, 17, 20–24, 28, 29, 33, 34, 38, 39, 41–44, 46, 49, 50, 54, 55, 58–

65, 68–74, 76–79, 81–96, 98, 101–105,
107–110, 133, 134, 137, 144, 162, 163,
171–173, 178, 181

И

Иванов В.И. – 62
Иванов В.М. – 8, 182
Иванов М.С. – 161, 163
Истмен М. – 66, 67, 185

К

Кабаков И.Д. – 148
Кабахидзе Г.А. – 99
Каврайский В.А. – 156, 158
Каганович Л.М. – 17, 18, 71, 102, 155, 180
Калинин М.И. – 23, 34, 61, 77, 79, 95, 102,
104, 123–125, 127, 130, 139, 142
Каменев Л.Б. – 17, 18, 21, 22, 28, 33, 34, 36,
38, 40–43, 49, 51, 54, 59–62, 64, 65, 68–
79, 82–87, 90, 95–97, 105, 107–110, 114,
118, 121–123, 133–142, 144, 145, 150,
162, 169, 173, 177, 178
Камень А. – 50
Карр Э.Х. – 9, 52, 182
Каширин С.В. – 8, 182
Каюров А.В. – 161
Каюров В.Н. – 161
Квашонкин А.В. – 17, 179
Квириг Э.И. – 71
Киров С.М. – 13, 79, 80, 102, 185
Киселев А.С. – 62
Климов Ф. – 50
Козер Л. – 14, 25, 88, 182
Козлов А.И. – 10, 182
Козлов В.А. – 11, 181
Козловская Я. – 108
Колотилев Н.Н. – 166
Колчак А.В. – 106
Комаров Н.П. – 81, 166
Кондратьева Т.С. – 12, 182
Коротков И.И. – 22
Котов В.А. – 102, 130, 149
Кошелева Л.П. – 17, 179, 180
Коэн С. – 10, 21, 22, 71, 112, 128, 129, 132,
143, 175, 182
Красильников С.А. – 115, 116, 179
Красин Л.Б. – 62
Краснов А.В. – 8, 182
Кружинов В.М. – 13, 182
Крупская Н.К. – 49, 73, 78, 149, 150

Крыленко Е.В. – 66
Крыленко Н.В. – 67
Ксенофонтов Ф. – 50
Кубяк Н.А. – 23
Кузьмина Н.К. – 162
Куйбышев В.В. – 24, 30, 43, 45, 61, 77, 91,
98, 99
Куликов Е.Ф. – 149
Курс А.Л. – 156, 158

Л

Ларина-Бухарина А.М. – 18, 19, 136, 180,
184
Лашевич М.М. – 22, 41, 45, 90–92
Лельчук В.С. – 17, 180
Ленин В.И. – 7, 9, 13, 14, 19–23, 25, 27–29,
31, 33–41, 58–60, 66, 67, 76, 83, 84, 106,
107, 109, 132, 143, 149, 160, 170, 178,
180, 182, 183
Леонов Ф.Г. – 72, 73, 147
Лившин А.Я. – 112, 182
Лиздинь Г.Я. – 105, 108
Ломинадзе В.В. – 127, 156–159, 168
Луначарский А.В. – 57
Лядов М.Н. – 53

М

Малиновский Р. – 143
Маннинг Р. – 115, 121, 179
Медведев Р.А. – 10, 183
Менжинский В.Р. – 136, 138, 160
Микоян А.И. – 18, 115, 119, 124, 180
Мирохин Ф.В. – 164
Михайлов – 102
Мозохин О.Б. – 19, 179
Молотов В.М. – 17, 18, 50, 52, 61, 77, 79,
84, 87–93, 102, 104, 115–117, 119, 128,
140, 146, 153–155, 158, 165, 180
Муралов Н.И. – 45, 105, 107, 108

Н

Надточеев В. – 61, 183
Назаретян А.М. – 31
Назаров О.Г. – 11, 23, 30, 41, 61, 62, 76, 92,
98, 183
Наполеона Бонапарт – 34
Наумов В.П. – 17, 35, 183
Наумов О.В. – 17
Немов А.С. – 160
Никольский Н.В. – 165, 166
Ноув А. – 9
Нусинов И.С. – 156, 158

О

- Олех Г.Л. – 13, 52, 58, 183
 Орджоникидзе Г.К. – 17, 22, 24, 28, 31, 39,
 41–43, 45, 69, 73, 80, 84, 95, 98–104, 122,
 123, 125, 129, 131, 133, 137–140, 142–
 144, 148, 157, 171, 178, 184
 Орлов И.Б. – 112, 183
 Осинский В.В. – 121

П

- Павлов И.В. – 11, 183
 Павлов И.М. – 19, 180
 Павлюченков С.А. – 12, 26, 28, 44, 183
 Пайпс Р. – 9
 Панин Е.Л. – 13, 183
 Паньшинский В. – 164
 Пеньков М.А. – 128
 Пестковский С. – 46
 Петерсон А.А. – 105, 108
 Петровский Г.И. – 23, 79, 94, 122
 Петровский П.Г. – 126
 Пирани С. – 52, 183
 Писаренко К.А. – 13, 183
 Платонов Г. – 150–152
 Позерн Б.П. – 103
 Попов П.И. – 75, 76
 Попонин В.Ф. – 167
 Преображенский Е.А. – 11, 50, 51, 55, 181
 Пятаков Г.Л. – 22, 38, 45, 62, 93, 95, 105,
 138, 139

Р

- Равич-Черкасский Е.М. – 163
 Радек К.Б. – 22, 44
 Раковский Х.Г. – 22, 62, 105, 108
 Рафаил – 55
 Рахимбаев А.Р. – 62
 Резник А.В. – 13, 40, 47, 51, 55, 56, 183
 Резников Б.Г. – 156
 Рейн Р.П. – 46
 Рис Э.А. – 17, 180
 Роговая Л.А. – 17, 179, 180
 Роговин В.З. – 11, 12, 61, 128, 183
 Розенгольц А.П. – 134
 Розит Д.П. – 147
 Рудзутак Я.Э. – 23, 43, 59, 77, 79, 95, 103–
 106, 124, 125, 149
 Рыженко Ф.Д. – 8, 183

- Рыков А.И. – 21, 22, 24, 30, 36, 54, 61, 77,
 79, 86, 93, 102–104, 111, 112, 114–116,
 119, 120, 123, 128, 130, 131, 133, 135,
 138–140, 142, 144–149, 154, 158, 159,
 165, 166, 168, 169, 177
 Рютин М.Н. – 11, 13, 90, 118, 128, 159–164,
 167, 181, 184

С

- Савин А.И. – 115
 Санду Т.А. – 25, 28, 29, 183
 Сапронов Т.В. – 50, 55
 Сахаров В.А. – 13, 183
 Свердлов Я.М. – 28
 Свиридов П.С. – 108
 Серж В. – 34, 180
 Симонов Н.С. – 12, 184
 Скоркин К.В. – 13, 183
 Слепков А.Н. – 162
 Смилга И.Т. – 62, 95, 105, 107, 108
 Смирнов А.М. – 8, 184
 Смирнов А.П. – 165–168
 Смирнов В. – 101
 Сокольников Г.Я. – 17, 73, 95, 133, 137,
 139
 Соловьев К.С. – 105, 108
 Солец А.А. – 101, 125
 Сорокин А.К. – 16, 179
 Сталин И.В. – 7–13, 17, 18, 20, 21, 23, 28,
 30–35, 38–46, 48–51, 54, 55, 59–65, 67–
 71, 73, 74, 76–79, 82–87, 89–93, 95, 98–
 107, 109–133, 135, 137, 138, 140, 142–
 150, 152–157, 159–162, 164–169, 171–
 174, 176–178, 180–185
 Старков Б.А. – 10, 184
 Старцев В.И. – 10, 184
 Стороженко Н.А. – 162
 Суворова Л.Н. – 113, 184
 Сусенков В. – 164
 Сырцов С.И. – 62, 156–159, 168

Т

- Такер Р. – 9, 30, 122, 184
 Тархова Н.С. – 121, 184
 Тетюшев В.И. – 8, 184
 Титов А.Г. – 8, 184
 Толмачев В.Н. – 165–168
 Толоконцев А.Ф. – 62
 Томский М.П. – 21, 22, 30, 54, 59, 61, 62,
 77, 79, 88, 93, 104, 111, 112, 124, 126–

128, 130, 131, 133, 135, 137–142, 144–149, 154, 158, 166, 168, 169
Троцкий Л.Д. – 10–13, 17–19, 21–24, 28–30, 33–49, 51–55, 57–59, 61–70, 76, 77, 79, 82, 84–87, 89–93, 95–97, 102–110, 122, 123, 135, 136, 138, 145, 171–173, 178–185

У

Угланов Н.А. – 61, 73, 89, 95, 104, 114, 118, 126–128, 149, 152, 153, 162, 163
Угрюмов А.Л. – 8, 183
Улам А.Б. – 9
Ульянова М.И. – 149, 150
Уханов К.В. – 127
Ушакова С.Н. – 115

Ф

Файвиллович Л.Я. – 71
Фельдман Д.М. – 20, 184
Фельштинский Ю.Г. – 18, 19, 58, 122, 136, 178, 184
Фигатнер Ю.П. – 146, 147
Фицпатрик Ш. – 125, 184
Фридрих К. – 8
Фрумкин М.И. – 117, 135
Фрунзе М.В. – 22, 41, 59, 61, 66
Фукуяма Ф. – 7

Х

Хлевнюк О.В. – 12, 16, 17, 21, 25, 44, 60, 84, 100, 113, 115, 116, 120, 124, 125, 128, 130, 134, 137, 154, 155, 157, 159, 177, 179, 180, 184, 185
Хрущев Н.С. – 20

Ц

Цаунов С.В. – 11, 12, 25, 181, 185
Цейтлин Я.С. – 62
Цюрупа А.Д. – 36, 62

Ч

Чан Кайши – 96
Чарный М. – 50
Чемоданов И.В. – 112, 185
Чернышев И.С. – 90
Чернявский Г.И. – 58, 184, 185
Черняков С.Ф. – 12, 185
Чичерин Г.В. – 44
Чубарь В.Я. – 102

Чудов М.С. – 102
Чуев Ф. – 18, 180

Ш

Шабйон А.М. – 52
Шалагин К.Д. – 8, 184
Шапиро Б.Г. – 9, 90
Шапиро Л. – 9, 185
Шарабаров П.Н. – 13, 185
Шацкин Л.А. – 127, 156–159
Швальбе М.П. – 135
Швальбе Ф.П. – 134
Швецов В. – 67, 68, 185
Шкловский Г.Л. – 108
Шляпников А.Г. – 28, 29, 83, 90, 143
Шмидт В.В. – 79, 166, 168
Шубин А.В. – 11, 122, 185

Э

Эйсмонт Н.Б. – 165–168

Ю

Югов М.С. – 135

Я

Яковлев А.Н. – 161, 179
Яковлев Я.А. – 75
Якушев С.В. – 58, 185
Ярославский Е.М. – 26, 107, 126, 136, 140, 163

А

Arendt H. – 8, 185

В

Vroue P. – 10, 185
Brzezinski Z. – 9, 186
Bukharin N. – 10, 185

С

Carr E.H. – 9, 185
Clark W.A. – 161, 185
Cohen S.F. – 10, 185

Д

Daniels R.V. – 9, 58, 185
David-Fox M. – 19, 185
Day R.B. – 10, 185
Deutscher I. – 10, 186

E

Eastman M. – 66, 186

F

Friedrich C.J. – 9, 186

G

Gregory P.R. – 12, 167, 186

H

Halfin I. – 13, 186

K

Kotkin S. – 11, 186

L

Lenin V. – 9, 66, 185, 186

N

Naimark N. – 12, 167, 186

Nove A. – 9, 186

P

Pipes R. – 9, 186

R

Rees E.A. – 11, 186

Ryutin M. – 161, 185

S

Service R. – 11, 186

Stalin J. – 9, 11, 19, 185, 186

Svolik M.W. – 175, 186

T

Trotsky L. – 10, 185, 186

Tucker R.C. – 9, 186

U

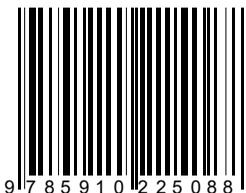
Ulam A.B. – 9, 186

W

Wynn C. – 167

Дмитрий Игоревич Апальков
Внутрипартийная борьба в ВКП(б):
от «коллективного руководства»
к сталинской диктатуре

Дизайн и обложка – Сергей Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
www.airo-xxi.ru
E-mail: airo@airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 10.01.2022
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 12.0
Зак.